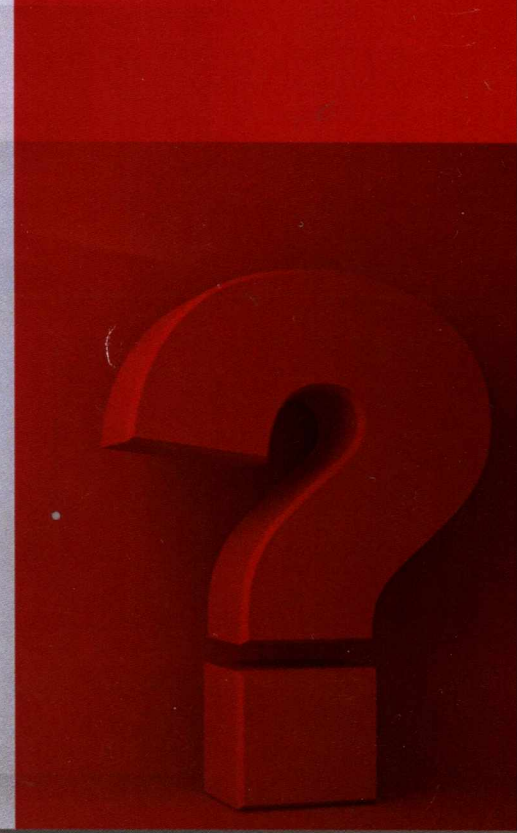
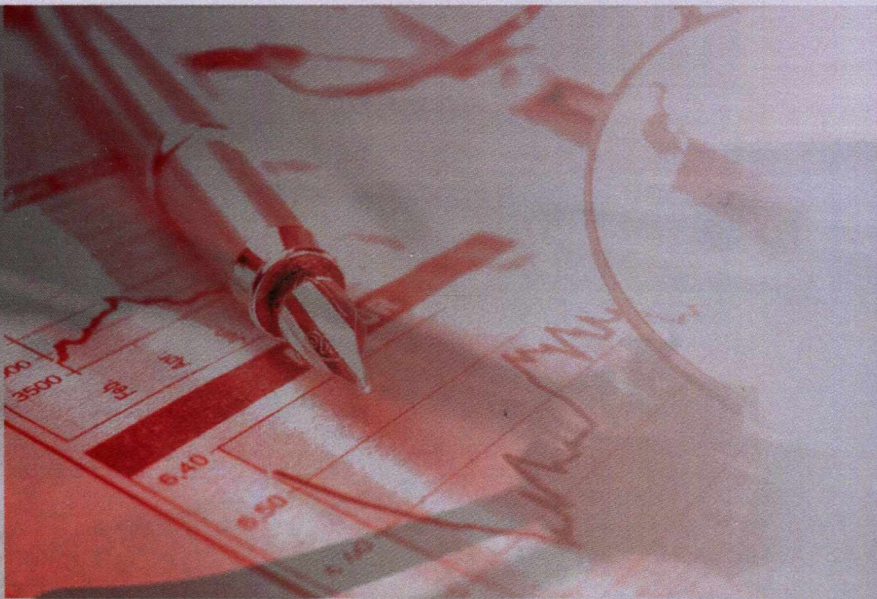

ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

№ 1(33)

2024
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издается с января 2015 года

2024 № 1(33)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:

В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

С.В. Агиевец (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
Е.М. Бахмат, В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев,
Е.Ф. Ивашкевич, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, С.В. Лауткина,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменицки,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Барышев В.А. Односторонние акты государства как источники международного права 3

Курлович Р.В. Отдельные проблемы формирования конституционно-правовых основ оборота и защиты информации в Республике Беларусь 11

Чубов А.Н. Специальный комплексный административно-правовой режим пересечения государственной границы Республики Беларусь: сущность и содержательная характеристика 20

Мороз Н.О. Международное регулирование мер укрепления доверия в использовании информационно-телекоммуникационных технологий 31

ЭКОНОМИКА

Бекиш Е.И., Мантур Е.Е. Эффективность деятельности ОАО «Керамика» и направления ее повышения 38

Калиева Г.Т., Сапаргалиев Х.У., Бекбаева М.К. Влияние изменения обменного курса национальной валюты на основные макроэкономические индикаторы 44

Шаматульская Е.В. Тенденции естественного воспроизводства сельского населения Витебской области 52

Янкевич Е.М. Математический инструментарий статистических исследований в экономике 64

ПСИХОЛОГИЯ

Фабрикант М.С. Связь частоты поиска информации в Интернете и социального доверия в сравнительной кросс-культурной перспективе 71

Климкович М.В. Временная перспектива как феномен психологического исследования 77

Яцкевич А.Ю. Влияние открытости информации о деятельности на ее безопасность 81

Лауткина С.В., Семёнова Н.С., Богомаз С.Л., Цзин Сяоцин Содержательные характеристики оценки психического здоровья китайских и белорусских студентов: сравнительно-сопоставительный анализ 87

Лауткина С.В., Радашкевич А.А. Сравнительный анализ академической прокрастинации и фрустрации у студентов и выпускников общеобразовательной школы 94

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2024 № 1(33)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
S.V. Agiyevets (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
E.M. Bakhmat, V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev,
E.F. Ivashkevich, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, S.V. Lautkina,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratsevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Baryshev V.A.* Unilateral Acts of the State as Sources of International Law 3
- Kurlovich R.V.* Some Problems of the Formation of the Constitutional and Legal Bases of Information Turnover and Protection in the Republic of Belarus 11
- Chubov A.N.* Special Complex Administrative Legal Regime of Crossing the State Border of the Republic of Belarus: Essence and Content Characteristics 20
- Moroz N.O.* International Regulation to Strengthen Confidence-Building Measures while Using Information and Telecommunication Technologies 31

ECONOMICS

- Bekish E.I., Mantur E.E.* Efficiency of Activities of JSC "Keramika" and Directions for its Improvement 38
- Kaliyeva G.T., Sapargaliyev Kh.U., Bekbaeva M.K.* The Impact of Changes in the Exchange Rate of the National Currency on the Main Macroeconomic Indicators 44
- Shamatulskaya E.V.* Trends of Rural Population Natural Reproduction in Vitebsk Region 52
- Yankevich E.M.* Mathematical Toolkit for Statistic Research in Economics 64

PSYCHOLOGY

- Fabrykant M.S.* Relationship between Internet Search Frequency and Social Trust in Comparative Cross-Cultural Perspective 71
- Klimkovich M.V.* Time Perspective as a Phenomenon of Psychological Research 77
- Yatskevich A.Yu.* The Impact of the Publicity of Information about the Activity on its Safety 81
- Lautkina S.V., Semionova N.S., Bogomaz S.L., Jing Xiaoqing* Content Characteristics of Chinese and Belarusian Students' Mental Health Assessment: A Comparative Analysis 87
- Lautkina S.V., Radashkevich A.A.* A Comparative Analysis of Academic Procrastination and Frustration among Students and School Graduates 94

УДК 341.24.016:340.13

Односторонние акты государства как источники международного права

Барышев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В международном публичном праве нет легального закрепления перечня источников, в результате чего этот вопрос решается доктринально, т.е. сложилось устойчивое мнение специалистов относительно их круга, в котором односторонние акты государства отсутствуют. Разработка Комиссией международного права ООН «Руководящих принципов, применимых к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств» и утверждение их сессией Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 2006 года, казалось бы, создали веские основания включить в состав источников международного права односторонние акты государств, но специалисты-международники не спешат это делать.

Цель данной статьи – исследование проблемы односторонних актов государства как источников международного права, выяснение их места и роли в практике межгосударственных отношений в истории и современности.

***Материал и методы.** В качестве материалов исследования использованы «Руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств», предложенные Комиссией международного права ООН, исторические и современные прецеденты односторонних правовых актов государств и их воздействие на международные отношения.*

Методами исследования были избраны: анализ, синтез, исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой.

***Результаты и их обсуждение.** Проведенное исследование дает основание констатировать присутствие в международном праве в качестве его источников односторонних актов государств, оказывающих прямое и непосредственное воздействие на международный процесс как практическое воплощение международного права. Односторонние акты государств, соответствующие принципам и нормам международного права, не создают проблем и противоречий в отношениях между государствами. Однако наряду с правомерными односторонними актами государств в реальности издаются и действуют нормы, которые в корне противоречат основным принципам международного права, что приводит к конфликтным и кризисным ситуациям в межгосударственных отношениях.*

***Заключение.** Односторонние акты государств – это письменные международно-правовые акты независимо от их наименования и от органа государства их издавшего, в которых содержатся юридические нормы, непосредственно адресованные одним государствам другим субъектам международного права или международному сообществу в целом. Они могут иметь правомерный и неправомерный характер. Все проблемы и противоречия в международных отношениях создают неправомерные акты государств.*

***Ключевые слова:** государство, международное право, источники права, односторонний акт, принципы права.*

Unilateral Acts of the State as Sources of International Law

Baryshev V.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

In public international law there is no legal fixation of the list of sources, as a result of which this issue is resolved doctrinally, i.e. there is a strong opinion among specialists regarding their circle, in which there are no unilateral acts of the state. The development by the UN International Law Commission of the "Guidelines applicable to unilateral statements by states capable of giving rise to legal obligations" and their approval by the Session of the UN General Assembly on December 18, 2006, would seem to have created compelling reasons to include unilateral acts of states in the sources of international law but international relations specialists are in no hurry to do this.

The purpose of the article is to study the problem of unilateral acts of the state as sources of international law, to clarify their place and role in the practice of interstate relations in history and modernity.

Material and methods. *The research material used was the "Guidelines applicable to unilateral statements by states that may give rise to legal obligations" proposed by the UN International Law Commission, historical and modern precedents of unilateral legal acts of states and their impact on international relations.*

The research methods chosen were: analysis, synthesis, historical, formal legal, comparative legal.

Findings and their discussion. *The conducted research gives grounds to state the presence in international law as its sources of unilateral acts of states that have a direct and immediate impact on the international process, as the practical embodiment of international law. Unilateral acts of states that comply with the principles and norms of international law do not create problems and contradictions in relations between states. However, along with legitimate unilateral acts of states, in reality, norms are issued and applied that fundamentally contradict the basic principles of international law, which leads to conflict and crisis situations in interstate relations.*

Conclusion. *Unilateral acts of states are written international legal acts, regardless of their name and the body of the state that issued them, which contain legal norms directly addressed to one state to other subjects of international law or to the international community as a whole. They can be legal or illegal. All problems and contradictions in international relations are created by unlawful acts of states.*

Key words: *state, international law, sources of law, unilateral act, principles of law.*

В международном праве сформировался традиционный круг источников, включающий: международные договоры как ведущий и основной источник, международные обычаи, акты международных конференций, акты международных организаций, акты международных судов и доктрина. В целом большинство специалистов в вопросе источников международного права стоят на позиции их создания в результате суммирования коллективной воли субъектов. Однако в реальной практике международных отношений значимая роль как в историческом плане, так и в современности принадлежит односторонним актам государства, непосредственно воздействующим на отношения между государствами и международными организациями.

Цель статьи – исследование проблемы односторонних актов государства как источников международного права, выяснение их места и роли в практике межгосударственных отношений в истории и современности.

Материал и методы. Материалом исследования явились взгляды отдельных юристов-международников на односторонние акты государств, «Руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обяза-

тельств», предложенные Комиссией международного права ООН, прецеденты односторонних правовых актов государств и их воздействие на международные отношения.

Методами исследования избраны: анализ, синтез, логический, исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. В международном праве сложилось солидарное мнение юристов-международников применительно к источникам международного права об их коллективной выработке всеми субъектами международного права, в чем выражается их общая интегрированная воля.

Примером такого подхода может служить определение международного права, данное в фундаментальном 7-томном «Курсе международного права», изданном в конце советского периода: «Современное международное право можно определить как систему юридических норм, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международного права, создаваемых путем согласования воли участников этих отношений...» [1, с. 29]. В определении международного права в учебном пособии коллектива авторов БГУ также подчеркивается согласование воли субъектов при создании

правовых норм: «Международное право – это система принципов и норм, выражающих общечеловеческие ценности, выработанных в процессе согласования позиций государств и иных субъектов международного права...» [2, с. 32].

В то же время в международном праве как в историческом прошлом, так и в настоящее время действовали и продолжают действовать односторонние акты государств. Однако проблема односторонних актов государств как источников в международном праве относится к разряду дискуссионных, вызывавших столкновение мнений специалистов. Выдающийся дореволюционный юрист-международник Ф.Ф. Мартенс в труде «Современное международное право цивилизованных народов» признавал во внешнеполитических актах государства источник права: «Национальные законы и правительственные мероприятия, поскольку они имеют своим предметом отношения, выходящие за пределы государственной территории, точно так же могут и должны быть признаваемы источником» [3, с. 108].

В советском международном праве односторонние акты государств не признавались большинством правоведов-международников в качестве источников, поскольку это противоречило концепции согласования воли государств при выработке международных норм. В качестве исключения можно привести небольшую монографию Э.М. Каламкаряна, в которой автор рассмотрел проблему односторонних актов государств и утверждалась необходимость признания таких актов в качестве источников [4]. Однако в настоящее время под воздействием позиции Комиссии международного права ООН вопрос об односторонних актах государства приобрел актуальность, и авторы вынуждены формулировать свою позицию по отношению к данной проблеме. В уже названном учебном пособии по международному публичному праву БГУ содержится вывод: «Итак, при определении прав и обязательств государств необходимо учитывать не только общепризнанные источники права, но и односторонние акты государств. Они хоть и не охватываются понятием “источники международного права” в общепринятом значении этого термина, но могут являться источником прав и обязательств по международному праву...» [2, с. 164]. Автором исследования вопроса об односторонних актах в названном учебном пособии государств являлась Е.В. Коннова, ей же принадлежит статья «К вопросу об определении понятия односторонних актов государств» [5]. Практически назван-

ными работами в белорусском международном праве и ограничивается круг исследований столь не простой проблемы.

Значимость вопроса об односторонних актах государства обусловила поручение Генеральной Ассамблеи ООН Комиссии международного права (далее – Комиссия) в 1996 году включить его в качестве темы для кодификации и прогрессивного развития международного права. Резолюцией 51/160 от 16 декабря 1996 года Генеральная Ассамблея поручила Комиссии продолжить изучение темы «Односторонние действия государств» и определить ее сферу охвата и содержание [6]. В 1997 году на своей сорок девятой сессии Комиссия учредила рабочую группу открытого состава по названной теме и назначила в качестве специального докладчика представителя Венесуэлы Виктора Седенью. С 1998 по 2005 год Комиссия получила и обсудила восемь докладов специального докладчика. Для завершения работы и придания ей нового импульса в июле 2006 года Комиссия образовала рабочую группу открытого состава по односторонним актам государства во главе с председателем – французом Аленом Пелле. В результате такого ускорения в августе 2006 года Комиссия путем аккламации (без голосования) приняла «Руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств» [7]. Во вступительной записке к резолюции, в которой были приняты Руководящие принципы, Комиссия отмечала неоднозначность концепции односторонних актов государства: отдельные односторонние акты формулируются на основе какого-либо ясно выраженного дозволения, существующего в международном праве, другие – создаются государствами в результате присущей им свободы действий на международном уровне. Предметом рассмотрения Комиссии явились лишь действия второго порядка, вытекающие из свободы действий государств в международных отношениях. Всего Комиссией были сформулированы десять Руководящих принципов, сопровождаемые комментариями с примерами, подтверждающими действие конкретных принципов.

Во вступительной части Руководящих принципов отмечается, что государства могут оказаться связанными своим односторонним поведением в отношениях с другими субъектами. При этом виды поведения, способные породить обязательства государства, «могут принимать форму официальных заявлений или неформализованного

поведения, включая – в определенных ситуациях – молчание, на которые другие государства могут разумным образом полагаться» [7]. Во вступлении также содержится оговорка, что Руководящие принципы «...касаются лишь односторонних актов *stricto sensu* (лат. в узком смысле), т.е. тех актов, которые принимают форму официальных заявлений, сформулированных государством с намерением породить обязательства по международному праву» [7].

В качестве первого Руководящего принципа Комиссия определила: «Заявления, сделанные публично и отражающие волю взять на себя обязательства, могут иметь следствием возникновение юридических обязательств. Если условия для этого выполнены, то обязательность таких заявлений основывается на принципе добросовестности; соответствующие государства могут затем принять их во внимание и полагаться на них; такие государства вправе требовать соблюдения подобных обязательств» [7]. Следует отметить определенную расплывчатость формулировки относительно обязательности заявлений, заключенных в словах «могут иметь», что создает возможность различного отношения к сделанным публично государствами заявлениям.

Право брать на себя юридические обязательства посредством односторонних заявлений признаются за всеми государствами, что стало содержанием второго принципа, сформулированного Комиссией. Однако, на наш взгляд, следовало бы указать, что такие заявления имеют право делать признанные субъекты международного права, поскольку в мире существуют и непризнанные государства.

Относительно правовых последствий односторонних заявлений, Руководящие принципы устанавливают необходимость учитывать их содержание, фактические обстоятельства их совершения, а также порождаемую ими реакцию. Представляется, что реакция других государств не может существенным образом влиять на правовые последствия односторонних актов какого-либо государства, поскольку она может быть, как принято в последнее время говорить, неоднозначной.

От имени государства делать односторонние заявления, налагающие на государство юридические обязательства в международном плане, уполномочены главы государств, главы правительств, министры иностранных дел, другие лица, представляющие государство в конкретных областях, относящихся к их компетенции.

Односторонние заявления могут быть сделаны как в устной, так и в письменной форме и их

адресатом может быть международное сообщество в целом, одно или несколько государств или другие образования.

Обязательства государств возникают лишь при условии их ясных и конкретных формулировок, и в случае сомнений относительно сферы действия они должны толковаться ограничительно.

Недействительным является одностороннее заявление, противоречащее императивной норме общего международного права. Одностороннее заявление государства не создает никаких обязательств для других государств, но другое государство или несколько государств могут взять на себя обязательства в связи с названным односторонним заявлением.

В заключительном десятом Руководящем принципе установлено правило о недопустимости произвольного отзыва одностороннего заявления. При определении того, является ли отзыв одностороннего заявления произвольным, должны учитываться: а) конкретные формулировки отзыва заявления; б) насколько другие субъекты, в отношении которых были взяты обязательства, полагались на них; с) имеет ли место коренное изменение обстоятельств в таком случае.

Руководящие принципы были переданы Генеральной Ассамблее ООН и одобрены в Резолюции от 18 декабря 2006 года.

Таким образом, проведя в течение десяти лет работу над проблемой односторонних актов государства, сделанных в виде их заявлений, Комиссия международного права ООН пришла к выводу о возможности применения государствами во внешнеполитических отношениях односторонних актов и признала за такими актами юридическую силу, и как следствие – обязательства по международному праву.

Однако Комиссия, на наш взгляд, облегчила себе работу, рассмотрев в качестве односторонних актов лишь заявления государств, при этом носящих правомерный характер, в целом соответствующие основным принципам международного права и не нарушающие международный правопорядок. В то же время проблема односторонних актов государств, на наш взгляд, значительно шире и глубже; она не ограничивается только заявлениями или действиями государств, соответствующими основным принципам и нормам международного права. Все конфликтные ситуации в международном праве являются односторонними действиями государств, совершенно не приемлемые в международном праве. Именно неправомерные действия государств, выраженные

в форме односторонних актов, создавали и создают главные мировые противоречия и проблемы в международном праве, как прошлого времени, так и современности.

Основная глубинная проблема международного права во все эпохи и времена – это войны. С их началом связан древний правовой институт объявления войны, который представлял собой односторонний акт государства, совершаемый в форме заявления об объявлении войны, что в результате длительности и повторяемости действия, предшествовавшего началу военных действий, приобрел форму международного обычая.

В древнем Риме в период Республики (509–27 гг. до н.э.) неукоснительно выполнялось правило: правомерная или справедливая война должна быть сначала объявлена, а уже потом начата. По утверждению римского философа и оратора М.Т. Цицерона: «Справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований или же предварительно возвестили и объявили» [8].

У римлян сложился сакральный ритуал объявления войны, в котором главную роль выполняли фециалы (жрецы) [9]. Эта римская правовая традиция перешла в дальнейшем в европейское право, лишившись сакральности и приобретя статус международно-правового обычая.

Можно привести пример начала Отечественной войны 1812 года: французский посол Ж. Лористон вручил в Петербурге ноту о начале военных действий Францией председателю Комитета министров Российской империи Н.И. Салтыкову 10 июня 1812 года, а французская армия перешла границу Российской империи лишь спустя два дня после объявления войны – 12 июня 1812 года.

Вторая Гаагская конференция мира в 1907 г. по предложению России приняла Конвенцию об открытии военных действий, где в ст. 1 было установлено: «Договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны» [10]. Россия выступила инициатором принятия названной Конвенции не случайно: война с Японией 1904–1905 гг. началась с внезапного нападения японцев на российский флот, что не вписывалось в обычные правила начала военных действий, которым неукоснительно следовали европейские государства в то время. Япония – азиатская страна, где существовали другие пред-

ставления о том, как следует начинать войны. Таким же образом Япония поступила 7 декабря 1941 года, начиная войну с США. Начало Первой мировой войны соответствовало требованиям Конвенции 1907 г. Германия в ответ на всеобщую мобилизацию, начатую Россией для защиты Сербии, 1 августа 1914 г. объявила ей войну, в след за Германией войну России объявила Австро-Венгрия. 2 августа императорским манифестом Россия объявила войну Германии.

При начале Второй мировой войны институт объявления войны также был формально соблюден: в ответ на нападение 1 сентября 1939 года Германии на Польшу, Франция и Великобритания 3 сентября объявили войну Германии. Развязывая войну против СССР, в нарушение Пакта Молотова–Риббентропа, Германия также формально не отступила от данного правила, но сделала это фактически после вторжения, чтобы использовать фактор внезапности. При этом объявление войны было продублировано: министр иностранных дел И. Риббентроп в Берлине вручил ноту советскому послу в Берлине В. Деканозову одновременно с вторжением, а спустя два часа посол Германии в Москве В. Шуленбург вручил наркому иностранных дел В. Молотову аналогичную ноту. В выступлении Молотова по радио 22 июня 1941 года, в котором советское правительство объявило гражданам СССР о начале войны с Германией, специально отмечено этот факт: «Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против Советского Союза...» [11].

В тот же день 22 июня 1941 года войну СССР объявили союзники Германии – Италия и Румыния.

Прекращение состояния Второй мировой войны между главными участниками происходило путем односторонних деклараций: США, Англия и Франция прекратили состояние войны с Германией в 1951 г., издав односторонние акты. Советский Союз прекратил состояние войны с Германией путем издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 г., в соответствии с которым прекращалось состояние войны между Германией и Советским Союзом и между государствами устанавливались мирные отношения [12].

В итоге можно констатировать: важнейшие судьбоносные события истории человечества

юридически облакались в форму односторонних актов государств об объявлении войны, что должно было, очевидно, придать войне характер легитимности.

Современное международное право в соответствии с принципом мирного разрешения международных споров отрицает правомерность ведения войны. Применение силы в международном праве возможно в соответствии с решением Совета Безопасности, основанным на ст. 42 Устава ООН в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Также ст. 51 Устава ООН предоставляет государствам право на индивидуальную или коллективную самооборону. Во всех других случаях односторонние действия государств вооруженного характера будут, согласно современной терминологии, серьезными нарушениями международного права, как бы при этом они не назывались представителями государств, ведущих подобные действия.

Обратим внимание на то, что в последнее время государства не считают обязательным объявление начала военных действий: вторая Карабахская война осени 2020 г. между Азербайджаном и непризнанным субъектом международного права Нагорно-Карабахской Республикой, поддерживаемой Арменией, не была объявлена ни одной стороной.

Новым явлением в международном праве выступают экономические и политические санкции, применяемые отдельными государствами и международными организациями в отношении государств, действия которых, по мнению первых, нарушают международный мир и безопасность.

В связи с присоединением Крыма к России в феврале 2014 г. и конфликтом на востоке Украины, США, Канада, Австралия и страны Европейского Союза ввели в отношении России и ряда российских юридических и физических лиц ограничительные политические и экономические меры. Указом Президента РФ были введены встречные санкции в отношении названных государств и стран ЕС в виде отказа от закупки продовольственных товаров, производимых в этих странах. По своей форме санкции, вводимые в отношении какого-либо государства другими субъектами права, являются односторонними актами, самым непосредственным образом воздействующие на межгосударственные отношения. Следует отметить, что санкции могут вводиться и международными организациями в отношении отдельных государств.

Важной сферой применения односторонних актов государств являются их претензии в отно-

шении территорий, правовой статус которых не закреплен или не установлен достаточно определенно в международном праве. Примером применения и действия подобных односторонних актов может быть реализация государствами, имеющими арктическое побережье, своих интересов в Арктике. Инициатором в этом вопросе выступила Канада, которая начиная с 1925 г. приняла ряд законодательных актов в отношении своих арктических территорий, основанных на секторальной концепции раздела Арктики. Вслед за Канадой Норвегия в 1925 г. объявила своей территорией архипелаг Шпицберген, с установлением территориального моря вокруг островов архипелага. Следуя примеру названных государств, Президиум ЦИК СССР 15 апреля 1926 г. принял Постановление, которое объявило территорией СССР все «как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане до Северного полюса в пределах между меридианами 32° 04' 35" в.д. и 168° 49' 30" з.д.» [13]. Границы, определенные Постановлением ЦИК, установили арктический сектор, в пределах которого СССР заявил о праве на земли и острова, находящиеся в нем. Односторонним актом было Постановление Правительства СССР об открытии Северного морского пути для международного судоходства, принятое в 1991 году. Постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1487 были утверждены «Правила плавания в акватории Северного морского пути».

Даже государства, находящиеся на значительном удалении от Арктики, заявили о своих правах на этот стратегически важный регион. Примером могут служить действия правительства Китая: 28 января 2018 г. Госсовет КНР издал Белую книгу «Политика Китая в Арктике» [14]. В этом документе утверждается, что Китай географически является «около арктическим государством» (Near-Arctic State), расположенным в непосредственной близости к Северному полярному кругу. На основании этого утверждения руководство Китая заявило о своем праве на присутствие в Арктике, праве на управление этим регионом, провозгласило новое направление китайской внешнеэкономической экспансии «Ледяной шелковый путь».

Также односторонними актами государства, имеющие морские границы, установили пределы своих морских территорий. При этом процесс установления ширины территориального моря продолжался на протяжении более двух

столетий: с 1760 года, когда Испания первой объявила о своем территориальном море, до начала 80-х годов XX века. Ширина территориального моря СССР в 12 миль была установлена в 1927 году Положением об охране государственной границы Союза ССР [15]. Протяженность территориального моря имеет особую значимость для каждого морского государства, поскольку определяет его водную и воздушную границу.

С развитием средств массовой информации возникла такая форма реагирования государств на происходящие события в мире, как их оценка и изложение собственной позиции. В СССР такие оценки от имени советского правительства давались в виде заявлений ТАСС (Телетайпного агентства Советского Союза). В настоящее время доведение официальной точки зрения глав государств, правительств до средств массовой информации осуществляют пресс-секретари глав государств, министерств иностранных дел.

В праве внешних сношений государства часто обращаются к практике односторонних актов, которые самым непосредственным образом влияют на их взаимоотношения. К таким действиям относятся: разрыв дипломатических отношений между государствами, объявления дипломатических представителей иностранного государства персонами «non grata».

Признание новых субъектов международного права также осуществляется государствами часто односторонними правовыми актами, после чего открываются возможности развития отношений между ними.

В праве международных договоров, где наиболее полно выражается согласованная воля государств, также присутствуют односторонние акты государства. Это проявляется в присоединении государств к международным договорам, в правопреемстве договоров, поскольку такие действия сопровождаются формально односторонними актами. Противоположные действия государств, которыми они прекращают свое участие в договорах: денонсация и аннулирование международных договоров – это также бесспорные односторонние акты государств.

Заключение. В итоге, с полным основанием следует констатировать присутствие в международном праве в качестве его источников односторонних актов государств, оказывающих прямое и непосредственное воздействие на международный процесс как практическое воплощение международного права.

Односторонние акты государств – это письменные международно-правовые акты независимо от их наименования и от органа государства их издавшего, в которых содержатся юридические нормы, непосредственно адресованные одним государствам другим субъектам международного права или международному сообществу в целом. Они могут иметь правомерный и неправомерный характер. Правомерные односторонние акты государств соответствуют основным принципам международного права, в силу чего они не создают конфликтных и спорных ситуаций. Издание и дальнейшее действие правомерных односторонних норм соответствует духу и смыслу существования международного права. Такие нормы были рассмотрены Комиссией международного права, признавшей их правомерность и право на существование как источников права.

Однако наряду с правомерными односторонними актами государств издаются и действуют нормы, которые в корне противоречат основным принципам международного права. Именно неправомерные нормы государств создают конфликтные и кризисные ситуации в международном праве, но их полное игнорирование или практика отказа в признании их легитимности со стороны других субъектов международного права не решает проблему. Очевидно, любой неправомерный акт какого-либо государства требует соответствующей реакции государства или группы государств, против которых он направлен. В то же время запретить принятие государствами односторонних актов, противоречащих принципам и нормам международного права, невозможно. Это объективная реальность, изначально существующая в международном праве, и ее следует учитывать.

Литература

1. Курс международного права: Понятие, предмет и система международного права: в 7 т. – М.: Наука, 1989. – Т. 1 / Ю.А. Баскин [и др.]; отв. ред.: Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. – 360 с.
2. Международное публичное право. Общая часть: учеб. пособие / Ю.П. Бровка [и др.]; под ред. Ю.П. Бровки, Ю.А. Лепешкова, Л.В. Павловой. – Минск: Амалфея, 2011. – 496 с.
3. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. / Ф.Ф. Мартенс. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2008. – 209 с.
4. Каламкарян, Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств / Р.А. Каламкарян. – М.: Наука, 1984. – 136 с.
5. Коннова, Е.В. К вопросу об определении понятия односторонних актов государств / Е.В. Коннова // Международное право и международные отношения. – 2008. – № 3. – С. 3–8.

-
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/51/160 «Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок восьмой сессии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp9.pdf> – Дата доступа: 25.08.2023.
7. Руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/763/47/PDF/N9776347.pdf?OpenElement> – Дата доступа: 25.08.2023.
8. Цицерон, М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях / М.Т. Цицерон. – М.: Наука, 1993. – 171 с.
9. Мишулин, А. Объявление войны и заключение мира у древних римлян / А. Мишулин // Ист. журн. – 1944. – № 10–11. – С. 103–113.
10. Конвенция об открытии военных действий от 18 октября 1907 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dos.cntd.ru> – Дата доступа: 25.08.2022.
11. Текст выступления по радио заместителя Председателя СНК наркома иностранных дел В.М. Молотова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/456566> – Дата доступа: 25.08.2023.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 г. «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией» // Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. – М.: Госюриздат, 1956. – С. 145–146.
13. Постановление Президиума ВЦИК от 15 апреля 1926 года «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном ледовитом океане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alppp.ru/law/konstitucionnyj-stroj/territoriya/18/postanovlenie-prezidiuma-cik-sssr-ot-15-04-1926.html> – Дата доступа: 25.08.2022.
14. Цзэнцзюнь, Куан. Новая политика Китая по Арктике (О Белой книге «Политика Китая в Арктике») / Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 7. – С. 84–91.
15. Положение об охране государственных границ Союза ССР. 1927. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13978> – Дата доступа: 25.08.2022.

Поступила в редакцию 03.11.2023

Отдельные проблемы формирования конституционно-правовых основ оборота и защиты информации в Республике Беларусь

Курлович Р.В.

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь

На современном этапе развития общества постоянно повышается роль информации как для защиты интересов отдельных граждан, так и для защиты интересов юридических лиц, общества и государства в целом. Так как Конституция Республики Беларусь является основным юридическим актом, который устанавливает правовой режим в государстве и закрепляет основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений, требуется определение конституционных основ оборота и защиты информации.

Цель работы – выделение отдельных проблем конституционно-правового регулирования оборота и защиты информации в Республике Беларусь и разработка предложений по их преодолению.

Материал и методы. *Материалом для научного исследования послужили международные договоры и соглашения о правах и свободах человека, модельное и национальное законодательство об информации, конституционное законодательство зарубежных стран, научно-практическая литература по рассмотрению проблем оборота и защиты информации. В качестве основных методов использовались метод системного анализа, формально-юридический и сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм.*

Результаты и их обсуждение. *Результаты анализа законодательства об информации показывают неоднозначное толкование отдельных правовых норм в сфере оборота и защиты информации. Акцентируется внимание на том, что в настоящее время конституционные нормы об информации не обеспечивают баланс интересов личности, общества и государства, так как Конституция Республики Беларусь, отдавая приоритет правам и свободам каждого человека и гражданина, в определенной степени игнорирует необходимость защиты информации в интересах общества и государства. Закрепленные в Конституции Республики Беларусь нормы об информации не выполняют функцию основополагающих предписаний в данной сфере, так как не отражают базовые интересы субъектов отношений в области оборота информации.*

Заключение. *В рамках проведенного исследования проанализированы правовые нормы законодательства об информации и сделан вывод, что в Республике Беларусь не в полной мере создана конституционная основа для регулирования общественных отношений в сфере оборота и защиты охраняемой государством общественно-значимой информации, а также сформулированы предложения по совершенствованию национального законодательства.*

Ключевые слова: *баланс интересов, государство, защита информации, Конституция, конституционно-правовые основы, личность, оборот информации, общество, пользование, право, проблемы формирования, служебная информация.*

Some Problems of the Formation of the Constitutional and Legal Bases of Information Turnover and Protection in the Republic of Belarus

Kurlovich R.V.

State Border Committee of the Republic of Belarus

At the present stage of human society development, the role of information is constantly increasing both to protect the interests of individual citizens and to protect the interests of legal entities, society and the state as a whole. Since the Constitution is the main legal act that establishes the legal regime in the state and fixes the fundamental principles and norms of legal regulation of the most important public relations, it is necessary to identify the constitutional foundations of the circulation and protection of information.

The purpose of the work is to identify individual problems of constitutional and legal regulation of the turnover and protection of information in the Republic of Belarus and the development of proposals to overcome them.

Material and methods. *The material for the scientific research was international treaties and agreements on human rights and freedoms, model and national legislation on information, constitutional legislation of foreign countries, scientific and practical literature on the consideration of the problems of circulation and protection of information. The main methods used were system analysis, formal legal and comparative legal methods, methods of interpretation of legal norms.*

Findings and their discussion. *The results of the analysis of the legislation on information show an ambiguous interpretation of certain legal norms in the field of information circulation. It is emphasized that at present the constitutional norms on information do not ensure a balance of interests of the individual, society and the state, since the Constitution, giving priority to the rights and freedoms of every person and citizen, to a certain extent ignores the need to protect information in the interests of society and the state. Norms on information enshrined in the Constitution do not fulfill the function of fundamental prescriptions in this area, since they do not reflect the basic interests of the subjects of relations in the field of information circulation.*

Conclusion. *Within the framework of the conducted research, legal norms are analyzed and it is concluded that the constitutional basis for regulating public relations in the sphere of circulation of socially significant information protected by the state has not been fully established in the Republic of Belarus, and proposals for improving national legislation are formulated.*

Key words: *balance of interests, state, information protection, Constitution, constitutional and legal foundations, personality, information turnover, society, use, right, problems of formation, official information.*

Современное общество все более развивается как информационное, что объясняет возрастающее значение права на информацию и права на доступ к информации как фундаментальных прав личности. Право на информацию закреплено во всех важнейших международных документах о правах и свободах человека. Во Всеобщей декларации прав человека провозглашена свобода «искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» (ст. 19) [1]. Аналогичные права предусматривают Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 10) [2] и Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 19) [3]. В Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) право гражданина на информацию закреплено в статье 34 [4].

Вместе с тем технологическая эволюция становится источником принципиально новых угроз, предоставляя недоступные ранее возможности негативного влияния на личность, общество и государство. Происходящие в мире процессы глобализации, в которых одну из ключевых ролей играет информация, вынуждают все большее внимание обращать на актуальность правовых норм законодательства в сфере информации и принимать своевременные меры по его совершенствованию.

Анализ научно-практической литературы показывает, что в целом проблемы содержания, форм проявления административно-правовых режимов и иные различные аспекты правового регулирования вопросов оборота и защиты охраняемой информации нашли широкое отражение в исследованиях значительного количества авторов. Среди наиболее значимых исследований правового регулирования конфиденциальной информации, носящих общетеоретический, концептуальный характер, следует отметить монографии А.А. Фатьянова [5] и В.Н. Лопатина [6]. Концепция информации как явления и условия жизни общества, национальные интересы в информационной сфере как объект информационной безопасности исследованы и изложены А.А. Стрельцовым [7]. На формирование научного осознания проблемы безопасности информации определяющее влияние оказывают результаты

исследований А.А. Фатьянова [8], Л.К. Терещенко [9], В.А. Копылова [10], закрепляющие понятие и сущность феномена тайн, а также характеризующие правовой режим информации как правовой регулятор обеспечения ее безопасности. Теоретические положения защиты государственных секретов на монографическом уровне разрабатывались М.А. Вусом и А.В. Федоровым [11]. Вопросы информационной безопасности исследовали ряд ученых, в т.ч. О.С. Макаров [12] и Т.А. Полякова [13].

Как отмечается, на основе исследований, посвященных проблемам совершенствования законодательства в области информатизации, усилиями И.Л. Бачило, В.А. Копылова, А.Б. Агапова, М.М. Рассолова, А.В. Морозова и некоторых других ученых сформировалась новая отрасль права – информационное право, в рамках которого интенсивно исследуются проблемы правового режима информации, права и свободы человека и гражданина в области информационной деятельности и иные вопросы в сфере оборота и защиты охраняемой информации [14, с. 7]. Наряду с общими вопросами информационного права (понятие, предмет, метод, принципы), И.Л. Бачило большое внимание уделено научно-практическим проблемам развития информационных процессов. Ученым исследованы и изложены вопросы информационной глобализации и Интернета, факторы, влияющие на развитие информационного общества, роль информации в становлении гражданского общества, а также проблемы формирования массовой информации [15]. Зарубежный опыт конституционного обеспечения свободы массовой информации и права на информацию, идеи, лежащие в основе данного права, изучался Т.В. Косоруковой [16]. Вопросы сущности, правового регулирования, особенности административно-правовых режимов информации, распространение которой нежелательно, исследовались О.С. Соколовой [17], Ю.В. Пономаревой [18], А.А. Антопольским [19] и иными учеными.

Для раскрытия предмета исследования целесообразно исходить из того, что оборот информации происходит в процессе ее создания, распространения, использования, хранения

и уничтожения (утилизации). Информация может находиться в гражданском, административном или другом обороте. Под защитой информации понимается деятельность, направленная на предотвращение утечки защищаемой информации, а также несанкционированных воздействий на нее (ст. ст. 2, 19 Информационного кодекса для государств-участников СНГ) [20].

Как отмечает Г.А. Василевич, в современных государствах основным юридическим актом, который вносит порядок в систему правового регулирования, является Конституция Республики Беларусь [21, предисловие]. В преамбуле Конституции Республики Беларусь предусматривается, что Конституция является Основным Законом Республики Беларусь. В развитие данного положения Конституции Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» определяет, что Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь, закрепляет основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений (ст. 12).

Как указывалось выше, на современном этапе развития общества постоянно повышается роль информации как для защиты интересов отдельных граждан, так и для защиты интересов юридических лиц, общества и государства в целом. Наряду с этим результаты анализа действующего в Республике Беларусь законодательства относительно норм права об информации позволяют сделать вывод, что Конституция Республики Беларусь, отдавая приоритет правам и свободам каждого человека и гражданина, в определенной степени не отражает необходимую степень защиты информации в интересах общества и государства. Следует отметить, что до настоящего времени в Республике Беларусь не проводилось исследований конституционных норм, на основе которых выстраивается система общественных отношений в сфере оборота и защиты охраняемой информации с целью исключения (минимизации) негативного влияния на личность, общество и государство.

Цель работы – выделение отдельных проблем конституционно-правового регулирования оборота и защиты информации в Республике Беларусь и разработка предложений по их преодолению.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужили международные договоры и соглашения о правах и свободах человека, модельное и национальное законодатель-

ство об информации, конституционное законодательство зарубежных стран, научно-практическая литература по рассмотрению проблем оборота и защиты информации. В качестве основных методов использовались метод системного анализа, формально-юридический и сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм.

Результаты и их обсуждение. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь (ст. 34) гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды (часть первая); государственные органы, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы (часть вторая). Вместе с тем Конституция Республики Беларусь предусматривает, что пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав (часть третья ст. 34) [4].

Анализ ст. 34 Конституции Республики Беларусь позволяет выделить следующие нормативные предписания: 1) *гражданам гарантируется* право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной общественно значимой информации; 2) в Конституции Республики Беларусь закреплена обязанность государственных органов *предоставить гражданину* возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы; 3) в Конституции закреплена *возможность ограничения пользования* информацией; 4) пользование информацией может быть ограничено законодательством; 5) *целью* ограничения пользования информацией *является защита* чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав. Представляется, что изложение ст. 34 Конституции Республики Беларусь в действующей редакции носит односторонний и противоречивый характер и позволяет выделить несколько проблемных вопросов относительно толкования и применения закрепленных в ней правовых норм.

1. Конституция Республики Беларусь *гарантирует гражданам* право на получение обще-

ственно значимой информации **и закрепляет обязанность государственных органов предоставить гражданину** возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы, но при этом Конституция Республики Беларусь не закрепляет право на получение такой информации для государственных органов, общественных организаций, политических партий, субъектов хозяйствования и иных юридических лиц, а также возможность ознакомления с материалами, затрагивающими их права и законные интересы. В настоящее время закрепленные в Конституции Республики Беларусь правовые нормы об информации не охватывают все основные аспекты регулирования общественных отношений в сфере оборота и защиты информации.

Наглядным примером надлежащего закрепления в Конституции Республики Беларусь основополагающих предписаний является ст. 13, в которой определены базовые правовые нормы регулирования общественных отношений в сфере собственности. В данной статье закреплены:

формы собственности (государственная и частная);

объекты, находящиеся исключительно в собственности государства (недра, воды, леса, земли сельскохозяйственного назначения);

равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом;

гарантии государства: равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; **равной защиты и равных условий** для развития всех форм собственности;

цель государственного регулирования экономической деятельности: **интересы человека и общества**; обеспечение направления и координации государственной и частной экономической деятельности в социальных целях;

правовая норма, на основе которой государство будет выстраивать систему регулирования отдельных видов экономической деятельности: «законом могут быть определены и другие объекты, которые находятся только в собственности государства, либо установлен особый порядок перехода их в частную собственность, а также закреплено исключительное право государства на осуществление отдельных видов деятельности» [4].

Вместе с тем **закрепленные в Конституции Республики Беларусь нормы об информации не выполняют функцию базовых (основопола-**

гающих) норм в данной сфере, **так как представляют только интересы граждан** и не предусматривают норм, на основе которых будет выстраиваться система общественных отношений в сфере оборота и защиты информации, в том числе в интересах обеспечения национальной безопасности, общественного порядка, государственных органов, общественных организаций, политических партий, субъектов хозяйствования и иных юридических лиц.

2. Конституция Республики Беларусь **предусматривает ограничение права на пользование информацией**, при этом она не закрепляет возможность ограничения права на поиск, получение, передачу, сбор, обработку, накопление, хранение, распространение и (или) предоставление информации.

Несмотря на то, что словарь С.И. Ожегова трактует слово «пользоваться» как употреблять для своей надобности, извлекать выгоду для себя из чего-нибудь, так и обладать чем-нибудь, иметь что-то [22, с. 452], Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации), являясь базовым законодательным актом в сфере информации, четко разграничивает понятие «пользование информацией» от возможности ее поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления. Изложенное выше наглядно подтверждается в ст.ст. 2, 4, 6 Закона об информации, в определении понятия «доступ к информации», под которым понимается возможность получения информации и пользования ею (ст. 1), а также в определении понятий «владелец информационных ресурсов», «информационные отношения», «информационная технология», «пользователь информации», «собственник информационных ресурсов». Все же Закон об информации не дает определение понятию «пользование информацией», что затрудняет понимание указанной выше конституционной нормы относительно возможности ограничения права на пользование информацией.

3. Конституция Республики Беларусь закрепляет возможность **ограничения права пользования информацией только в целях защиты** чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав. При этом **Конституция не закрепляет право государства ограничивать** поиск, получение, передачу, сбор, обработку, накопление, хранение, **распространение и (или) предоставление информации**

в целях защиты интересов общества, государства и субъектов хозяйствования.

Статья 23 Конституции Республики Беларусь предусматривает возможность ограничения прав и свобод личности, в том числе права на информацию, только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Указанная норма Конституции Республики Беларусь предусматривает только ограничение прав и свобод граждан и не подразумевает ограничение права на информацию общественных объединений, политических партий, юридических лиц и иных организаций, в том числе иностранных.

Необходимо отметить, что в результате реализации закрепленных полномочий в государственных органах и иных организациях сосредотачивается большой объем служебной информации ограниченного распространения о различных сторонах деятельности государства, общества, юридических лиц, конкретных граждан и их личной жизни в военном, политическом, экономическом, моральном и имущественном аспектах. Разглашение таких сведений может привести как к нарушению конституционных прав и свобод граждан, так и к наступлению негативных последствий для национальной безопасности Республики Беларусь. В целях ограничения распространения и (или) предоставления государственно-значимой информации в Республике Беларусь определен порядок отнесения такой информации к государственным секретам (глава 6 Закона Республики Беларусь «О государственных секретах») или к служебной информации ограниченного распространения (ст. 181 Закона об информации). Для защиты сведений, имеющих коммерческую ценность для субъектов хозяйствования в силу неизвестности третьим лицам, Законом Республики Беларусь «О коммерческой тайне» закреплен институт коммерческой тайны. Вместе с тем конституционная норма для ограничения распространения и (или) предоставления государственно-значимой информации и сведений, отнесенных к коммерческой тайне, в Республике Беларусь в настоящее время не предусмотрена.

4. По смыслу и изложению ст. 34 Конституции *изначально предполагается, что* все правовые нормы данной статьи установлены в целях обеспечения государством права граждан на информацию, в т.ч. возможности ознакомления с материалами, затрагивающими его

права и законные интересы, *а часть третья закрепляет возможность ограничения права граждан на пользование информацией.* При том анализ ст. 6 Закона об информации показывает, что возможность ограничения права на пользование информацией в части третьей ст. 34 Конституции Республики Беларусь закреплена не только и не столько в отношении прав граждан, а в большей степени в отношении ограничения права государственных органов, юридических лиц и иных организаций, а также физических лиц в целях защиты чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав. Представляется, что применение указанной выше нормы о возможности ограничения права на пользование информацией в статье, закрепляющей право граждан на информацию, затрудняет понимание конституционных норм в сфере оборота и защиты информации и вносит определенные противоречия.

5. Закрепленные в ст. 4 Закона об информации *принципы правового регулирования информационных отношений не в полной мере соответствуют конституционным предписаниям об информации.*

Как указывалось, Конституция Республики Беларусь предусматривает, что пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав. Вместе с тем Закон об информации закрепляет принципы правового регулирования информационных отношений (ст. 4), которые не только не следуют из указанной конституционной нормы, но и в определенной степени противоречат ей. Изложенное выше основывается на следующем:

1) Конституция Республики Беларусь предусматривает возможность *ограничения пользования информацией*, а Закон об информации закрепляет: а) *принцип «свободы* поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления, а также *пользования информацией»*; б) принцип «установления *ограничений распространения и (или) предоставления информации* только законодательными актами»;

2) *целью ограничения пользования информацией*, согласно Конституции Республики Беларусь, *является защита* чести, достоинства, частной и семейной жизни *граждан* и полного осуществления ими своих прав. Наряду с этим Закон об информации закрепляет принцип

«обеспечения безопасности личности, общества и государства при использовании информации» и применении информационных технологий». В то же время, как указывалось выше, Конституция Республики Беларусь не содержит предписаний на ограничение поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления, а также пользования информацией в интересах общества, государства и субъектов хозяйствования, а только предусматривает **ограничение прав и свобод личности** в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Однако необходимо отметить, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод, закрепляя в ст. 10 свободу выражения мнения и свободу получать и распространять информацию вводит ряд ограничений для реализации этого права: «Осуществление этих свобод <...> может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» (п. 2 ст. 10) [2]. Международный пакт о гражданских и политических правах также предусматривает, что пользование информацией может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения (п. 3 ст. 19) [3]. Схожие цели ограничения права на информацию были закреплены в ранее действовавшем Модельном законе государств-участников СНГ от 18.11.2005 № 26-7 «Об информатизации, информации и защите информации» (далее – Модельный закон СНГ). Определяя в ст. 23 содержание права на информацию, данный закон устанавливал, что ограничение права на информацию возможно в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, защиты деловой репутации, обеспечения обороноспособности и безопасности государства

(п. 2 ст. 23). Действующий Модельный закон СНГ от 28.11.2014 прямо не закрепляет цели ограничения права на информацию. В то же время принципами правового регулирования отношений в рамках данного закона и государственной политики в области информации закреплены в том числе принципы «обеспечения соблюдения суверенитета государства и реализации норм международного права <...> при регулировании отношений информационной безопасности государства, общества, человека и гражданина» (ст. 5) и «обеспечение прав и законных интересов граждан, институтов общества и государства <...>» (ст. 6) [23].

Приведенные выше международные правовые акты, закрепляя право граждан на информацию в этих же статьях, предусматривают возможность ограничения этого права граждан в целях защиты интересов общества, государства и других лиц. В Конституции Республики Беларусь напротив в статье, закрепляющей право граждан на информацию, предусматривается также возможность ограничения права государственных органов и организаций, иных юридических лиц в целях защиты граждан, при этом упускается необходимость защиты интересов общества, государства и субъектов хозяйствования.

Необходимо отметить, что определенная сложность в закреплении, понимании и применении конституционных норм возникает по причине отсутствия в Конституции Республики Беларусь отдельной главы о правах и свободах человека и гражданина и объединения в одном разделе конституционных предписаний об основах взаимоотношений личности, общества и государства. В отличие от Конституции Республики Беларусь, в конституциях ряда государств предусмотрен отдельный раздел (глава) о правах и свободах человека и гражданина. Такой принцип построения конституции применен, например, в Республике Армения (глава 2), Федеративной Республике Германия (раздел I), Республике Казахстан (раздел II), Китайской Народной Республике (глава II), Кыргызской Республике (раздел II), Республике Польша (раздел II), Российской Федерации (глава 2), США (Билль о правах), Республике Узбекистан (раздел II).

Стремление белорусского законодателя закрепить в Конституции Республики Беларусь нормы о правах и свободах личности в разрезе роли и месте гражданина в обществе, а также взаимных обязанностей и ответственности личности, общества и государства в целом целесообразно

и оправдано. Вместе с тем, как полагает Г.А. Василевич, очень важно в Конституции Республики Беларусь сформировать оптимальный характер взаимоотношений между такими субъектами, как личность, общество и государство, обеспечить баланс их интересов, поскольку необоснованный крен в ту или иную сторону может привести к подавлению свободы личности либо вседозволенности [21, предисловие]. Как отмечают И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин и М.А. Федотов, основаниями для ограничения информационных прав являются: защита основ конституционного строя; защита нравственности, здоровья, прав, законных интересов других лиц; обеспечение обороны страны и безопасности государства; обеспечение общественного спокойствия в целях предотвращения беспорядков и борьбы с преступностью; предотвращение разглашения конфиденциальной информации; обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия; установленные законом условия чрезвычайного положения (раздел 7.1) [24]. Представляется, что Конституция Республики Беларусь, отдавая приоритет правам и свободам каждого человека и гражданина, в определенной степени упускает необходимость защиты информации в интересах общества и государства. В то же время происходящие в мире процессы глобализации, в которых одну из ключевых ролей играет информация, наглядно показывают необходимость и важность обеспечения защиты информации не только в интересах гражданина, но также для обеспечения безопасности общества и государства.

Заключение. Изложенное в статье позволяет сделать следующие выводы.

1. В настоящее время конституционные нормы об информации не обеспечивают баланс интересов личности, общества и государства, так как Конституция Республики Беларусь, отдавая приоритет правам и свободам каждого человека и гражданина, в определенной степени игнорирует необходимость защиты информации в интересах общества и государства.

2. Закрепленные в Конституции Республики Беларусь нормы об информации не выполняют функцию базовых (основополагающих) предписаний в данной сфере, так как представляют только интересы граждан и не предусматривают правовых норм, на основе которых будет выстраиваться система общественных отношений в сфере оборота и защиты информации, в том числе в интересах обеспечения национальной безопасности, общественного порядка, государственных органов, общественных

организаций, политических партий, субъектов хозяйствования и иных юридических лиц. Изложение ст. 34 Конституции Республики Беларусь в действующей редакции носит односторонний характер и затрудняет понимание и применение закрепленных в ней правовых норм.

3. В целях ограничения распространения и (или) предоставления государственно-значимой информации в Республике Беларусь определен порядок отнесения такой информации к государственным секретам или к служебной информации ограниченного распространения. Для защиты коммерческих интересов субъектов хозяйствования предусмотрен режим коммерческой тайны.

Вместе с тем результаты анализа конституционных норм в сфере информации позволяют сделать вывод, что в Республике Беларусь не создана конституционная основа для регулирования общественных отношений в сфере оборота и защиты государственных секретов, коммерческой тайны, служебной информации ограниченного распространения и информации, содержащейся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах органов уголовного преследования до завершения производства по делу. В настоящее время Конституция Республики Беларусь не содержит предписаний, закрепляющих возможность ограничения права на информацию общественных объединений, политических партий, иных организаций и юридических лиц, в том числе иностранных, в целях защиты интересов общества, государства и субъектов хозяйствования.

4. В целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав Конституция Республики Беларусь предусматривает ограничение права государственных органов и организаций, юридических и физических лиц только на пользование информацией, при этом она не закрепляет возможность ограничения права на поиск, получение, передачу, сбор, обработку, накопление, хранение, распространение и (или) предоставление информации.

5. Перспективными направлениями решения указанных в статье проблемных вопросов являются следующие предложения по изменению законодательства Республики Беларусь:

5.1. статью 34 Конституции Республики Беларусь изложить в следующей редакции:

«Государство гарантирует всем гражданам, государственным органам и иным организациям,

политическим партиям, религиозным и иным общественным объединениям право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды.

Государственные органы, должностные лица обязаны предоставить всем гражданам, государственным органам и иным организациям, политическим партиям, религиозным и иным общественным объединениям возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими их права и законные интересы.

Поиск, получение, передача, сбор, обработка, накопление, хранение, распространение и (или) предоставление информации, а также пользование ею могут быть ограничены в соответствии с законодательством в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод государственных органов и иных организаций, политических партий, религиозных и иных общественных объединений, а также защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав»;

5.2. в Законе об информации:

в статье 1 дать определение термину «пользование информацией»;

в статье 4:

абзац второй изложить в следующей редакции: «свободы поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также пользования информацией. Ограничения указанных свобод могут устанавливаться в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь»;

абзац третий исключить.

Сформулированные предложения закрепят в Конституции Республики Беларусь правовые нормы, на основе которых будет выстраиваться система общественных отношений в сфере оборота и защиты информации не только в целях защиты чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан, но и в интересах обеспечения национальной безопасности, общественного порядка, прав и свобод государственных органов, общественных организаций, политических партий и иных общественных объединений, субъектов хозяйствования и иных юридических лиц. Пред-

лагаемые изменения закрепят в Конституции Республики Беларусь равные права и возможности всех субъектов в сфере информации и будут способствовать обеспечению баланса интересов личности, общества и государства, а также позволят исключить имеющиеся в законодательстве противоречия и будут способствовать правильному толкованию и применению закрепленных в Конституции Республики Беларусь правовых норм в сфере информации.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята Генеральной Ассамблеей ООН, 10 дек. 1948 г. – Режим доступа: <https://okvk.mil.ru/upload/site112/<...>.pdf>. – Дата доступа: 25.05.2023.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: заключена в г. Риме членами Совета Европы, 4 нояб. 1950 г. – Режим доступа: https://www.gubkin.ru/personal_<...>.pdf. – Дата доступа: 25.05.2023.
3. Международный пакт «О гражданских и политических правах» [Электронный ресурс]: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН, 16 дек. 1966 г. – Режим доступа: <http://www.upchnn.ru/docs/pact.pdf>. – Дата доступа: 25.05.2023.
4. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 фев. 2022 г., в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.10.2021 № 124-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Фатьянов, А.А. Тайна и право (основные системы ограничений на доступ к информации в российском праве): монография / А.А. Фатьянов. – М.: МИФИ, 1999. – 288 с.
6. Лопатин, В.Н. Информационная безопасность России. Человек, общество, государство / В.Н. Лопатин. – СПб.: Университет, 2000. – 424 с.
7. Стрельцов, А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности России: теоретические и методологические основы / А.А. Стрельцов. – Минск: БЕЛЛИТФОНД, 2005. – 304 с.
8. Фатьянов, А.А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации: учеб. пособие / А.А. Фатьянов. – М.: Юрист, 2001. – 412 с.
9. Терещенко, Л.К. Правовой режим информации [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Л.К. Терещенко. – М.: РГБ, 2011. – 415 с.
10. Копылов, В.А. Информационное право: учебник / В.А. Копылов. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрист, 2003. – 512 с.
11. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. М.А. Вуса и А.В. Федорова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 623 с.
12. Макаров, О.С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств-участников СНГ [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / О.С. Макаров. – М.: РГБ, 2014. – 363 л.
13. Полякова, Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Т.А. Полякова. – М.: РГБ, 2008. – 438 л.

14. Стрельцов, А.А. Теоретические и методологические основы правового обеспечения информационной безопасности России [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук: 05.13.19 / А.А. Стрельцов – М.: РГБ, 2004. – 371 л.
15. Бачило, И.Л. Информационное право : учебник для магистров / И.Л. Бачило. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 564 с.
16. Косорукова, Т.В. Зарубежный опыт конституционного обеспечения свободы массовой информации и права на информацию / Т.В. Косорукова // Труды Ин-та государства и права Рос. акад. наук. – 2013. – № 5. – С. 32–44.
17. Соколова, О.С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации [Электронный ресурс]: дис... канд. юрид. наук: 12.00.14 / О.С. Соколова. – СПб.: РГБ, 2005. – 211 л.
18. Пономарева, Ю.В. Правовой режим служебной тайны: дис... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Ю.В. Пономарева. – Челябинск, 2018. – 253 л.
19. Антопольский, А.А. Правовое регулирование информации ограниченного доступа в сфере государственного управления [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.А. Антопольский. – М.: РГБ, 2004. – 289 л.
20. О модельном Информационном кодексе для государств-участников СНГ [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 23 нояб. 2012 г., № 38-6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
21. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь: науч.-практ. комментарий [Электронный ресурс]: [по состоянию на 05.01.2006 г.] / Г.А. Василевич / КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
22. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. язык, 1988. – 750 с.
23. Модельный закон об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 28 нояб. 2014 г., № 41–15 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
24. Информационное право [Электронный ресурс] / И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, М.А. Федотов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 789 с. – Режим доступа: <https://science.sci.house>. – Дата доступа: 24.12.2023.

Поступила в редакцию 31.10.2023

Специальный комплексный административно-правовой режим пересечения государственной границы Республики Беларусь: сущность и содержательная характеристика

Чубов А.Н.

Государственное учреждение образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

В статье рассматривается проблема формирования понятийно-категориального аппарата режима пересечения Государственной границы Республики Беларусь. В качестве одного из решений данной проблемы предлагается использование теоретико-правовых подходов, сложившихся в юридической науке.

Цель работы – основываясь на подходах юридической науки, а также на анализе действующих правовых норм выделить понятие специального комплексного административно-правового режима пересечения Государственной границы и его признаки.

***Материал и методы.** Основой исследования послужили работы российских и белорусских ученых-административистов, посвященные проблемам установления, поддержания и прекращения административно-правовых режимов, формирования понятийно-категориального аппарата науки права государственного управления в области пограничной безопасности. Для проведения исследования использовались диалектико-материалистический, системный (системно-структурный), общелогический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.*

***Результаты и их обсуждение.** В Республике Беларусь исследований административно-правовых режимов, в том числе специальных, в столь широком диапазоне не проводилось. Рассматривались, в частности, общие проблемы функционирования административно-правовых режимов в Беларуси. Отсутствуют единые взгляды на сущность и содержание рассматриваемого режима как у специалистов, изучающих сферу государственного управления, так и у исследователей в области обеспечения пограничной безопасности.*

***Заключение.** Специальный комплексный административно-правовой режим пересечения Государственной границы – одно из основных направлений государственного управления в сфере пограничной безопасности, содержанием которого является система установленных законодательством мер, осуществляемых уполномоченными сотрудниками органов пограничной службы Республики Беларусь и иных государственных органов в целях реализации интересов личности в области выезда из Беларуси и въезда в страну, интересов общества в области развития культурного и иного гуманитарного обмена и интересов государства по защите своего суверенитета и территориальной целостности, а также создания условий для обеспечения надежного функционирования системы пересечения Государственной границы.*

***Ключевые слова:** Государственная граница, пограничная безопасность, пограничная политика, режим пересечения, пропуск, пограничный контроль, специальный комплексный административно-правовой режим, пункт пропуска.*

Special Complex Administrative Legal Regime of Crossing the State Border of the Republic of Belarus: Essence and Content Characteristics

Chubov A.N.

State Education Establishment "Institute of Border Service of the Republic of Belarus"

The article considers the problem of formation of conceptual and categorial system of the regime of crossing the State border of the Republic of Belarus. As one of the solutions to this problem the use of theoretical and legal approaches, established in legal science is proposed.

The purpose of the article is to highlight the concept of a special complex administrative legal regime of crossing the state border, and its features, based on the approaches of legal science as well as on the analysis of the existing legal norms.

***Material and methods.** The basis of the study was works of Russian and Belarusian administrative scholars devoted to the problems of establishing, maintaining and terminating administrative legal regimes, the formation of the conceptual and categorial apparatus of the science of law of public administration in the field of border security. To conduct the research, the dialectical-materialistic method, systemic (system-structural), general logical, formal legal and comparative legal methods were used.*

***Findings and their discussion.** In the Republic of Belarus, studies of administrative and legal regimes, including special ones, have not been carried out in a wide range. In particular, general problems of the functioning of administrative and legal regimes in Belarus were considered. There are no common views on the essence and content of the regime under consideration, both among specialists studying the field of public administration and among researchers in the field of border security.*

***Conclusion.** A special comprehensive administrative and legal regime for crossing the State border is one of the main directions of public administration in the field of border security, the content of which is a system of measures established by law, carried out by*

authorized employees of the border service of the Republic of Belarus and other government bodies in order to implement the interests of the individual in the field of departure from Belarus and entry into the country, the interests of society in the field of development of cultural and other humanitarian exchanges and the interests of the state in protecting its sovereignty and territorial integrity, as well as creating conditions for ensuring the reliable functioning of the State border crossing system.

Key words: State border, border security, border policy, crossing regime, pass, border control, special comprehensive administrative and legal regime, checkpoint.

На широком временном отрезке с середины XX века до настоящего времени в теории и на практике деятельности государственных органов системы обеспечения национальной безопасности белорусского государства большое внимание уделяется проблемам обеспечения пограничной безопасности, в том числе административно-правовыми средствами. В современный период пограничная безопасность Республики Беларусь от актуальных угроз обеспечивается различными организационно-правовыми средствами, в том числе посредством установления и поддержания различных административно-правовых режимов. Среди таких режимов одним из важнейших является специальный комплексный административно-правовой режим (далее – СКАПР) пересечения Государственной границы Республики Беларусь (далее – Государственная граница). В рамках данного режима органами пограничной службы Республики Беларусь (далее – ОПС) и иными уполномоченными республиканскими органами государственного управления (далее – РОГУ) в пунктах пропуска через Государственную границу (далее – пункты пропуска) осуществляется комплекс мероприятий по пропуску лиц, транспортных средств и товаров.

Актуальность исследований в области СКАПР пересечения Государственной границы обусловлена совокупностью ряда внутренних и внешних условий. К внутренним условиям следует относить общую напряженность экономических отношений, нестабильность валютного рынка, определенную политическую и идеологическую разобщенность общества, сохранение негативных тенденций, вскрытых пандемией коронавируса COVID-19, а также миграционным кризисом 2020 г. и др. К внешним – проведение Российской Федерацией специальной военной операции в Украине, наращивание отдельными сопредельными странами милитаристской риторики и проведение ими перевооружения, стягивание своих воинских контингентов к границам Республики Беларусь, экономические санкции, ограничения на пересечение границ, вводимые такими государствами в отношении физических и юридических лиц Республики Беларусь, закрытие и

нестабильная работа сопредельных пунктов пропуска, продолжающиеся провокации на Государственной границе, в том числе с использованием беспилотных летательных аппаратов и др.

Цель работы – основываясь на подходах юридической науки, а также на анализе действующих правовых норм выделить понятие специального комплексного административно-правового режима пересечения Государственной границы и его признаки.

Материал и методы. Основой исследования послужили работы российских и белорусских ученых-административистов, посвященные проблемам установления, поддержания и прекращения административно-правовых режимов, теоретико-правовых основам функционирования, формирования понятийно-категориального аппарата науки права государственного управления в области пограничной безопасности. Для проведения исследования использовались диалектико-материалистический, системный (системно-структурный), общелогический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты и их обсуждение. Результаты анализа научно-практической литературы показывают, что проблеме установления, поддержания и прекращения административно-правовых режимов в юридической науке уделяется значительное внимание. Фундаментальные основы в данной области заложены в работах Д.Н. Бахраха и Б.В. Россинского [1], С.М. Петрова [2, с. 4–138], а также С.С. Маиляна [3, с. 15–198]. В Российской Федерации проведены также монографические исследования в области специальных административно-правовых режимов в целом [4, с. 3–322; 5, с. 3–141] и их отдельных видов [6, с. 3–25; 7, с. 9–161; 8, с. 17–511], в том числе рассмотрены отдельные проблемы административно-правового режима выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [9, с. 3–94].

В Республике Беларусь исследований административно-правовых режимов, в том числе специальных, в столь широком диапазоне не проводилось. Рассматривались, в частности, общие проблемы функционирования административно-

правовых режимов в Беларуси [10, с. 480–499; 11], вопросы административно-правового режима безопасности объектов использования атомной энергии [12, с. 12–224], а также деятельности органов внутренних дел по обеспечению административно-правового режима миграции иностранцев [13, с. 14–216]. Отдельно можно выделить исследования по научному обоснованию СКАПР обеспечения безопасности критически важных объектов [14, с. 205–210]. Разработке подвергались общие вопросы реализации и функционирования режима Государственной границы, пограничного режима, режима в пунктах пропуска [15, с. 11–278; 16, с. 8–226; 17, с. 6–156]. При этом отдельно выделялся административно-правовой режим выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь, которому была дана обобщенная характеристика [18, с. 156–176].

Вместе с тем в специальной литературе в недостаточной степени разработаны теоретико-правовые и прикладные проблемы СКАПР пересечения Государственной границы. За пределами научных исследований остались многие вопросы, связанные с изучением закономерностей в сфере его правового регулирования. Отсутствуют единые взгляды на сущность и содержание рассматриваемого режима как у специалистов, изучающих сферу государственного управления [10, с. 640–642; 19, с. 307–320], так и у исследователей в области обеспечения пограничной безопасности [9, с. 33–34; 18, с. 156–157]. Сложившаяся практика государственного управления в области пересечения Государственной границы носит спорадический и ситуационный характер и требует теоретического осмысления. В связи с этим представляется обоснованным и актуальным раскрыть сущность СКАПР пересечения Государственной границы и дать ее содержательную характеристику.

Д.В. Перевалов справедливо отмечает, что каждое явление правовой действительности имеет собственную юридическую характеристику, которая раскрывается через его правовую природу [20, с. 131]. При этом С.С. Алексеев обоснованно указывает, что правовая природа является юридической характеристикой явления, выражающей его специфику, место и функции среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой [21, с. 227]. Одновременно Ю.В. Баулин конкретизирует, что уяснение правовой природы понятий предполагает определение того, к какому миру явлений они принадлежат,

каковы их строение, поэлементный состав, связи и отношения, в чем заключается их роль в праве, какое их место в системе юридических категорий и понятий [22, с. 51]. Основываясь на этом, Д.В. Перевалов констатирует, что правовая природа также отождествляется с юридической характеристикой явления, но в узком смысле она отражает его юридическую сущность. Раскрытие правовой природы любого явления напрямую связано с определением его понятия, которое представляет собой абстрактное, отвлеченное от конкретного предмета или явления обобщение определенного множества однородных объектов, характеристика которого распространяется на каждый объект этого класса [20, с. 132]. При этом само понятие традиционно рассматривается как логическая форма мышления, отражающая определенное множество (класс) предметов или явлений действительности в общих для них существенных признаках [23, с. 26]. Исследователи определяют также понятие как целостную совокупность суждений об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которого признаются суждения о наиболее общих и в то же время существенных особенностях этого объекта [24, с. 457].

В философии сущность рассматривается как главное, основное, определяющее в предмете, это существенные свойства, связи, противоречия и тенденции развития объекта, а явление – это внешнее обнаружение сущности, форма его проявления [25, с. 281]. Иными словами, сущность и явление – философские категории, отражающие стороны, необходимо присущие каждому объекту действительности. Сущность – это совокупность наиболее глубоких, устойчивых свойств и отношений предмета, определяющая его происхождение, направление и характер развития. В свою очередь, явление – совокупность многообразных, внешних, подвижных непосредственно открытых чувствам свойств и отношений предмета, представляющего собой способ проявления, обнаружения сущности [26, с. 443]. Учитывая изложенные подходы, сложившиеся в логике и философии, Д.В. Перевалов делает вывод о том, что юридический характер сущности явления приобретает, когда такой объект попадает в сферу правового регулирования и должен функционировать в соответствии с определенными правовыми закономерностями. Поэтому выявление признаков, присущих исследуемому явлению и обусловленных правовыми закономерностями, позволит сформулировать

его понятие, отражающее юридическую сущность такого объекта [20, с. 132].

Понятия играют существенную роль в правовой науке и в праве, поскольку, как справедливо констатирует Т.В. Кашанина, они обеспечивают единообразное понимание права и в своей массе являются общими положениями для всех правовых институтов, субинститутов или групп институтов, придают праву целостность, последовательность, нерасторжимость его содержания [27, с. 43]. Об этом пишет и П.В. Копнин: «Стабильность и согласованность правовых предписаний, их определенность во многом обусловлены устойчивостью и однозначностью понятий. Однако из этого не следует вывод о том, что понятия права неизменчивы, неподвижны. Гибкость, изменчивость понятий являются отражением изменчивости и многосторонности материального мира. Закономерность развития и совершенствование свойственны и понятиям права, поэтому пересмотр и уточнение терминологии – естественный процесс» [28, с. 255]. А.С. Пиголкин и Е.М. Сморгунова, также рассматривая, в частности, определение дефиниций в нормативных правовых актах, отмечают, что у нормативных дефиниций есть существенные особенности, главная из которых состоит в том, что законодатель дает юридическому термину одно-единственное определение, включая в него все существенные, с его точки зрения, признаки, т.е. такие, которые носят регулирующий характер, имеют правовое значение [29, с. 129]. Современные исследователи продолжают развивать сложившиеся подходы. Так, Р.Б. Головкин отмечает, что правовые явления – это внешнее выражение различных объективных и субъективных обстоятельств, факторов и процессов, которые влияют на сознание и правовое поведение людей и с которым нормы права, как правило, связывают установление, изменение и прекращение правоотношений [30, с. 193].

Таким образом, выделение существенных свойств правового явления, обособление его от схожих объектов позволяют осуществить целостное и системное познание сферы его проявления, начиная от осознания понятийного аппарата, правовой природы и видовых особенностей объекта, переходя к уяснению системного характера исследуемого феномена. При этом существенные признаки явления, имеющие правовое значение, необходимо выделять, основываясь на сложившихся в теории права подходах, положениях действующих нормативных правовых актов, а также практики реализации юридических норм.

В дальнейшем следует раскрыть каждый признак и показать его правовое значение, которое, как правило, отражает характер тех юридически значимых последствий, что могут наступить при функционировании объекта в правовой реальности.

Базируясь на изложенном, и с учетом современного уровня развития юридической науки, результатов анализа юридических норм, регламентирующих административно-правовые режимы в сфере пограничной безопасности, и контент-анализа имеющихся научных и легитимных понятий, можно выделить следующие *характерные признаки СКАПР пересечения Государственной границы*, раскрывающие его сущность.

1. Установление и обеспечение функционирования рассматриваемого режима является одним из основных направлений государственного управления в сфере пограничной безопасности.

В современный период государственное управление в области пограничной безопасности выделяют в качестве самостоятельного направления государственного управления в сфере безопасности и правопорядка [19, с. 532–533]. В этом контексте ключевое значение имеет реализация государственной пограничной политики, которая является составной частью внутренней и внешней политики Республики Беларусь, представляющей собой деятельность уполномоченных государственных органов (должностных лиц), направленную на обеспечение пограничной безопасности (абз. 4 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О Государственной границе Республики Беларусь» [31] (далее – Закон о госгранице)). С учетом этого государственную пограничную политику следует рассматривать как главную составную часть, отраслевой элемент государственного управления в области пограничной безопасности. Такая позиция сформирована на основе подходов, сформулированных Ю.Н. Стариловым, который указывает, что понятие государственного управления включает в себя важнейшую организационно-правовую категорию «отрасль государственного управления», которая представляет собой систему звеньев органов управления, объединенных общностью объекта управления (управление промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, строительством, внутренними и внешними делами, образованием, здравоохранением, финансами, обороной, связью, железными дорогами, лесным хозяйством) [32, с. 32]. Данный вывод позволяет констатировать, что пограничную безопасность следует рассма-

тривать как ключевое связующее звено между государственной пограничной политикой и отраслевым государственным управлением. При этом в Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2018–2022 годы пропуск через Государственную границу физических лиц, транспортных средств и товаров, наряду с охраной Государственной границы, ее оперативным обеспечением и поддержанием правопорядка на приграничной территории рассматривается как одна из основных форм обеспечения пограничной безопасности (п. 19) [33].

В соответствии с ч. 1 ст. 26 Закона о госгранице пропуск через Государственную границу включает в себя две составляющие:

– признание законности пересечения Государственной границы физическими лицами и транспортными средствами, прибывшими в Республику Беларусь, перемещения через Государственную границу товаров, ввозимых на территорию нашей страны;

– разрешение пересечения границы физическими лицами и транспортными средствами, убывающими за пределы белорусского государства, перемещения через границу товаров, вывозимых из страны.

В соответствии с данной правовой нормой и по смыслу положений ст. 25 Закона о госгранице пропуск является основным содержанием пересечения Государственной границы, а также логическим завершением фактического преодоления Государственной границы на территорию Беларуси или из нее. Нормативные предписания, предусмотренные ст.ст. 25–30 Закона о госгранице, фактически представляют собой режимные меры, реализуемые в рамках СКАПР пересечения Государственной границы.

Таким образом, рассматриваемый СКАПР является одной из основных форм обеспечения пограничной безопасности и устанавливается в интересах обеспечения пограничной безопасности. Его реализация представляет собой одно из важнейших направлений государственной пограничной политики, которая, в свою очередь, является главной составной частью государственного управления в области пограничной безопасности.

Данный вывод подтверждается и позицией Н.В. Румянцева, в соответствии с которой он характеризует административно-правовые режимы в целом как универсальное комплексное средство обеспечения государственного управления в сфере безопасности. По его мнению, деятельность

любого органа внутренних дел, как и любого субъекта управления, является лишь промежуточным звеном в достижении конечного результата управляющего воздействия государственного управления [7, с. 8, 21].

2. Содержание СКАПР пересечения Государственной границы составляет установленная законодательством система определенных мер.

На основе сложившихся в теории национальной безопасности и науке административного права подходов необходимо констатировать, что ядром рассматриваемого административно-правового режима является система установленных законодательством мер, которые носят государственно-правовой характер. В частности, С.С. Маилян справедливо указывает, что не только к государственному управлению, как таковому, но и ко многим иным регулируемым правом, отраслям жизни термин «режим» используется, как правило, понятийно, включая в себя целую совокупность мер. Более того, определенные совокупности этих мер прямо именуются режимами [3, с. 12]. В свою очередь С.М. Петров определяет административно-правовой режим как комплекс государственно-управленческих мер [2, с. 28].

В контексте рассматриваемой проблемы установление и поддержание СКАПР пересечения Государственной границы осуществляется через систему мер, реализуемых уполномоченными субъектами. Такие меры целесообразно рассматривать как совокупность установленных законодательством и выработанных практикой взаимосвязанных действий, осуществляемых уполномоченными подразделениями ОПС и иных государственных органов, и принимаемых ими в связи с этим решений во взаимодействии с сотрудниками уполномоченных государственных органов, иных организаций, и другими лицами, которые направлены на установление и поддержание СКАПР пересечения Государственной границы, либо прекращение его действия.

В соответствии с подходами, сложившимися в юридической науке, а также в сфере обеспечения национальной и пограничной безопасности, представляется, что меры, реализуемые в рамках СКАПР пересечения Государственной границы, могут быть представлены в виде следующей системы:

1) правовые меры:

– данные меры целесообразно рассматривать как совокупность требований нормативных правовых и иных актов законодательства, связанных с пересечением Государственной границы, и действий, направленных на их реализацию;

– подсистему таких мер целесообразно дифференцировать на две группы: общеправовые меры (направлены на создание условий для управляемого пересечения Государственной границы, обеспечения пограничной безопасности и представляют собой совокупность положений законодательства о пересечении Государственной границы); специально-правовые меры (ориентированы непосредственно на регулирование деятельности ОПС и иных уполномоченных РОГУ в этой сфере);

2) организационные меры:

– такие меры целесообразно определять как совокупность действий, осуществляемых ОПС и направленных на формирование и поддержание функционирования деятельности по пропуску через Государственную границу лиц, транспортных средств и товаров;

– к таким мерам целесообразно относить: организационно-распорядительные меры; организационно-исполнительные меры;

3) материально-технические меры – подобные меры целесообразно рассматривать как совокупность действий, осуществляемых ОПС и уполномоченными РОГУ, и принимаемых при этом решений, которые направлены на развитие и поддержание функционирования пунктов пропуска, их логистической инфраструктуры, а также на установление и поддержание режима в пунктах пропуска;

4) информационно-программные меры – в качестве таких мер целесообразно рассматривать совокупность действий, осуществляемых уполномоченными субъектами, и принимаемых при этом решений, которые направлены на обеспечение функционирования баз данных, доступа к информационным системам и защиту информационных активов;

5) специальные меры – данные меры целесообразно определять как совокупность действий, осуществляемых ОПС и РОГУ, и принимаемых при этом решений, которые направлены на создание и поддержание заданного уровня безопасности личности, общества и государства в пограничном пространстве.

Совокупность мер, реализуемых в рамках рассматриваемого режима, представляет собой последовательную систему взаимосвязанных элементов с вертикальными и горизонтальными связями. Д.Н. Бахрах, характеризуя режимные правила как элемент правового режима, однозначно определяет, что они являются сердцевиной, ядром любого режима, обеспечивая соответ-

ствие деятельности участников правоотношений объявленным целям и статусу носителя режима [1, с. 480].

Здесь необходимо также отметить, что рассматриваемые меры носят специальный и комплексный характер.

Специальную направленность данные меры приобретают в силу того, что без их реализации невозможно обеспечить на должном уровне осуществление государственного управления в области пересечения Государственной границы. Специальные административно-правовые режимы, как справедливо отмечают исследователи, устанавливаются в случае, когда иные меры административно-правового регулирования не могут обеспечить должный правовой порядок (обеспечить безопасность, охрану, нормализовать обстановку), добиться необходимого правового состояния социального объекта, что достигается с помощью таких средств, как дополнительные запреты и обязывания; специальные административные меры, направленные на установление и поддержание режимных правил, – государственная экспертиза, государственный мониторинг, государственная регистрация, лицензирование; разрешительный способ и тип реализации прав и свобод, выполнения хозяйственной деятельности, предполагающей предварительное обращение с просьбой предоставить возможность осуществить те или иные права; система контроля и надзора за выполнением физическими, юридическими лицами, а также должностными лицами режимных требований, к которым относятся сплошная и выборочная проверка соблюдения правил, оперативно-розыскные мероприятия, пресекающие меры и меры ответственности; организационно-техническое обеспечение установленных режимных правил, позволяющее эффективно предупреждать, выявлять и пресекать их нарушения (транспортные средства, средства связи, специальное оборудование, предназначенное для досмотра, осмотра местности и т.п.) [1, с. 484–485; 4, с. 42]. Все указанные правовые средства присущи СКАПР пересечения Государственной границы и могут быть реализованы только в рамках соответствующих административно-правовых процедур.

Кроме того, меры рассматриваемого режима носят комплексный характер, так как осуществляются на основании правовых предписаний сразу нескольких отраслей права (конституционного, международного, административного, уголовного, таможенного и др.), и направлены

на различные по своему характеру права и обязанности субъектов режимного регулирования. Вместе с тем для данного СКАПР определяющими являются нормы административного права, поскольку складывающиеся в рамках такого режима отношения хотя и относятся к разным правовым отраслям, однако, как отмечает С.С. Маилян, «...в рамках очерчиваемой комплексным административно-правовым режимом структуры те же отношения облекаются в административно-правовую форму и становятся объектом административно-правового регулирования» [3, с. 79].

Таким образом ядром, обеспечивающим должное функционирование СКАПР пересечения Государственной границы, являются правовые, организационные, материально-технические, информационно-программные и специальные меры, которые разрабатываются и реализуются во взаимосвязи между собой и носят специальный и комплексный характер.

3. Субъектами СКАПР пересечения Государственной границы являются уполномоченные государственные органы и их сотрудники.

К таким субъектам целесообразно относить следующие категории юридических и физических лиц.

Во-первых, это государственные органы, уполномоченные реализовывать меры по установлению, поддержанию и прекращению рассматриваемого режима, среди которых могут быть выделены следующие подгруппы:

органы общей компетенции – Президент Республики Беларусь, Правительство Республики Беларусь;

органы специальной компетенции – ОПС, таможенные органы Республики Беларусь, республиканские органы государственного управления, осуществляющие на Государственной границе санитарно-карантинный, ветеринарный и иные виды контроля, карантинный фитосанитарный контроль (надзор).

В частности, Глава государства вправе по предложению Совета Министров Республики Беларусь реализовывать следующие правовые меры – принимать решения об установлении пунктов пропуска, а также определять виды контроля, которые могут осуществляться при пересечении Государственной границы (абз. 4 ст. 4 Закона о госгранице). Государственный пограничный комитет Республики Беларусь реализует такие организационные меры, как организацию пропуска через Государственную границу физических лиц; установление

осуществления пограничного контроля и др. (абз. 6 ст. 6 Закона о госгранице).

Во-вторых, это должностные лица государственных органов, уполномоченных реализовывать меры по установлению, поддержанию и прекращению рассматриваемого СКАПР.

Так, ОПС уполномочены реализовывать такие организационные меры, как проведение личного досмотра граждан и досмотра находящихся при них вещей; осуществление досмотра транспортных средств, в том числе с помощью технических и специальных средств, в пунктах пропуска через Государственную границу, вне пунктов пропуска через Государственную границу при осуществлении пограничного контроля (абз. 5 ч. 1 ст. 19 Закона Республики Беларусь «Об органах пограничной службы Республики Беларусь» [36]).

Как справедливо отмечает Д.А. Черногоров, отличительной особенностью должностных лиц в системе публичных (государственных и муниципальных) служащих является выполнение ими организационно-распорядительных функций, проявляющихся в установлении правил поведения, обязательных к исполнению иными субъектами права и направленных на реализацию компетенции соответствующего органа государственного или муниципального управления [33, с. 8]. Фактически аналогичную позицию занимает и А.А. Аникитин [34, с. 9].

Таким образом, необходимо отметить, что должностные лица государственных органов, уполномоченных реализовывать меры в области СКАПР пересечения Государственной границы, обладают всеми необходимыми полномочиями для того, чтобы отдавать распоряжения или принимать решения в отношении физических лиц, представителей юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В частности, к подобным распоряжениям могут относиться требования должностных лиц ОПС в пунктах пропуска соблюдать правила пребывания в таких местах (например, не выходить из машины, представить соответствующие документы для проверки и т.п.), а к решениям – пропустить лицо через Государственную границу либо отказать в ее пересечении.

При этом в качестве основных субъектов СКАПР пересечения Государственной границы представляется обоснованным выделять Госпогранкомитет и в целом ОПС и их уполномоченных сотрудников, в том числе должностных лиц, поскольку именно они уполномочены непосредственно осуществлять пропуск через

Государственную границу физических лиц, устанавливать порядок осуществления пограничного контроля, а также организовывать взаимодействие и осуществлять координацию деятельности других государственных органов и иных организаций в области проведения государственной пограничной политики и обеспечения пограничной безопасности.

4. Целью установления и функционирования СКАПП пересечения Государственной границы является реализация интересов личности в области выезда из Беларуси и въезда в страну, интересов общества в области развития культурного и иного гуманитарного обмена и интересов государства по защите своего суверенитета и территориальной целостности, а также создания условий для обеспечения надежного функционирования системы пересечения Государственной границы.

Цель установления и поддержания рассматриваемого режима имеет в своем содержании два компонента.

Первый компонент связан с обеспечением реализации национальных интересов Республики Беларусь в области пересечения Государственной границы.

Как уже отмечалось, пропуск через Государственную границу включает в себя признание законности пересечения Государственной границы физическими лицами и транспортными средствами, прибывшими в Республику Беларусь, перемещения через Государственную границу товаров, ввозимых на территорию нашей страны, а также разрешение пересечения границы физическими лицами и транспортными средствами, убывающими за пределы белорусского государства, перемещения через границу товаров, вывозимых из страны (ч. 1 ст. 26 Закона о госгранице). При этом эксперты в сфере осуществления пограничного контроля конкретизируют, что процесс пропуска заключается в признании законности пересечения государственной границы физическими лицами, именно в этом и состоит правоохранительная функция подразделений пограничного контроля, которые не «решают кого пропустить через границу и кого нет», а лишь контролируют соблюдение законности ее пересечения [37, с. 5].

Фактически таким образом конкретизированы национальные интересы Республики Беларусь, реализуемые при пересечении Государственной границы, которые в соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь представляют собой совокупность потребностей

государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь (абз. 3 п. 4) [38].

При этом основными интересами личности в рассматриваемой области являются интересы, связанные с конституционными правами белорусских граждан, а также иностранцев (иностранцев граждан и лиц без гражданства), постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, на выезд из Беларуси и въезд в нее (ст.ст. 11 и 30 Конституции Республики Беларусь [39]). Данные права более развернуто представлены в законах Республики Беларусь «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» (ст. 3) [40] и «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» (ст. 10) [41]. В данных законодательных актах установлено, что каждый белорусский гражданин имеет право выезжать из Республики Беларусь и въезжать в Республику Беларусь и не может быть лишен такого права. При этом постоянно проживающие в Республике Беларусь иностранцы имеют все социально-экономические права, которыми пользуются граждане Республики Беларусь, что предполагает и право выезжать из Беларуси и въезжать в нее, которого их лишить нельзя. Справедливости ради необходимо отметить, что право на выезд белорусским гражданам может быть временно ограничено в соответствии с указанным Законом и иными законодательными актами в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (однако право на въезд в страну ограничено быть не может). Положения ст. 27 Конституции Республики Беларусь устанавливают ограничения и в правах постоянно проживающих в стране иностранцев.

Основные интересы общества, которые реализуются при пересечении Государственной границы, связаны в первую очередь с развитием международного образовательного, культурного, здравоохранительного и иного гуманитарного обмена. В частности, в соответствии с Кодексом Республики Беларусь о культуре [42], граждане, которые проживают в Республике Беларусь и являются представителями национальных сообществ или выходцами из другой культурной

среды, имеют право сохранять и развивать свою национальную культуру, воспитывать детей в национальных культурных традициях, пользоваться родным языком, устанавливать культурные связи с представителями соответствующих национальных сообществ, которые проживают в иностранных государствах, если это не противоречит актам законодательства (п. 2 ст. 39). Кроме того, иностранцы могут вступать в действующие общественные объединения в сфере культуры, в том числе творческие союзы, если это предусмотрено их уставами, а также иностранные граждане могут выступать учредителями международных общественных объединений в сфере культуры, в том числе творческих союзов, которые создаются на территории Беларуси (п.п. 2, 3 ст. 40). Одновременно в соответствии с ч.ч. 1 и 2 ст. 29 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» религиозные организации вправе устанавливать и поддерживать международные связи и контакты, в том числе в целях паломничества, участия в собраниях и других мероприятиях, для получения религиозного образования, а также приглашать для этих целей иностранных граждан и лиц без гражданства. Религиозные объединения также имеют право в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь, приглашать иностранных граждан и лиц без гражданства в целях занятия религиозной деятельностью в соответствующих религиозных объединениях [43]. Соответственно реализация данных интересов во многих случаях требует пересечения представителями общественных организаций и объединений Государственной границы и перемещение через нее определенных видов товаров (литературы, сувенирной, аудио- и видеопродукции и т.п.).

Интересы государства в области пересечения границы связаны, в первую очередь, с противодействием правонарушениям и преступлениям, создающим угрозы пограничной безопасности, – экстремистскими проявлениями, терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств или оружия, организацией незаконной миграции и др.

Второй компонент характеризуется направленностью на обеспечение надежного функционирования системы пересечения Государственной границы.

В данном случае предполагается, что реализуемые в рамках рассматриваемого СКАПР меры позволяют установить и неограниченный период поддерживать функцию государственного

управления в области обеспечения пограничной безопасности при осуществлении действий:

1) физическими лицами по:

преодолению линии Государственной границы в пешем порядке либо на транспортных средствах;

проносу либо провозу товаров и животных через Государственную границу;

2) представителями юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по:

перемещению через Государственную границу физических лиц на транспортных средствах;

провозу через Государственную границу товаров и животных.

Таким образом, основываясь на рассмотренных признаках, представляется возможным выделить понятие специального комплексного административно-правового режима пересечения Государственной границы и определить его как *одно из основных направлений государственного управления в сфере пограничной безопасности, содержанием которого является система установленных законодательством мер, осуществляемых уполномоченными сотрудниками ОПС и иных государственных органов в целях реализации интересов личности в области выезда из Беларуси и въезда в страну, интересов общества в области развития культурного и иного гуманитарного обмена и интересов государства по защите своего суверенитета и территориальной целостности, а также создания условий для обеспечения надежного функционирования системы пересечения Государственной границы.*

Теоретическая ценность такого понятия состоит в том, что оно позволяет увязать воедино все аспекты такого многогранного и сложного явления правовой действительности, как режим пересечения Государственной границы. Его практическая значимость выражается в том, что наличие научно обоснованных положений, раскрывающих сущность и форму административно-правового режима пересечения Государственной границы, обуславливает системную и последовательную реализацию регламентирующих его юридических норм. Подобные подходы находят свое отражение в деятельности ОПС при реализации государственной пограничной политики, таким примером может служить введенный по решению Президента Республики Беларусь безвизовый режим пересечения Государственной границы для граждан Латвийской Республики, Литовской Республики и Республики Польша. С начала

2023 года 377 935 туристов из Латвийской Республики, Литовской Республики и Республики Польша въехали на нашу территорию по «безвизу» [44].

Заключение. Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Рассмотрение проблемы раскрытия сущности СКАПР пересечения Государственной границы имеет важное методологическое значение, так как это обуславливает последующую разработку вопросов, связанных с содержанием данного режима, системы составляющих его мер, позволяет определить эффективность и обоснованность проведения пограничного и иных видов контроля на Государственной границе, действенность обеспечения прав граждан и защиты интересов государства в данной области, ставит вопрос о необходимости формирования единого подхода к процедурам установления, обеспечения функционирования и прекращения действия такого режима. При этом необходимо использовать подходы, сложившиеся в как в науке административного права, так и теории обеспечения национальной безопасности.

2. Выделенные характерные признаки СКАПР пересечения Государственной границы позволяют раскрыть его сущность и сформулировать его понятие. Предлагается рассматривать данный режим как одно из основных направлений государственного управления в сфере пограничной безопасности, содержанием которого является система установленных законодательством мер, осуществляемых уполномоченными сотрудниками ОПС и иных государственных органов в целях реализации интересов личности в области выезда из Беларуси и въезда в страну, интересов общества в области развития культурного и иного гуманитарного обмена и интересов государства по защите своего суверенитета и территориальной целостности, а также создания условий для обеспечения надежного функционирования системы пересечения Государственной границы.

Подобный подход позволяет определить роль и место рассматриваемого СКАПР среди смежных административно-правовых режимов, а также среди средств обеспечения в целом национальной безопасности и, в частности, пограничной безопасности.

3. Рассмотрение СКАПР пересечения Государственной границы с предложенной точки зрения обуславливает необходимость выделения его как государственного средства обеспечения национальной и пограничной безопасности, обеспечивающего защиту интересов белорусского

государства на Государственной границе от соответствующих внешних и внутренних угроз, как в условиях повседневного режима пересечения Государственной границы, так и в период нарастания военной опасности и в особый период.

Литература

1. Бахрах, Д.Н. Глава 18. Административно-правовые режимы / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский // Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – М.: Норма, 2008. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – С. 477–511.
2. Петров, С.М. Общетеоретические основы административно-правовых режимов / С.М. Петров. – М.: Юристъ, 2000. – 165 с.
3. Маилян, С.С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью / С.С. Маилян. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2002. – 214 с.
4. Рушайло, В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / В.Б. Рушайло. – М., 2004. – 347 л.
5. Попова, Н.Ф. Специальные административно-правовые режимы: монография / Н.Ф. Попова, Н.Н. Попова. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 144 с.
6. Попова, Н.Н. Административно-правовые режимы особых территорий в Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Н.Н. Попова; Всерос. НИИ МВД России. – М., 2005. – 27 с.
7. Румянцев, Н.В. Специальные административно-правовые режимы деятельности органов внутренних дел в современных условиях: монография / Н.В. Румянцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 167 с.
8. Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика: монография / Е.С. Болтанов [и др.]; под ред. А.Ф. Ноздрачева. – М.: Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации: Юрид. фирма «Контракт», 2017. – 528 с.
9. Саклаков, П.Н. Административно-правовой режим выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: учеб. пособие / П.Н. Саклаков, Ю.В. Морозов. – М.: Погран. акад. ФСБ России, 2006. – 119 с.
10. Мах, И.И. Административное право Республики Беларусь: курс лекций / И.И. Мах. – Минск: Амалфея, 2008. – 704 с.
11. Рябцев, Л.М. Глава 14. Административно-правовые режимы / Л.М. Рябцев [и др.] // Административное право: учебник / Л.М. Рябцев [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 307–320.
12. Егоров, Д.А. Административно-правовой режим безопасности объектов использования атомной энергии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Д.А. Егоров. – Минск, 2017. – 273 л.
13. Федорако, А.И. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению административно-правового режима миграции иностранцев: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.И. Федорако. – Минск, 2018. – 299 л.
14. Перевалов, Д.В. Обеспечение безопасности критически важных объектов Республики Беларусь: теоретические и правовые проблемы: монография / Д.В. Перевалов. – 2-е изд. – Минск: Ин-т погран. службы, 2017. – 375 с.
15. Ермолович, В.Ф. Административно-правовые режимы в обеспечении пограничной безопасности Республики

- Беларусь / В.Ф. Ермолович, О.В. Кутилин; под общ. ред. А.А. Павловского. – Минск: Тесей, 2004. – 294 с.
16. Ермолович, В.Ф. Административно-правовые режимы в сфере Государственной границы Республики Беларусь / В.Ф. Ермолович, О.В. Кутилин, В.А. Рябоволов; под ред. В.Ф. Ермоловича. – Минск: Ин-т нац. безопасности, 2014. – 239 с.
17. Ермолович, В.Ф. Пограничный режим в системе мер обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь: теоретические, правовые и организационно-тактические аспекты: монография / В.Ф. Ермолович, В.Н. Будько. – Минск: Ин-т погран. службы, 2020. – 344 с.
18. Ермолович, В.Ф. Административно-правовые режимы Республики Беларусь / В.Ф. Ермолович [и др.]; под общ. ред. В.Ф. Ермоловича. – Минск: Акад. МВД, 2013. – 291 с.
19. Рябцев, Л.М. Глава 14. Административно-правовые режимы / Л.М. Рябцев [и др.] // Административное право: учебник / Л.М. Рябцев [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 532–533.
20. Перевалов, Д.В. Юридическая характеристика правовых явлений / Д.В. Перевалов // Право.by. – 2008. – № 2. – С. 131–134.
21. Алексеев, С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1989. – 288 с.
22. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю.В. Баулин. – Харьков: Основа, 1991. – 360 с.
23. Тер-Акопов, А.А. Юридическая логика: учеб. пособие / А.А. Тер-Акопов. – М.: ИКФ Омега-Л, 2002. – 256 с.
24. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1976. – 580 с.
25. Спиркин, А.Г. Философия: учебник / А.Г. Спиркин. – 2-е изд. – М.: Гадарники, 2006. – 736 с.
26. Философский словарь / М.М. Розенталь [и др.]; под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. – М.: Политиздат, 1963. – 544 с.
27. Кашанина, Т.В. Правовые понятия как средство выражения содержания права / Т.В. Кашанина // Совет. государство и право. – 1981. – № 1. – С. 36–43.
28. Копнин, П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика / П.В. Копнин. – М.: Наука, 1969. – 484 с.
29. Язык закона / Боголюбов С.А. [и др.]; под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990. – 192 с.
30. Головкин, Р.Б. Понятие и конструкция правовых явлений / Р.Б. Головкин // Юрид. техника. – 2013. – № 7, ч. 2. – С. 189–193.
31. О Государственной границе Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 419-3: с изм. и доп. от 17.05.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
32. Стариков, Ю.Н. Глава 1. Государственное управление / Ю.Н. Стариков, Д.Н. Бахрах // Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 19–43.
33. Концепция обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2018–2022 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2018 г., № 410 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
34. Черногоров, Д.А. Административно-правовой статус должностного лица в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Д.А. Черногоров; АНО ВПО «Моск. гум. ун-т». – М., 2014. – 23 с.
35. Аникитин, А.А. Административно-правовой статус должностных лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.А. Аникитин; ГОУ ВПО «Вятск. гос. гум. ун-т». – М., 2014. – 26 с.
36. Об органах пограничной службы Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2008 г., № 454-3, в ред. от 17 июля 2023 г., № 300-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
37. Порядок пропуска через государственную границу физических лиц: учеб. пособие / И.И. Бондаренко [и др.]. – Минск: Ин-т погран. службы, 2019. – 190 с.
38. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
39. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдуме 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г., в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 окт. 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
40. О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 20 сент. 2009 г., № 49-3, в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
41. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-3, в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
42. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронны рэсурс]: 20 ліп. 2016 г., № 105-3, у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 11.05.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
43. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХІІ, в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
44. «Безвиз» продолжает пользоваться популярностью у иностранцев [Электронный ресурс]: Официальный канал Государственного пограничного комитета Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://t.me/gpkgovby/4070>. – Дата доступа: 13.11.2023.

Поступила в редакцию 21.09.2023

Международное регулирование мер укрепления доверия в использовании информационно-телекоммуникационных технологий

Мороз Н.О.

Белорусский государственный университет

В статье рассмотрены актуальные аспекты международного регулирования мер укрепления доверия в использовании информационно-телекоммуникационных технологий в контексте международной безопасности. Автором обосновывается особая важность таких мер не только для снижения политической напряженности или предупреждения международных споров, но и для дальнейшего прогрессивного развития международного права в сфере обеспечения международной информационной безопасности. В публикации выявлены особенности мер доверия, принимаемых как на универсальном, так региональном и межрегиональном уровнях.

Цель статьи – установить специфику международного регулирования мер по укреплению доверия в использовании информационно-телекоммуникационных технологий и разработать научно аргументированные предложения по его совершенствованию.

***Материал и методы.** В ходе проведения исследования подробно анализировались акты мягкого права, принятые в рамках ООН по вопросам принятия мер доверия, а также ответственного поведения государств в киберпространстве; рассматривались международные договоры и акты органов региональных международных организаций (ОДКБ, СНГ, ШОС, ОБСЕ, АСЕАН, Совета Европы, НАТО), содержащие положения, регламентирующие принятие мер доверия в использовании информационно-телекоммуникационных технологий. Научной основой для данного исследования стали как труды ученых Союзного государства, так и стран дальнего зарубежья, посвященные данной проблематике.*

***Результаты и их обсуждение.** Автором выявлена сущность мер доверия, принимаемых в сфере использования ИКТ; сформулированы предложения по совершенствованию принципов ответственного поведения государств в киберпространстве в части применения мер доверия, а также по использованию отдельных мер доверия в сфере использования ИКТ в условиях современной геополитической напряженности в межрегиональном контексте.*

***Заключение.** Перечень мер, разработанных ГПЭ, может быть дополнен заблаговременным предупреждением о киберуничтожении в целях снижения напряженности в сфере использования ИКТ, а также добровольным приглашением иностранных наблюдателей для ознакомления с деятельностью кибернетических подразделений вооруженных сил. Представляется перспективным принятие мер доверия по линии «региональная международная организация–третьи государства». Это позволит наладить диалог с государствами, проявляющими интерес к снижению политической напряженности в контексте информационной безопасности путем принятия мер доверия.*

***Ключевые слова:** информационная безопасность, международная информационная безопасность, меры доверия, информационно-коммуникационные технологии, предупреждение международных споров, предупреждение вооруженных конфликтов, международный политический диалог.*

International Regulation to Strengthen Confidence-Building Measures while Using Information and Telecommunication Technologies

Moroz N.O.

Belarusian State University

The article addresses topical aspects of international regulation of confidence-building measures in the use of information and telecommunication technologies in the context of international security. The author substantiates the particular importance of such measures not only for reducing political tensions or preventing international disputes, but also for the further progressive development of international law in the field of ensuring international information security. The article reveals the features of confidence-building measures taken both at the universal level and at the regional and interregional level.

The purpose of the article is to establish the specifics of international regulation of confidence-building measures in the use of information and telecommunication technologies and develop scientifically substantiated proposals for its improvement.

***Material and methods.** The research comprehensively analyzes soft law acts adopted within the UN on confidence-building measures, as well as the principles of responsible state behavior in cyberspace; international treaties and acts of bodies of regional international organizations (CSTO, CIS, SCO, OSCE, ASEAN, Council of Europe, NATO) containing provisions regulating the adoption of confidence-building measures in the use of information and telecommunication technologies. The scientific basis for this study includes both academic publications done at the Union State as well as other regions devoted to the issues researched.*

Findings and their discussion. The author reveals the essence of confidence building measures taken in the field of ICT use. The proposals to improve the principles of responsible state behavior in cyberspace regarding confidence building measures, as well as the use of specific confidence building measures in the field of ICT use in the context of modern geopolitical tensions in the interregional context were formulated.

Conclusion. The list of measures developed by the GGE can be supplemented by an early warning about cyber exercises in order to reduce tensions in the use of ICT, as well as the voluntary invitation of foreign observers to get acquainted with the activities of the cyber units of the armed forces. Confidence-building measures along the lines of "regional international organization – third states" are recommended to be taken. This could facilitate a dialogue with the states interested in reducing political tensions in the context of information security through the adoption of confidence-building measures.

Key words: information security, international information security, confidence building measures, information and communication technologies, prevention of international disputes, prevention of armed conflicts, international political dialogue.

Широкое использование информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) во всех сферах жизнедеятельности общества обусловило и рост числа противоправных деяний, совершаемых в киберпространстве. Так, уже в первом квартале 2023 г. количество кибератак возросло на 7% в сравнении с тем же периодом 2022 г. [1]. При этом такие кибероперации могут совершаться государствами, которые, как правило, не признают своей вовлеченности в их совершение [2, с. 401]. К примеру, единственной кибератакой, в совершении которой признали свое участие Соединенные Штаты Америки, стала операция «Сияющая симфония», целью которой было противодействие ИГИЛ [3]. В то же время представители государств нередко обвиняют другие государства в совершении кибератак и, более того, принимают односторонние принудительные меры в связи со злонамеренной деятельностью государств в киберпространстве [4, с. 9–10]. Учитывая сложности в определении источника инцидента в сфере ИКТ, ошибочная атрибуция такого акта способна привести к дестабилизирующим последствиям, в том числе к возникновению конфликта [5]. В этой связи особую важность приобретают меры укрепления доверия в вопросах использования ИКТ, принятие которых позволяет снизить политическую напряженность, может способствовать предупреждению международных споров или их разрешению.

Материал и методы. Нижеизложенные наблюдения построены на изучении международных договоров, а также актов мягкого права, принимаемых как в рамках ООН на региональном уровне, так и международных организаций регионального характера (ОДКБ, СНГ, ШОС, ОБСЕ, АСЕАН, Совета Европы, НАТО). Кроме того, научной базой для настоящего исследования стали труды ученых как Союзного государства, так и стран дальнего зарубежья, посвященные различным аспектам принятия мер доверия в интересах обеспечения международного мира и безопас-

ности. Для анализа собранного материала были использованы общие методы научного познания (диалектический, индуктивный, дедуктивный), а также частно-научные методы, применяемые в юридических науках – метод сравнительного правоведения и формально-юридический метод.

Результаты и их обсуждение. Меры укрепления доверия в вопросах использования ИКТ хотя и чрезвычайно важны для целей обеспечения международной информационной безопасности, но не нашли достаточного отражения в доктрине международного права. В научных публикациях в основном затрагивались отдельные аспекты укрепления доверия в контексте работы Групп правительственных экспертов (далее – ГПЭ) по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности и Рабочей группы открытого состава по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (далее – РГОС) (А.А. Даныелян, Е.Е. Гуляева, С.А. Костин, О.С. Макаров, О.О. Самоукин, А.В. Колосов и др.), либо роли международных организаций в укреплении международной информационной безопасности (М.А. Вус, О.С. Макаров, Г.И. Перекопский, М.М. Кучерявый, П.А. Агапов, М.А. Ефремова, Н.О. Мороз и др.). В то же время комплексный анализ эффективности мер укрепления доверия в вопросах использования ИКТ в научных работах не проводился.

Между тем принятие мер доверия в контексте информационной безопасности выходит за рамки предупреждения или улаживания конфликтов и ситуаций напряженности. Во-первых, возможность совершенствования международно-правового регулирования, а также реализация действующих норм мягкого права в области ответственного поведения государств в киберпространстве может быть связана с принятием мер доверия. Существующие различия подходов как к сущности самого понятия «информационная безопасность», так и к возможным направлениям

по ее обеспечению между ведущими державами мира, наряду с геополитическими противоречиями определяют необходимость принятия базовых мер доверия для поддержания диалога между всеми заинтересованными сторонами в интересах мира и устойчивого развития. Во-вторых, расширение спектра мер и объема оказываемой поддержки в рамках наращивания потенциала в области информационной безопасности в межрегиональном контексте также находится в зависимости от уровня мер доверия между государствами.

Таким образом, целью настоящего исследования является установление специфики международного регулирования мер по укреплению доверия в использовании информационно-телекоммуникационных технологий и разработка научно аргументированных предложений по его совершенствованию.

Меры укрепления доверия в вопросах использования ИКТ в контексте международной безопасности имеют значительную специфику. Современное международное право не дает определение термину «меры доверия». Более того, в разных контекстах это понятие может иметь разное значение. В доктрине также нет единого подхода к определению данного термина. В самом общем смысле меры доверия «представляют собой запланированные процедуры по предотвращению военных действий, предотвращению эскалации, снижению военной напряженности и укреплению взаимного доверия между государствами» [6].

Впервые меры доверия фактически стали применяться в Европе в 1913 г., когда получила распространение практика приглашения иностранных наблюдателей для наблюдения за военными учениями [7]. Вместе с тем сам термин «меры доверия» стал использоваться, как и сама концепция мер доверия, в период холодной войны в контексте контроля над вооружениями и разоружения в отношениях между СССР и США (1947–1991 гг.). В настоящее время конкретные вопросы принятия мер доверия регулируются в международных договорах, резолюциях Совета Безопасности ООН, актах мягкого права [8]. В то же время сущность, виды, порядок применения мер доверия в целом не регламентированы международным правом.

Группой правительственных экспертов ООН по мерам доверия по поручению Генеральной Ассамблеи ООН в 1981 г. был представлен доклад, содержащий Всеобъемлющее исследование мер

доверия (далее – Исследование), в котором была рассмотрена концепция мер доверия, цели их принятия, характеристика, эволюция, а также специфика имплементации. В данном документе был использован функциональный подход к определению сущности данного понятия (без формулирования конкретного определения через выяснение задач, которые призваны такие меры решать). Так, в частности, в Исследовании указывалось, что конечная цель принятия мер доверия – укрепление международного мира и безопасности, содействие укреплению доверия между государствами, лучшему пониманию и стабильным отношениям между государствами, таким образом, создание и улучшение условий для плодотворного международного сотрудничества. Иными словами, меры доверия ориентированы на содействие, уменьшение или в некоторых случаях даже устранение причин недоверия, страха, напряженности, враждебности <...> [9]. Следовательно, принятие мер доверия необходимо вне зависимости от наличия ситуации вооруженного конфликта или политической напряженности между государствами.

К важнейшим мерам доверия в данном документе причислены распространение и обмен относящейся к делу информации, а также осуществление регулярных контактов на всех уровнях политического и военного руководства (п. 30) [10]. В качестве иных мер доверия, используемых в военном контексте указаны: заблаговременное предупреждение о военных маневрах и учениях, обеспечение большей прозрачности военных бюджетов, стратегических доктрин, толкование норм национального законодательства, выделение «горячей линии» для обеспечения срочной коммуникации между главами государств на случай кризисной ситуации [11].

Это Исследование во многом было положено в основу Руководящих принципов для соответствующих типов мер доверия и их имплементации, представленных Комиссией по разоружению Генеральной Ассамблеи ООН в 1988 г. В Руководящих принципах указывается, что конечной целью принятия мер доверия является укрепление международного мира и безопасности, внесение вклада по предупреждению всех войн, и в частности, ядерной (п. 2.2.1) [12]. При этом важной целью принятия таких мер выступает реализация общепризнанных принципов, главным образом, тех, которые закреплены в Уставе ООН (п. 2.2.3) [12]. Основной целью же выступает «уменьшение или даже устранение причин недоверия, страха, непонимания и неправильной

оценки соответствующей военной деятельности и намерений других государств, факторов, которые могут вызвать восприятие нарушения безопасности и предоставить основание для продолжения глобального и регионального наращивания вооружений (п. 2.2.5). К характеристикам мер доверия отнесены: длительность (п. 2.3.1), добровольность (п. 2.3.2), поступательность, измеримость и верификабельность (п. 2.3.3.), конкретность (п. 2.3.4), обмен информацией о вооруженных силах, вооружениях, соответствующей военной деятельности и верификации (п. 2.3.5), учет конкретной ситуации для принятия мер доверия (п. 2.3.6), нанесение ущерба безопасности других государств и кумулятивного эффекта от принятия мер доверия (п. 2.3.7) [12].

Международно-правовое регулирование мер доверия в сфере использования ИКТ на универсальном уровне к настоящему времени включает резолюции Совета Безопасности ООН и охватывают обмен информацией, передовым опытом и специальными техническими знаниями по вопросам противодействия использованию ИКТ в террористических целях (резолюции Совета Безопасности ООН 2617 от 30 декабря 2021 г., 2396 от 21 декабря 2017 г.).

Меры доверия специального характера в сфере использования ИКТ предусматриваются в целом ряде актов мягкого права. Перечень таких мер был разработан Группой правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, а также конкретизирован Рабочей группой открытого состава по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. По справедливому замечанию российского исследователя А.В. Колосова, «в первую очередь мерой укрепления доверия в сфере обеспечения информационной безопасности должна стать деятельность самой Группы» [13, с. 129]. К настоящему времени можно выделить 15 мер доверия, которые могут быть обобщены следующим образом: обмен информацией и позициями относительно национальной практики в области кибербезопасности; создание двусторонних, региональных и многосторонних консультативных рамок для укрепления доверия; расширение обмена информацией между государствами об инцидентах, связанных с безопасностью ИКТ, обмен информацией и связь между национальными группами реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации (CERT), расширение сотруд-

ничества для устранения инцидентов, которые могут повлиять на ИКТ или критически важную инфраструктуру, промышленные системы управления с поддержкой ИКТ; усовершенствование механизмов сотрудничества правоохранительных органов для сокращения числа инцидентов, которые в противном случае могли бы ошибочно истолкованы как враждебные действия государства; определение соответствующих контактных лиц на политическом и техническом уровнях для решения серьезных ИКТ-инцидентов и создание каталога таких контактов; разработка и поддержка механизмов и процессов для двусторонних, региональных, субрегиональных и многосторонних консультаций по мере необходимости, для укрепления доверия между государствами и сокращения риска неправильного восприятия, эскалации и конфликтов, которые могут возникнуть в результате инцидентов в области ИКТ [5].

Важно отметить, что участие в имплементации ряда мер доверия должны принимать не только государства, но и негосударственные акторы (частный сектор, гражданское общество, представители академической среды и др.) (например, участвуя в обмене информацией, обмене опытом и др.) [5].

Таким образом, меры доверия, разработанные в результате деятельности ГПЭ в основном охватывают налаживание диалога и, частично, обеспечение прозрачности позиции государств в области кибербезопасности. Спецификой рассмотренного выше перечня является отсутствие ограничивающих мер, а также мер, связанных с верификацией. Полагаем, что это обусловлено, во-первых, технической спецификой функционирования самих информационно-коммуникационных технологий. Представляется достаточно проблематичным использование традиционных ограничивающих мер (например, в виде создания зон ограниченного развертывания сил или удержание кибервойск государств на расстоянии друг от друга). Во-вторых, в отсутствие международного договора универсального характера, а также принятых Советом Безопасности мер доверия, обладающих характеристикой конкретности, как это указано в Руководящих принципах, принятие мер по верификации пока также фактически не представляется возможным. В то же время полагаем, что перечень мер, разработанных ГПЭ, может быть дополнен заблаговременным предупреждением о киберучениях в целях снижения напряженности в сфере использования ИКТ, а также добровольным приглашением иностранных наблюдателей

для ознакомления с деятельностью кибернетических подразделений вооруженных сил.

Следует отметить, что критерии эффективности принятия мер доверия пока не были разработаны ГПЭ и РГОС. Полагаем, что в рамках работы РГОС в течение ее мандата (2021–2025) годы такие критерии нуждаются в обсуждении (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 75/240 от 31 декабря 2020 г.). Считаем, что общие критерии эффективности, содержащиеся в Руководящих принципах, могут быть использованы и в контексте мер, принимаемых в сфере ИКТ. В то же время считаем, что специфика использования ИКТ, проблемы атрибуции деяний в киберпространстве и различие подходов к сущности информационной безопасности наряду с недостаточной готовностью государств, находящихся в состоянии политической конфронтации, к диалогу предопределяет необходимость обеспечения транспарентности и доступности тех положений законодательства в области информационной безопасности, которые определяют трактовку основных терминов, перечень основных угроз информационной безопасности, пределы государственного суверенитета в киберпространстве, а также внешнеполитическую позицию по поводу использования ИКТ в контексте международного мира и безопасности. Это может быть обеспечено: во-первых, путем добровольного информирования Генерального секретаря ООН и Института ООН по исследованию проблем разоружения о практике применения норм международного права в контексте использования ИКТ (предусмотрено Докладом ГПЭ 2015 г.); во-вторых, путем размещения на официальном сайте государственного органа соответствующих документов государства.

Так, Концепция информационной безопасности Республики Беларусь была переведена Министерством иностранных дел Республики Беларусь на английский язык и размещена на его официальном сайте наряду с разъяснением позиции Республики Беларусь относительно вопросов информационной безопасности. Данный подход является, несомненно, оправданным, обеспечивает прозрачность государственной политики Республики Беларусь в области информационной безопасности на внешнем контуре, и таким образом способствует повышению доверия в международных отношениях в контексте использования ИКТ и обеспечению международной информационной безопасности.

Еще одним актом, содержащим положения, направленные на принятие мер доверия

в киберпространстве, является Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве, принятый на Парижском форуме мира в 2018 г. Спецификой данного документа является признание «ответственности основных субъектов частного сектора за то, чтобы развивать доверие, безопасность и стабильность в киберпространстве», необходимости частного-публичного партнерства для содействия доверию и безопасности в сфере использования ИКТ.

Меры доверия, закрепленные в международных договорах, являются обязательными для применения сторонами, и в настоящее время содержатся в региональных соглашениях в области информационной безопасности или международной информационной безопасности. Меры доверия в региональном контексте закреплены также и в актах мягкого права.

Анализируя сложившиеся региональные подходы к определению мер укрепления доверия в связи с использованием ИКТ, можно отметить, что они в основном также ориентированы на обмен информацией о национальном законодательстве, государственных органах и политике в области кибербезопасности, обмен информацией о киберинцидентах, функционирование совместной системы мониторинга киберугроз. В то же время нельзя не отметить, что в рамках региональных международных организаций сложилась некоторая специфика в части использования отдельных мер доверия в сфере использования ИКТ. Так, в рамках таких организаций предпринята попытка организации канала связи по вопросам кибербезопасности либо через предоставление возможности использовать существующие сети (Коммуникационная сеть ОБСЕ, поддерживаемая Центром предотвращения конфликтов Секретариата ОБСЕ для обмена информацией по поводу мер доверия), создание специальных каналов для онлайн-обмена информацией в режиме реального времени (АСЕАН), создание специальных координирующих структур (Рабочая группа по сотрудничеству и мерам доверия в киберпространстве ОАГ). В рамках АСЕАН организуются совместные дискуссии – учения о том, как предупредить инциденты, связанные с безопасностью и использованием ИКТ, которые становятся региональными проблемами безопасности [14]. Для СНГ характерна разработка программ сотрудничества в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий, что в том числе также выполняет роль укрепления доверия между государствами-членами этих региональных

международных организаций [15, с. 113]. В ОДКБ (в традиционном формате) и АСЕАН (в формате дискуссии) проводятся совместные учения в области кибербезопасности [14; 16]. В ОДКБ также осуществляется операция «ПРОКСИ». Таким образом, мероприятия, проводимые в рамках региональных международных организаций, и которые могут рассматриваться также в качестве мер доверия, довольно сильно отличаются. При этом как справедливо отмечает Х. Хиггинс, «перечень мер доверия, используемых в одном регионе, не может целиком заимствоваться другим регионом» в силу исторической, культурной и иной специфики, существующей в каждом регионе [14].

Поддержание диалога между международными организациями регионального характера – как одна из важнейших мер доверия – используется в отношениях ОДКБ–СНГ, ОДКБ–ШОС, ОДКБ–ОБСЕ, СНГ–ШОС, ШОС–АСЕАН, ЕС–НАТО, ЕС–Африканский союз, ЕС–ОАГ.

Идея налаживания межрегионального сотрудничества между межрегиональными международными организациями, государства-члены которых находятся в ситуации политической напряженности, не является новой, но ее реализация сталкивается со значительными затруднениями. Так, например, генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа еще в 2013 г. отмечал, что НАТО игнорирует все попытки ОДКБ начать диалог между организациями по общим вызовам безопасности [17]. В 2019 г. было проигнорировано открытое обращение к главам МИД НАТО с призывом создать механизм регулярных консультаций между секретариатами организаций по региональной и европейской безопасности [18]. К настоящему времени, к сожалению, ситуация не претерпела никаких изменений [19]. В таких условиях представляется перспективным принятие мер доверия по линии «региональная международная организация–третьи государства». Это позволит наладить диалог с государствами, проявляющими интерес к снижению политической напряженности в контексте информационной безопасности путем принятия мер доверия. Так, в приоритетах белорусского председательства в ОДКБ является эффективное позиционирование ОДКБ на внешнем контуре через развитие сотрудничества с международными организациями и третьими странами в целях соответствия эволюционирующим вызовам региональной и глобальной безопасности (в частности, с КНР и Индией) [20].

Заключение. На основании проведенного исследования представляется целесообразным сформулировать следующие выводы:

1. Выявлено, что в документах, закрепляющих принятия мер доверия в области ИКТ, в качестве базовой меры доверия выступает информационный обмен. В то же время полагаем, что до установления диалога между сторонами может использоваться обеспечение прозрачности государственной политики в области информационной безопасности на внешнем контуре через опубликование соответствующих базовых документов на английском языке на официальных Интернет-ресурсах компетентных органов государств.

2. Считаем, что перечень мер, разработанных ГПЭ, может быть в будущем в рамках работы РГОС дополнен заблаговременным предупреждением о киберучениях в целях снижения напряженности в сфере использования ИКТ, а также добровольным приглашением иностранных наблюдателей для ознакомления с деятельностью кибернетических подразделений вооруженных сил.

3. Установлено, что в условиях недостаточной готовности международных организаций, государства-члены которых находятся в состоянии политической конфронтации, представляется перспективным принятие мер доверия по линии «региональная международная организация–третьи государства», что позволит наладить диалог с государствами, проявляющими интерес к снижению политической напряженности и предупреждению конфликтов, порождаемых недостатком межгосударственного доверия в области использования ИКТ в контексте информационной безопасности.

Литература

1. Mascellino, A. Global Cyber Attacks Rise by 7% in Q1 2023 [Electronic resource] / A. Mascellino // Infosecurity magazine. – Mode of access: <https://www.infosecurity-magazine.com/news/global-cyber-attacks-rise-7-q1-2023/>. – Date of access: 12.05.2023.
2. Brown, J.M. #SorryNotSorry: Why states neither confirm nor deny responsibility for cyber operations / J.M. Brown, T.M. Fazal // European Journal of International Security. – 2021. – Vol. 6, iss. 4. – P. 401–417.
3. Bloxberg, D. Cyber Warfare: Nation State Sponsored Cyber Attacks [Electronic resource] / D. Bloxberg // A10. – Mode of access: <https://www.a10networks.com/blog/cyber-warfare-nation-state-sponsored-cyber-attacks/>. – Date of access: 15.05.2023.
4. Довгань, Е.Ф. Теория и практика введения санкций за злонамеренную деятельность в информационном пространстве / Е.Ф. Довгань // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2022. – № 1–2 (100–101). – С. 9–18.
5. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности [Электронный

ресурс]. – 2015. – A/70/174 // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/228/37/PDF/N1522837.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 12.11.2022.

6. Lachowski, Z. Confidence-Building Measures [Electronic resource] / Z. Lachowski / SIPRI. – Mode of access: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/RR/SIPRIRR18.pdf>. – Date of access: 12.07.2023.

7. Military Confidence-building [Electronic resource] / United Nations Office for Disarmament Affairs. – Mode of access: <https://disarmament.unoda.org/cbms/>. – Date of access: 22.06.2023.

8. Ge, J. A Review of U.S.-USSR Confidence-Building Measures During the Cold War [Electronic resource] / J. Ge // CSIS. Interpret : China. – Mode of access: <https://interpret.csis.org/translations/a-review-of-u-s-ussr-confidence-building-measures-during-the-cold-war/>. – Date of access: 05.05.2023.

9. Robinson, J. The Role of Transparency and Confidence-Building Measures in Advancing Space Security [Electronic resource] / J. Robinson // European Space Policy Institute. – Mode of access: https://www.files.ethz.ch/isn/124827/ESPI_Report_28_online.pdf – Date of access: 05.05.2023.

10. Comprehensive Study on Confidence-Building Measures A/36/474, 1982 [Electronic resource]: Report of the Secretary General / UN i-Library. – Mode of access: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210585125/read>. – Date of access: 22.06.2023.

11. Overview of existing confidence building measures as applied to cyberspace [Electronic resource] / Cybil. – Mode of access: <https://cybilportal.org/wp-content/uploads/2020/05/GFCE-CBMs-final.pdf>. – Date of access: 02.07.2023.

12. Guidelines for appropriate types of confidence-building measures and for their implementation, Special report of the Disarmament Commission to the General Assembly at its third special session devoted to disarmament, A/S-15/3*, 28 May 1988 [Electronic resource] / United Nations. Digital library – Mode of access: <https://digitallibrary.un.org/record/39665>. – Date of access: 22.07.2023

13. Колосов, А.В. Меры укрепления доверия в сфере информационной безопасности / А.В. Колосов // Сиб. юрид. вестн. – 2001. – № 2(93). – С. 125–130.

14. Higgins, H. Applying confidence-building measures in a regional context [Electronic resource] / H. Higgins // Institute for Science and International Security. – Mode of access: <https://isis-online.org/uploads/conferences/documents/higginspaper.pdf>. – Date of access: 15.07.2023.

15. Мороз, Н.О. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий: монография / Н.О. Мороз. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 266 с.

16. ДОСЪЕ: К 30-летию Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] / Белта. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/dose-k-30-letiju-dogovora-o-kollektivnoj-bezopasnosti-501907-2022/>. – Дата доступа: 10.08.2023.

17. Дубровин, Д. НАТО игнорирует все попытки ОДКБ начать диалог по общим вызовам безопасности, заявил Николай Бордюжа, подводя итоги визита в Брюссель [Электронный ресурс] / Д. Дубровин. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/news/smi/nato_ignoriruet_vse_popytki_odkb_nachat_dialog_po_obshchim_vyzovam_bezopasnosti_zayavil_nikolay_bord/#loaded. – Дата доступа: 15.07.2023.

18. И.о. генсека ОДКБ призвал НАТО ответить на предложение об установлении диалога [Электронный ресурс] / ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6928446>. – Дата доступа: 15.07.2023.

19. Коренев, Е. Модернизация ОДКБ: Главные интриги председательства Беларуси в 2023 году [Электронный ресурс] / Е. Коренев // Евразия эксперт. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/modernizatsiya-odkb-glavnye-intrigi-predsedatelstva-belarusi-v-2023-godu/>. – Дата доступа: 15.07.2023.

20. Организация Договора о коллективной безопасности / Мин-во иностранных дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/eedc372b31f45ff8.html>. – Дата доступа: 10.08.2023.

Поступила в редакцию 06.09.2023

УДК 338.45:691.4(476.5-25)

Эффективность деятельности ОАО «Керамика» и направления ее повышения

Бекиш Е.И.¹, Мантур Е.Е.²

¹Витебский филиал УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»

²Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

На сегодняшний день постоянные изменения экономической ситуации и неопределенность, вызванная переделом рынка, усложняют деятельность компаний, требуют от специалистов постоянного мониторинга и понимания перемен условий конкуренции, влияющих на эффективность работы предприятий. Учеными и практиками по этой проблеме постоянно ведутся исследования.

Цель статьи – проведение анализа эффективности деятельности организации и определение направлений ее повышения.

***Материал и методы.** Информационной базой для проведения исследований послужила бухгалтерская отчетность, данные деятельности ОАО «Керамика» и его эффективности за 2020–2022 гг., информация электронных ресурсов по изучаемой проблеме. В работе применялись методы экономического и статистического анализа и оценки результатов.*

***Результаты и их обсуждение.** При исследовании обнаружено, что положительной динамике роста выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг за 2020–2022 годы способствовала ориентированность организации на экспорт.*

Изучение новых регионов России, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Узбекистана и Туркменистана и налаживание партнерских отношений обеспечивают постоянный рост объема продаж на внешний рынок. Важным направлением роста эффективности деятельности компании является снижение выявленного роста показателей себестоимости. Витебский кирпич выдерживает конкуренцию на динамичном рынке за счет высокого качества и востребован при возведении и в ходе реконструкции исторических и культурных памятников. Достижения в области качества организации подтверждены сертификатами, наградами и победами в конкурсах.

***Заключение.** За изучаемый период выявлена положительная динамика роста показателей выручки, которая обеспечивает повышение эффективности производственно-финансовой деятельности ОАО «Керамика». Для снижения себестоимости в организации производится модернизация производства, применяются современные мировые энергосберегающие тенденции.*

***Ключевые слова:** эффективность, деятельность, выручка, кирпич, конкуренция, продукция, реализация, рынок, экспорт.*

Efficiency of Activities of JSC “Keramika” and Directions for its Improvement

Bekish E.I.¹, Mantur E.E.²

¹Vitebsk Branch of International University MITSO

²Education Establishment “Belarusian National Technical University”

Today, continuous changes in the economic situation and uncertainty caused by the redistribution of the market complicate the activities of companies. They require specialists to constantly monitor and understand changes in the competitive environment that affect the efficiency of enterprises. Scientists and practitioners are constantly conducting research on this problem.

The purpose of the article is to analyze the efficiency of the company activities and determine the directions for its improvement.

Material and methods. *The information base for the research was the financial statements, data on the activities of JSC “Keramika” and its efficiency for 2020–2022, information from electronic resources on the problem under study.*

Methods of economic and statistical analysis and evaluation of results were used in the work.

Findings and their discussion. *During the study, it was found out that the positive dynamics of revenue growth from the sale of products, goods, works, services for 2020–2022 was facilitated by the company focus on exports. The study of new regions of Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Uzbekistan and Turkmenistan and the establishment of partnerships ensure a constant increase in sales to the foreign market. An important area of growth in the company’s efficiency is to reduce the identified increase in cost indicators. Vitebsk bricks stand up to competition in the dynamic market due to their high quality and are in demand during the construction and reconstruction of historical and cultural monuments. Achievements in the field of quality of the company are confirmed by certificates, awards and victories in competitions.*

Conclusion. *During the period under review, a positive trend in the growth of revenue indicators was revealed, which ensures an increase in the efficiency of production and financial activities of JSC “Keramika”. To reduce the cost of production, the company modernizes production, applies modern world energy-saving trends.*

Key words: *efficiency, activity, revenue, brick, competition, products, sales, market, export.*

В условиях происходящих тектонических перемен, созданных санкционным давлением на Российскую Федерацию и Республику Беларусь, при постоянном колебании курсов основных мировых валют, ухудшении общей политической и экономической ситуации деятельность организаций очень осложнилась. В результате вопросы повышения эффективности функционирования их в Республике Беларусь в настоящий период времени приобретают особенное значение. Пути повышения эффективности учеными непрерывно ищутся уже более 100 лет. Исследования по этой проблеме никогда не прекращались [1].

Постоянные изменения на рынках увеличивают риски и неопределенность, сопровождающие деятельность компаний, требуют понимания руководством влияния факторов эффективности работы организации. Оценка и анализ этих факторов значительно повышают вероятность управления ими. Между факторами, влияющими на эффективность функционирования предприятия, существует достаточно тесная взаимосвязь [2].

Используемые методы обеспечения экономической устойчивости, адаптации и развития переходят из разряда чрезвычайных мер в критической ситуации в регулярную деятельность по обеспечению устойчивого функционирования предприятия [3; 4].

Быстрое изменение условий внешней среды и усложнение рыночной деятельности предприятий вызывают необходимость постоянно контролировать и оценивать эффективность бизнес-процессов [5].

В связи с этим была определена следующая цель исследования – проведение анализа эффективности деятельности организации и определение направлений ее повышения.

Материал и методы. Информационной базой для проведения исследований послужила бухгалтерская отчетность, данные деятельности ОАО «Керамика» и его эффективности за 2020–2022 гг., информация электронных ресурсов по изучаемой проблеме.

В работе применялись методы экономического и статистического анализа и оценки результатов.

Результаты и их обсуждение. Витебское ОАО «Керамика» является одним из самых крупных производителей керамических строительных материалов и старейших предприятий в Беларуси с многолетним опытом.

Согласно данным архивных документов, первое упоминание о кирпичных заводах Витебска датируется в начале XIX века. Они работали сезонно и были образованы по простому принципу доступности и обеспеченности сырья – много глины. Глина добывалась ручным способом,

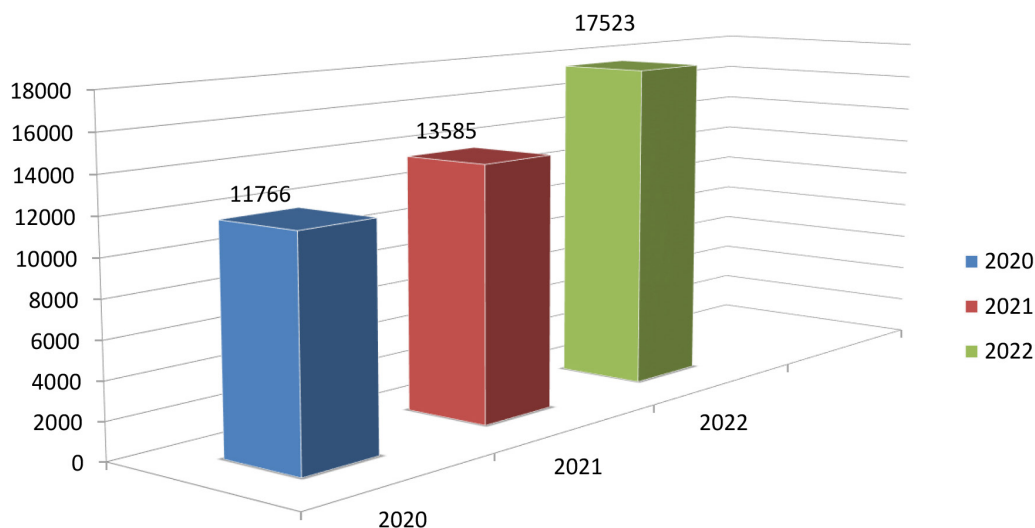

Рисунок 1 – Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг организации за 2020–2022 гг., тыс. руб.

а обжигали ее в зимнее время в обычных напольных печах.

С февраля 1995 года предприятие реорганизовано в открытое акционерное общество «Керамика», продукция которого всегда пользуется спросом у потребителей. В настоящее время основными видами деятельности предприятия являются:

- производство кирпича, дренажных труб из обожженной глины;
- оптовая и розничная торговля;
- разработка гравийных и песчаных карьеров (в том числе добыча полезных ископаемых: песок, глина);
- хранение и складирование [6].

За год организация изготавливает 32 миллиона штук керамического кирпича, или около 90 тысяч штук в сутки.

Продукция под брендом «Витебский кирпич» широко известна не только в Беларуси, но и за ее пределами, так как большая часть объема реализуется на экспорт. Объем продаж продукции определяется по выручке от ее реализации, показатели которой рассмотрим на рисунке 1.

Представленные данные наглядно демонстрируют положительную динамику роста выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг за 2020–2022 годы. Если в 2020 году выручка от ее реализации составляла 11766 тыс. руб., то в следующем году она увеличилась на 1816 тыс. руб., или 15,5%. Больше всего выручки было получено в 2022 году. Ее абсолютный показатель составил 17523 тыс. руб., а темп роста увеличился на 29%.

Росту выручки способствовала экспортоориентированность организации. Эффективная совместная работа маркетинга и логистики предприятия за последние годы по экспорту обеспечила его лидерство [7].

Раньше поставки витебского керамического кирпича осуществляли в Россию, Украину, Молдову, Казахстан. Сейчас поставки в Украину временно приостановлены. В настоящий период больше всего, приблизительно 70 процентов, керамической продукции поставляется в Российскую Федерацию [8].

Россия является основным внешним рынком сбыта. Витебский кирпич знают как в регионах крайнего севера и юга России, так и от запада до Забайкалья. При этом основные поставки керамической продукции производятся в Москву и Московскую обл., Смоленск, Калугу, г. Санкт-Петербург и Ленинградскую обл., Псков, Калининград, Владивосток, Мурманск, Петрозаводск и другие регионы РФ. Чтобы упростить и ускорить расчеты с российскими партнерами, в Смоленске создан свой торговый дом «Витебский кирпич», через который реализуется около 30 процентов всего объема экспорта.

Для закрепления своих конкурентных позиций на освоенных рынках сбыта и поиска новых каналов реализации продукции специалисты маркетинга и логистики тщательно изучают не только регионы Беларуси и России, но и также Казахстана, Киргизии, Молдовы, Узбекистана и Туркменистана. В итоге объемы продаж на внешний рынок путем налаживания партнерских отношений с конкретными

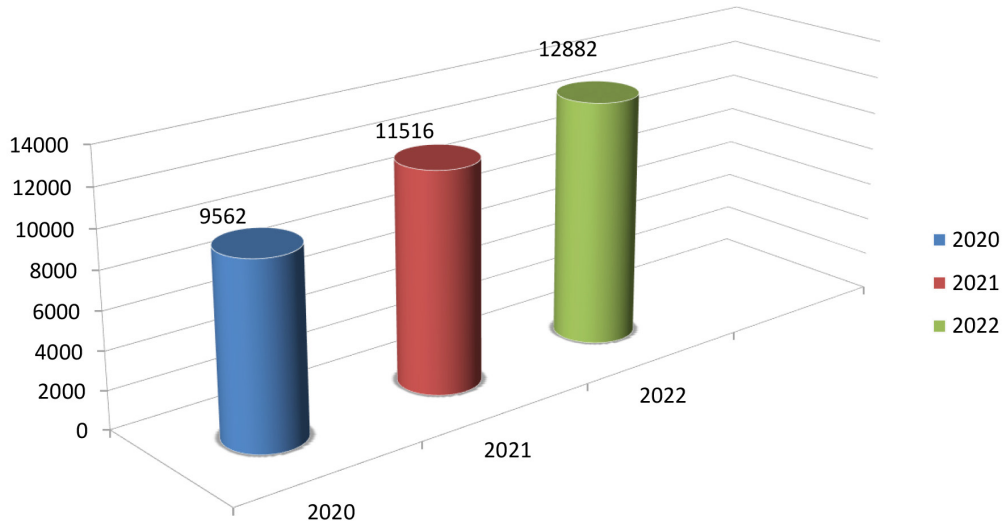

Рисунок 2 – Динамика показателей себестоимости реализованной продукции, товаров, работ, услуг компании за 2020–2022 годы, тыс. руб.

ми регионами постоянно растут. Это подтверждается победой в конкурсе «На лучшее достижение в строительной отрасли Республики Беларусь» за 2022 год в номинации «Экспортер года» [9].

Победа в конкурсе «Лучший экспортер года» подтверждает высокие достижения компании, которые формируют ее имидж в Беларуси и за рубежом, создавая основу для стабильного и эффективного развития [5].

Важным направлением роста эффективности любой компании является конкурентоспособность, которая относится к показателям, что могут характеризовать результативность производственной деятельности компании. Неконкурентоспособное предприятие не может считаться эффективным [1].

Конкурентоспособность продукции во многом зависит от ее себестоимости. Это один из основных экономических показателей деятельности организаций, показывающий в денежной форме все затраты предприятия, обуславливающие производство и реализацию продукции. Себестоимость обобщенно отражает уровень технического оснащения производства и освоения технологических процессов, совершенствование организации производства и труда, степень использования производственных мощностей, экономное расходование материальных, трудовых и денежных ресурсов [10].

Для выяснения тенденций изменения показателей себестоимости продукции, работ и услуг организации за 2020–2022 гг. проведем их анализ, используя информацию, представленную на рисунке 2.

На основании проведения анализа данных можно отметить, что за исследуемый период наблюдается ежегодное увеличение себестоимости реализованных товаров, продукции, работ, услуг. Так, в 2021 году себестоимость повысилась на 1954 тыс. руб., или 20,4%, а в последующем году увеличилась на 1366 тыс. руб., или 11,9%. За весь изучаемый период рост себестоимости составил 3320 тыс. руб., или 34,7%. Высокие темпы роста показателей себестоимости негативно влияют на формирование финансовых результатов деятельности компании, снижая их.

В условиях высокой конкуренции, особенно на российском рынке современных строительных материалов, предприятие вынуждено искать пути снижения себестоимости производимой продукции.

Производство керамических изделий является одним из самых энергозатратных потому, что печи для обжига работают на газу. Оплата за газ составляет 50% в структуре всех затрат [11].

Для снижения энергозатрат обновляют оборудование и производят модернизацию производства, внедряя электронику и автоматику в технологические процессы в соответствии с современными мировыми энергосберегающими тенденциями. В ближайшее время в ОАО «Керамика» планируется провести модернизацию обжиговых печей, которым более 40 лет, что позволит снизить расход газа на обжиг почти на треть и даст возможность предлагать витебский кирпич по более низкой цене. Это сделает его более конкурентоспособным на рынке строительных материалов.

Выдерживать конкуренцию на динамичном рынке предприятию обеспечивает высокое качество продукции, для производства которой используется глина красного цвета. Благодаря ей кирпич обладает, помимо прочности, природной красотой насыщенного натурального красного цвета и позволяет гасить шумы и долго сохранять тепло в помещении. При этом глина является экологичным материалом. В результате изделия, сделанные из нее, безопасны как для человека, так и для окружающей среды.

Витебский кирпич имеет неограниченный срок службы и характеризуется высокой огнестойкостью, долговечностью, прочностью, морозостойкостью и влагостойкостью, что делает его идеальным для кладки печей, каминов и также для строительства жилых домов и общественных объектов.

За счет уникальных характеристик продукция марки «Керамика» востребована и использована при возведении и в ходе реконструкции ценнейших исторических и культурных памятников России:

- мемориала, воздвигнутого к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне на Поклонной горе в Москве;
- комплекса «Прохоровское поле» в Белгородской области;
- Храма Христа Спасителя в столице России;
- Успенского Собора в Москве;
- Исаакиевского и Казанского соборов в Санкт-Петербурге.

В белорусских городах из кирпича ОАО «Керамика» построены не только крупные жилые микрорайоны, но и приобрели новую жизнь множество исторических строений. Например, в Витебске возведены Свято-Троицкая церковь, Свято-Успенская, Свято-Хорлапиевская, Свято-Приображенская церкви и Рождественско-Православный центр [9].

Продукция предприятия сертифицирована на соответствие международным требованиям для ее успешного продвижения на новые рынки и повышения конкурентоспособности в зарубежных странах. В настоящее время большое внимание в Беларуси и России уделяется разработке единых межгосударственных стандартов, что способствует развитию промышленности двух стран в одном направлении и формирует основу для интеграции промышленного производства. Единая система стандартизации и технического регулирования ведет к совершенствованию процессов взаимного признания результатов научных исследований, ускорению роста торговли [12].

Качество строительных материалов обеспечивается, а брак исключается за счет наличия собственной лаборатории, которая производит контроль на всех этапах производства. В результате качество продукции предприятия подтверждено сертификатами СТБ ISO 9001-2015, также прохождением сертификации в Российской Федерации и наличием сертификатов ГОСТ 530-2012, СТБ 1160-99 [9].

О достижениях в области качества организации свидетельствуют высокие награды и победы в конкурсах. Так, акционерное общество является победителем конкурса «Лучшие товары Республики Беларусь – 2021». За достижение значительных результатов в области качества и конкурентоспособности производимой продукции, внедрение инновационных технологий и современных методов менеджмента за 2020 год ОАО «Керамика» награждено Премией Правительства Республики Беларусь. При этом выпускаемая продукция ежегодно становится «Лучшим строительным продуктом года» Республики Беларусь, удостоена звания лауреата премии «Лучший товар Республики Беларусь на рынке Российской Федерации», а также неоднократно получает дипломы и сертификаты за участие в различных республиканских и международных конкурсах и выставках [9].

Все эти награды и победы дают возможность расширять сеть деловых партнеров и их доверие, укреплять собственный имидж, повышать конкурентоспособность и финансовые результаты.

Чтобы успешно продвигать продукцию, выдерживая конкуренцию, специалисты стремятся постоянно расширять ассортимент изделий, осваивая выпуск новых видов продукции, следуя современным трендам и запросам покупателей. В организации наладили производство фигурных кирпичей для кладки декоративных элементов при строительстве печей и каминов. В числе последних новейших разработок на рынок вводится кирпич miniBrick, который имеет уникальную форму. Используя miniBrick, можно оформлять фасады и интерьеры, применять для кладки изысканных архитектурных элементов, не разрезая кирпич.

Заключение. На основании проведенного анализа изменения показателей выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг за исследуемый период выявлена положительная динамика их роста при увеличении его темпа за три года на 29%, что обеспечивает повышение эффективности производственно-финансовой деятельности ОАО «Керамика».

Увеличению выручки способствует экспорт продукции, основная часть которой реализуется в России. Для обеспечения роста объема продаж на внешнем рынке изучаются новые регионы России, а также Казахстана, Киргизии, Молдовы, Узбекистана и Туркменистана.

При изучении вариации показателей себестоимости установлен их ежегодный рост, который за изучаемый период составляет 3320 тыс. руб., или 34,7%.

Для снижения себестоимости производится модернизация производства, применяя современные мировые энергосберегающие тенденции.

С целью удержания своих позиций в условиях конкуренции и продвижения продукции на новые рынки предприятие обеспечивает ее высокое качество и осваивает выпуск новых видов строительных материалов.

Литература

1. Бекиш, Е.И. Эффективность деятельности ОАО «Витебский завод тракторных запасных частей» / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // Право. Экономика. Психология. – 2023. – № 2(30). – С. 80–85.
2. Князева, Е.В. Эффективность деятельности предприятия и факторы, влияющие на нее / Е.В. Князева, Е.В. Шаповал // Вестн. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 112–115.
3. Шинкевич, Н.В. Системная концепция и механизм устойчивого развития предприятия как субъекта хозяйствования / Н.В. Шинкевич, Е.А. Мартышевская // Экономика. Управление. Инновации. – 2021. – № 1(9). – С. 14–22.
4. Бекиш, Е.И. Повышение эффективности деятельности ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика» / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // Вестн. Белорус. гос. с.-х. акад. – 2023. – № 4. – С. 15–19.
5. Бекиш, Е.И. Использование логистики для повышения эффективности деятельности организации / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // Право. Экономика. Психология. – 2023. – № 1(29). – С. 28–33.
6. Официальный сайт «Витебский кирпич» [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://vkeram.by/informaciya/istoriya-predpriyatiya> – Дата доступа: 19.04.2023.
7. Бекиш, Е.И. Значение интеграции маркетинга и логистики в условиях конкуренции / Е.И. Бекиш, О.А. Брагина, Е.Е. Мантур // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 3(27). – С. 60–64.
8. Как живет и выдерживает конкуренцию производитель витебского кирпича [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/> – Дата доступа: 19.12.2023.
9. Официальный сайт «Витебский кирпич» [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://vkeram.by/> – Дата доступа: 19.04.2023.
10. Бекиш, Е.И. Основные направления и факторы снижения себестоимости продукции / Е.И. Бекиш, Р.В. Бекиш, Т.В. Шляднева // Ученые записки учреждения образования «Витебская ордена “Знак почета” государственная академия ветеринарной медицины». – 2010. – Т. 46, № 1–2. – С. 8–10.
11. Более 70 лет витебское ОАО «Керамика» не перестает удивлять... [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <http://www.vitbichi.by/news/> – Дата доступа: 23.12.2023.
12. Богатырёва, В.В. Факторы, влияющие на интеграционные процессы экономик Республики Беларусь и Российской Федерации / В.В. Богатырёва, Ю.Ш. Салахова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 3(11). – С. 19–30.

Поступила в редакцию 16.01.2024

Влияние изменения обменного курса национальной валюты на основные макроэкономические индикаторы

Калиева Г.Т.¹, Сапаргалиев Х.У.², Бекбаева М.К.¹
¹Университет им. Д.А. Кунаева, Республика Казахстан
²ТОО СП «Тюменьнефтепродукт», Республика Казахстан

В эпоху глобализации особо возрастает роль валютного курса, поскольку он выступает объектом макроэкономической политики государства и является ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность и устойчивое развитие национальной экономики.

Цель работы – установить фундаментальные факторы курсообразования, выявить наиболее устойчивые взаимосвязи между основными показателями и определить прогнозные значения валютного курса на ближайшие 2 года.

Материал и методы. Эмпирическим материалом послужили статистические данные Национального банка Республики Казахстан. В качестве объекта исследования выступает Национальный банк Республики Казахстан как уполномоченный орган государства в валютной сфере экономики.

В работе использованы методы: аналитический, графический, экстраполяции, статистического анализа и др.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрены фундаментальные факторы курсообразования национальной валюты тенге. На основе методов статистического анализа определены главные макроэкономические показатели, влияющие на формирование курса национальной валюты.

Заключение. На основе определения фундаментальных факторов курсообразования и выявления наиболее устойчивых взаимосвязей между ключевыми макроэкономическими показателями были определены прогнозные значения валютного курса тенге по отношению к доллару США на ближайшие два года.

Ключевые слова: валютный курс, импорт, курсообразование, платежный баланс, экспорт.

The Impact of Changes in the Exchange Rate of the National Currency on the Main Macroeconomic Indicators

Kaliyeva G.T.¹, Sapargaliyev Kh.U.², Bekbaeva M.K.¹
¹D.A. Kunaev University, the Republic of Kazakhstan
²"TiumenNefteProdukt" Ltd., the Republic of Kazakhstan

In the era of globalization, the role of the exchange rate is especially increasing since it is the object of the state macroeconomic policy and is a key factor determining the competitiveness and sustainable development of the national economy.

The goal of the paper is to establish the fundamental factors of exchange rate formation and identify the forecast values of the tenge exchange rate against the US dollar for the next two years.

Material and methods. The empirical material was statistical data of the National Bank of the Republic of Kazakhstan. The National Bank of the Republic of Kazakhstan was identified as the object of the study as an authorized state body in the currency sector of the national economy.

The analytical method, graphical method, extrapolation method, statistical analysis methods, etc. were used in the work.

Findings and their discussion. The fundamental factors of exchange rate formation of the national currency tenge were considered. Based on statistical analysis methods, the main macroeconomic indicators were identified, which have a key impact on the formation of the national currency exchange rate.

Conclusion. Forecast values of the tenge exchange rate against the US dollar for the next two years were established based on identifying the fundamental factors of exchange rate formation and the most sustainable linkages between key macroeconomic indicators.

Key words: exchange rate, imports, exchange rate formation, balance of payments, exports.

Обменный курс является одним из важнейших макроэкономических индикаторов, оказывающих существенное воздействие на финансовую стабильность страны и повышение конкурентоспособности экономики. Более того, изменение валютного курса, по существу, отражает прак-

тически всю совокупность макроэкономических процессов, определяющих экономические позиции страны по отношению к мировому производству [1–3]. Валютный курс имеет важное значение при разработке и проведении денежно-кредитной политики, ибо он выступает инструментом управ-

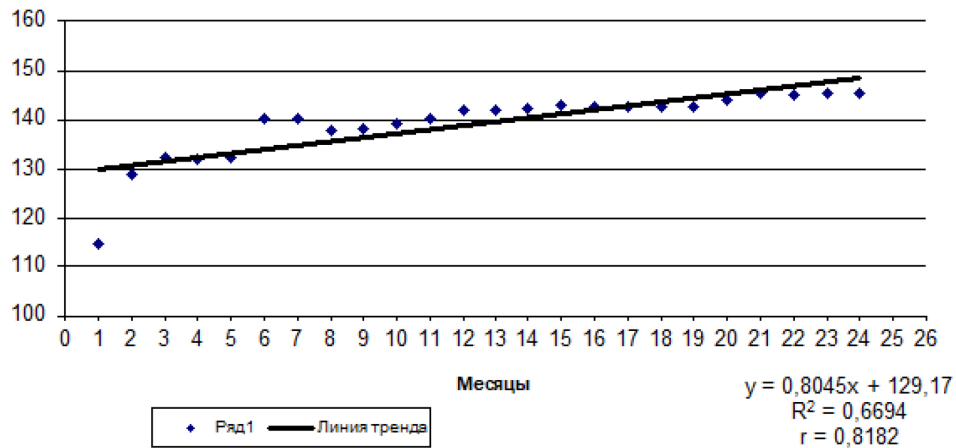

Рисунок 1 – Тренд обменного курса за 2021–2023 годы

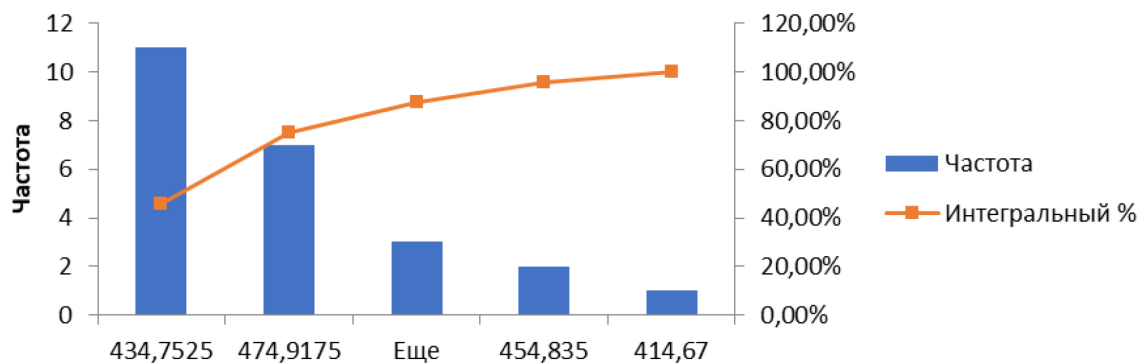

Рисунок 2 – Гистограмма динамики валютного курса

ления в совокупности с другими компонентами денежно-кредитной политики для достижения желаемых целей в области инфляции, активизации материального производства и декарбонизации экономики.

Цель работы – установить фундаментальные факторы курсообразования и на этой основе определить прогнозные значения валютного курса на ближайшую перспективу.

Поставленная цель предопределила решение следующих задач:

- проведение анализа трендовых изменений обменного курса национальной валюты и выявление их влияния на основные макроэкономические показатели;
- определение фундаментальных факторов курсообразования и выявление наиболее устойчивых взаимосвязей между ними;
- проведение математического моделирования зависимости обменного курса национальной

валюты от фундаментальных факторов курсообразования.

Материал и методы. Эмпирическим материалом послужили статистические данные Национального банка Республики Казахстан. В качестве объекта исследования выступает Национальный банк Республики Казахстан как уполномоченный орган государства в валютной сфере экономики.

В работе использованы методы: аналитический, графический, экстраполяции, статистического анализа и др.

Результаты и их обсуждение. Ретроспективный анализ показывает рост динамики курса тенге по отношению к доллару США (рисунки 1; 2) [4; 5].

Как следует из рисунков, валютный курс в условиях функционирования свободно плавающего режима, на который Казахстан перешел в апреле 1999 года, определяется под влиянием спроса и предложения на валютном рынке. При этом соот-

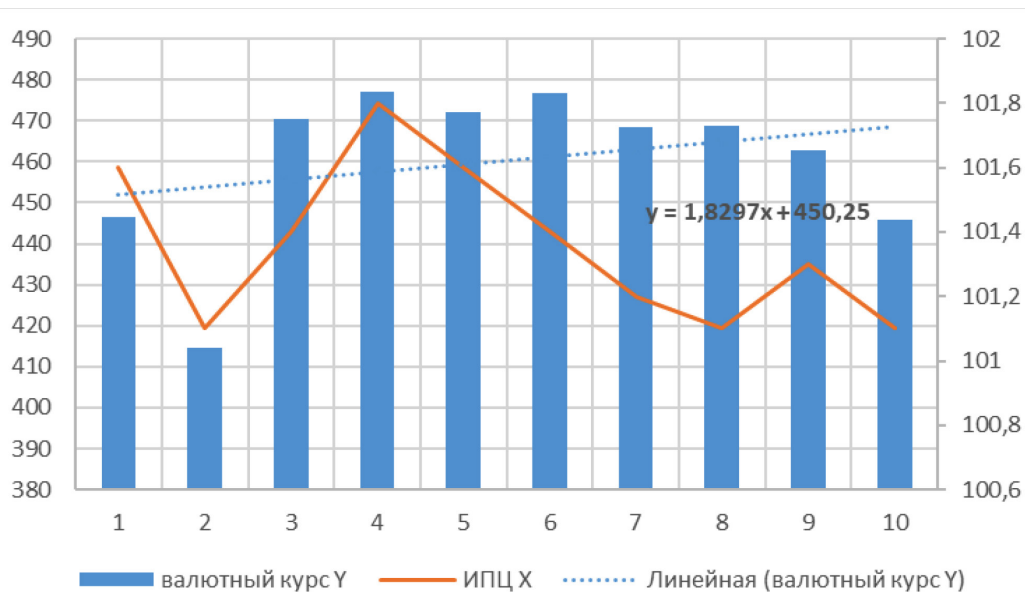

Рисунок 3 – Взаимосвязь валютного курса и ИПЦ

ношение же такого спроса и предложения зависит от многих факторов. Более того, многофакторность валютного курса отражает его взаимосвязь с другими экономическими категориями – стоимостью, ценой, деньгами, процентом, платежным балансом и т.д. Зачастую имеет место сложное их переплетение и выдвигание в качестве ключевых то одних, то других факторов.

Ретроспективный анализ факторов, определяющих валютный курс, позволил установить следующие основные макроэкономические индикаторы, имеющие ключевое влияние на него [3; 6–9]:

1. Темп инфляции. Поскольку процентная ставка тесно связана с обменным курсом валюты, то вполне очевидно, что и обменный курс испытывает влияние инфляции. Чем выше темп инфляции в стране, тем ниже курс национальной валюты, если не противодействуют иные факторы (рисунок 3).

Кроме того, эконометрические расчеты позволили выявить наличие качественно устойчивой связи обменного курса национальной валюты от изменения индекса потребительских цен. В процессе исследования установлено, что волатильность тренда обменного курса национальной валюты от изменения индекса потребительских цен значительна. При этом коэффициент детерминации составил 0,75, а коэффициент корреляции – 0,81, что свидетельствует о наличии достаточно тесной связи между валютным курсом и ИПЦ.

В данном случае математическая модель будет линейной, трендовой и иметь вид:

$$y = 1,8297x + 450,25, \quad (1)$$

где y – как результирующий признак (это валютный курс), x – как факторный признак (это индекс потребительских цен).

При этом эластичность темпов изменения обменного курса национальной валюты от индекса потребительских цен составляет 0,2. Это означает, что при увеличении индекса потребительских цен на 1 процентный пункт динамика обменного курса увеличится на 0,2 процентных пункта.

Таким образом, инфляционное обесценение денег в стране вызывает снижение покупательной способности и тенденцию к падению обменного курса национальной валюты. Данная тенденция обычно прослеживается в средне- и долгосрочной перспективе.

Следует подчеркнуть, что зависимость валютного курса от темпа инфляции традиционно значительна и велика у стран с большим объемом международного обмена товарами, услугами и капиталами. Это обусловлено тем, что наиболее тесная связь между динамикой обменного курса валюты и относительным темпом инфляции проявляется при расчете курса на базе экспортных цен.

В отношении импортных цен необходимо подчеркнуть, что они менее приемлемы для расчета относительного паритета покупательной способ-

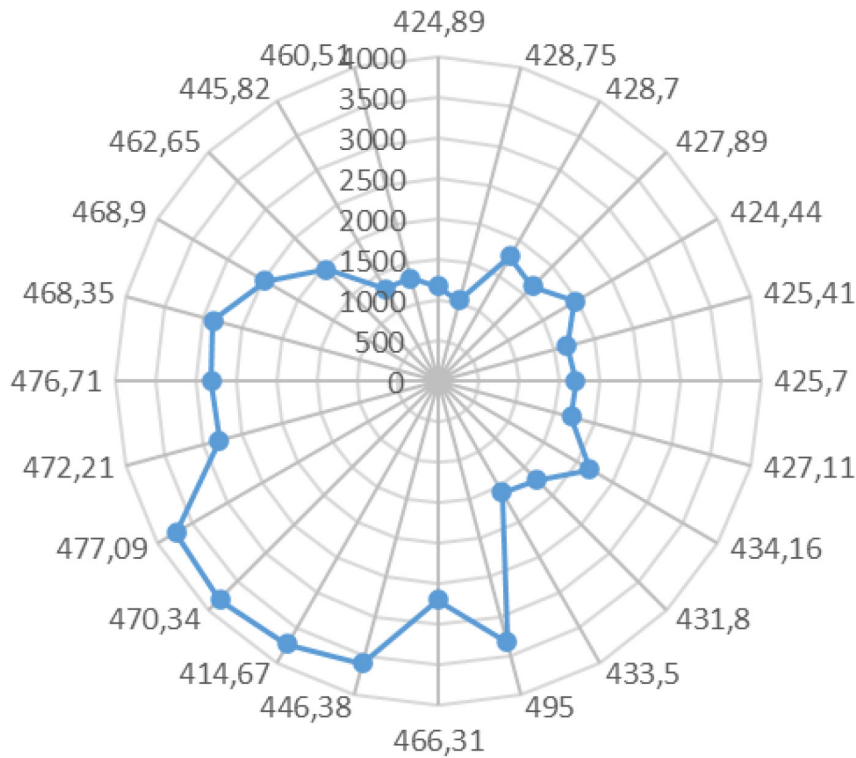

Рисунок 4 – Взаимосвязь валютного курса и сальдо торгового баланса

ности валют, поскольку сами во многом зависят от динамики обменного курса. Необходимо отметить, что индекс оптовых цен приемлем для такого расчета лишь для промышленно развитых стран, где структура оптовой внутренней торговли и экспорта в известной мере сходна. В других странах в тот индекс не входят многие экспортируемые товары.

2. Состояние платежного баланса. Активный платежный баланс способствует повышению курса национальной валюты, поскольку увеличивается спрос на нее со стороны иностранных должников. Пассивный платежный баланс порождает тенденцию к снижению курса национальной валюты, так как должники продают ее за иностранную валюту для погашения своих внешних обязательств. Зависимость обменного курса от сальдо торгового баланса характеризуется следующей линией тренда (рисунок 4) [10–12].

При этом уравнение зависимости валютного курса и сальдо торгового баланса имеет вид:

$$y = 9327,4 \ln(x) - 54644 \quad (2)$$

Корреляция между ежемесячными изменениями обменного курса и месячным торговым балансом не высока – 0,7. С другой стороны, в длительном периоде происходит обесценение

национальных валют стран с хроническим дефицитом торгового баланса и удорожанием валют стран с положительным сальдо торгового баланса.

При этом установлена пропорциональная зависимость между результативным фактором – обменным курсом и факторным признаком, каковым выступает сальдо торгового баланса. Нестабильность платежного баланса приводит к скачкообразному изменению спроса на соответствующие валюты и их предложение.

Рост конкурентоспособности, стимулирующий выпуск, или увеличение внутренней бережливости, снижающее расходы, улучшают состояние текущего счета.

Любое изменение в экономике, отражающее «глубокие» или структурные сдвиги, влияет на текущий счет и, следовательно, на обменный курс национальной валюты.

3. Ставка рефинансирования. Еще более весомая корреляция между обменным курсом валюты и ставкой рефинансирования (рисунок 5). Влияние данного фактора двояко. Во-первых, изменение процентных ставок в стране воздействует при прочих равных условиях на международное движение капиталов и прежде всего краткосрочных. По существу, повышение процентной ставки

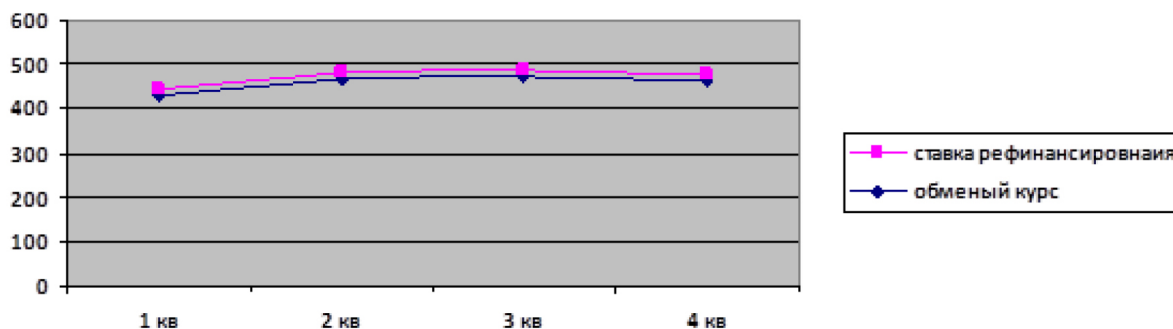

Рисунок 5 – Взаимосвязь валютного курса и ставки рефинансирования

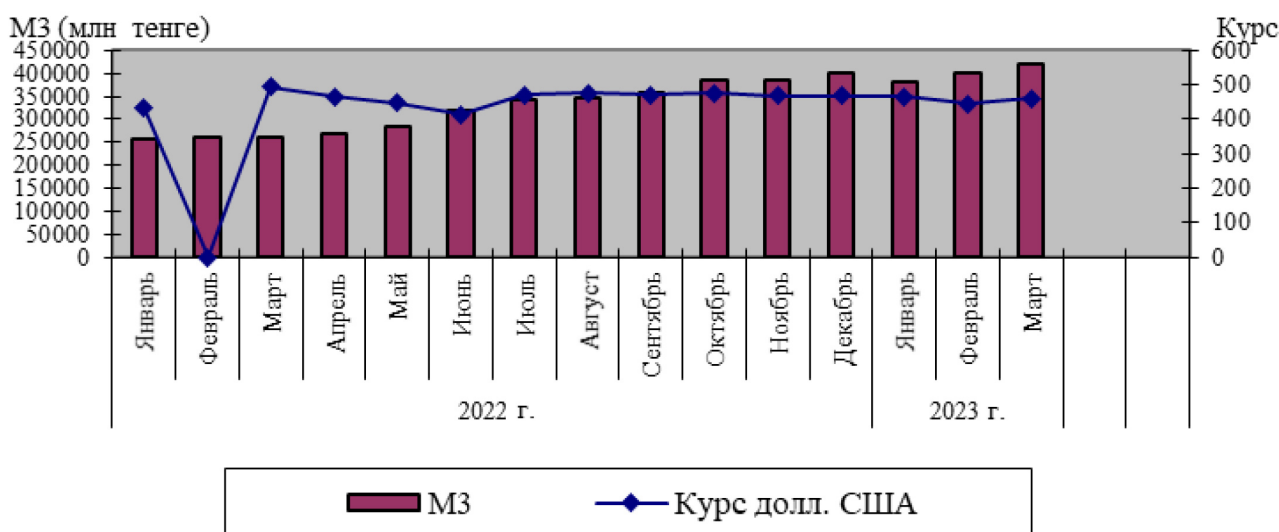

Рисунок 6 – Динамика обменного курса тенге в корреляции от денежной массы

стимулирует приток иностранных капиталов, а ее снижение поощряет отток капиталов. Во-вторых, процентные ставки воздействуют на операции валютных рынков и рынков ссудных капиталов.

Линия тренда обменного курса от ставки рефинансирования имеет следующий вид (рисунок 5) [4; 5].

Как свидетельствуют результаты статистического анализа, между данными показателями существует тесная связь. Так, коэффициент детерминации составил $-0,73$, а коэффициент корреляции $-0,85$. При этом эластичность темпов изменения обменного курса тенге от ставки рефинансирования составляет минус $0,3$. Это означает, что при увеличении реальной ставки рефинансирования на один процентный пункт динамика обменного курса тенге (месяц к месяцу) снижается на $0,3$ процентного пункта.

В длительном периоде величина превышения отечественной процентной ставки над американской (ставка ФРС) примерно равна ожидаемому темпу удорожания национальной валюты. В краткосрочном временном лаге эта связь ослабевает.

4. Денежная масса (М3). Рынок денег всегда находится в равновесии: процентная ставка и обменный курс мгновенно достигают уровня, который гарантирует равновесие между спросом на деньги и их предложением. Динамика обменного курса тенге в корреляции от денежной массы характеризуется следующим (рисунок 6).

При этом коэффициент детерминации составил $0,79$, а коэффициент корреляции $-0,89$, что свидетельствует о наличии тесной связи между динамикой обменного курса и величиной денежной массы (М3).

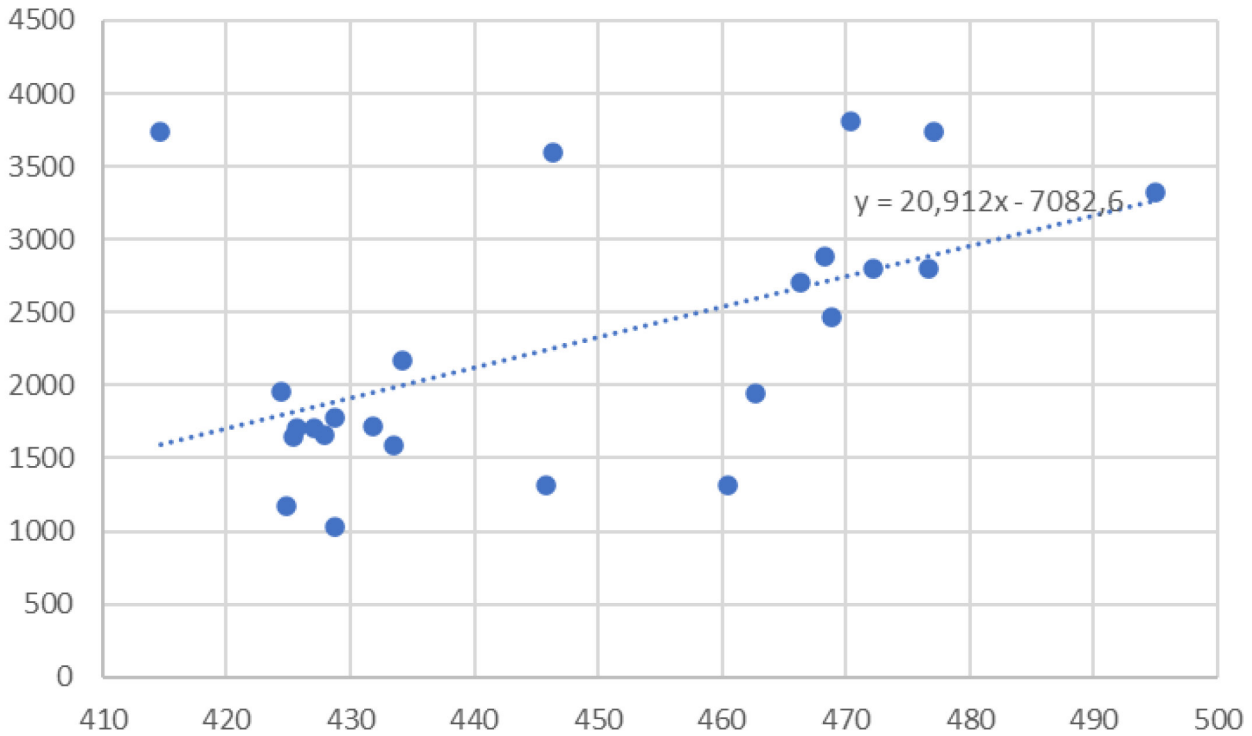

Рисунок 7 – Прогноз валютного курса тенге на ближайшие 2 года

При заданном номинальном объеме денежной массы, ожидаемом в будущем валютном курсе, и зарубежной процентной ставке равновесие на рынке денег предполагает обратную зависимость между текущим валютным курсом и ценами. Повышение уровня цен снижает реальный объем денежной массы. Для восстановления утраченного равновесия спрос должен уменьшиться. Это произойдет тогда, когда альтернативная стоимость хранения национальной валюты (номинальная процентная ставка) повысится. Избыточный спрос на деньги, который возникает вследствие роста цен, стимулирует отечественных хозяйствующих субъектов рынка осуществлять заимствования за границей. Вследствие этого возникает приток капитала, который в свою очередь приводит к удорожанию национальной валюты. Следует отметить, что в коротком периоде из-за малоподвижности цен увеличение денежной массы приводит к «перелету» валютным курсом своего долгосрочного уровня, т.е. к «избыточному» обесценению валюты. В длительном периоде при прочих равных условиях обесценение национальной валюты и рост уровня цен прямо пропорционален темпу роста денежной массы.

Таким образом, методом экстраполяции на основе установленных экономическими расчетами взаимосвязи вышерассмотренных ключевых факторов курсообразования можно сделать прогноз курса тенге на ближайшие 2 года (рисунок 7).

При этом валютный курс следует рассматривать как результирующий признак системы фундаментальных факторов курсообразования, которая может быть описана следующим образом:

$$ER = \{I; PB; RR; M3\}, \quad (3)$$

где ER – валютный курс, I – инфляция, PB – состояние платежного баланса, RR – ставка рефинансирования, M3 – денежная масса.

Таким образом, согласно нашим прогнозам на основе проведенного корреляционно-регрессионного анализа и с учетом сезонных колебаний поступлений валюты, а также необходимости своевременного обеспечения платежей по внешнему долгу среднегодовой курс может сложиться на уровне 490–495 тенге за доллар к концу 2023 года и 500–520 тенге за доллар к концу 2024 года, а девальвация при этом за год составит примерно 8–10% в год (с учетом глобальной инфляции).

Устойчивость и жизнеспособность режима обменного курса национальной валюты зависят от того, насколько успешно валютный курс позволяет соблюдать баланс интересов между четырьмя основными задачами экономической политики государства:

– во-первых, режим обменного курса должен способствовать развитию внешнеэкономических связей страны;

– во-вторых, режим обменного курса должен способствовать устойчивому развитию и обеспечению углеродного нейтралитета национальной экономики путем стимулирования низкоуглеродных технологий;

– в-третьих, избранный режим обменного курса должен согласовываться с внутренней денежно-кредитной и бюджетной политикой;

– в-четвертых, режим валютного курса должен быть совместим с антиинфляционной политикой.

Более того, при переходе Казахстана на новую экономическую модель развития, направленную на создание самодостаточной и самообеспечивающей экономики на основе сочетания постиндустриального подхода и углеродной нейтральности, следует использовать весь имеющийся арсенал экономических рычагов, в том числе и валютный механизм [13].

Общеизвестно, что при внутренних потрясениях сектора материального производства движение валютного курса может в этом случае оказаться наиболее эффективным способом восстановления объема производства до траектории сбалансированного роста. Однако, как свидетельствуют мировые кризисы, рынки не всегда работают идеально и риск промахнуться существует, что может привести к тому, что обменный курс будет находиться не обусловленным «экономическими основами». Это в свою очередь может создать трудности для фирм и компаний в области планирования и ценообразования и т.д. В этой связи следует опираться при проведении денежно-кредитной политики на кейнсианскую теорию в случае, если рынок в широком смысле не соответствует взглядам центрального банка на подходящую траекторию курса и целесообразно провести корректировки на основе какой-либо формулы (например отражающей «привязку») к ряду валют или разницу в уровне инфляции со странами-конкурентами.

Заключение. С 5 апреля 1999 года Казахстан перешел к режиму свободно плавающего обменного курса (СПОК) национальной валюты. Политика СПОК оказала сдерживающее воздействие

на увеличение спроса на импорт и способствовало развитию внутреннего производства в республике. Позитивной была ситуация и в части объемов ввоза инвестиционных товаров, сырья и товаров промежуточного промышленного потребления. Относительно благоприятные тенденции закрепились и в реальном секторе экономики республики в связи со стимулированием экспортных отраслей в сочетании с накопленным эффектом реального удешевления тенге.

Однако резкие колебания обменного курса вызывают рост инфляционных ожиданий и, соответственно, цен. Кроме того, резкие колебания валютного курса дестабилизируют внутренний финансовый рынок нанося убытки банкам и нефинансовыми корпорациям с крупными позициями по иностранной валюте.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Ежедневные и ежемесячные изменения обменного курса национальной валюты в большинстве случаев не предсказуемы. Свыше 90% ежемесячных изменений валютных курсов являются практически непредвиденными и менее 10% этих изменений прогнозируемы.

2. Национальная валюта страны с высоким темпом инфляции обесценивается значительно быстрее, а в длительном периоде темпы снижения валютных курсов двух стран примерно равны разнице в темпах инфляции этих стран.

3. Страны, в которых быстрыми темпами растет денежная масса, имеют обесценивающиеся валюты по сравнению со странами с низкими темпами роста денежной массы. Страны, в которых быстрыми темпами растет спрос на деньги, характеризуются удорожанием валюты по сравнению со странами, где эти темпы низки.

4. Корреляция между ежемесячными изменениями обменного курса и месячным торговым балансом не высока – 0,7. С другой стороны, в длительном периоде происходит обесценивание национальных валют стран с хроническим дефицитом торгового баланса и удорожанием валют стран с положительным сальдо торгового баланса.

5. Волатильность (изменчивость) тренда обменного курса национальной валюты от изменения индекса потребительских цен более значительна – 0,80, т.е. на валютный курс темп инфляции оказывает существенное воздействие. Чем выше темп инфляции в стране, тем ниже курс национальной валюты, если не противодействуют иные факторы.

6. Еще более весомее корреляция между обменным курсом валюты и ставкой рефинансирования, где коэффициент корреляции составляет 0,85. Влияние данного фактора двояко. Во-первых, изменение процентных ставок в стране воздействует при прочих равных условиях на международное движение капиталов и прежде всего краткосрочных. По существу, повышение процентной ставки стимулирует приток иностранных капиталов, а ее снижение поощряет отток капиталов. Во-вторых, процентные ставки воздействуют на операции валютных рынков и рынков ссудных капиталов.

7. В итоге следует отметить, что динамика валютного курса оказывает влияние на оба раздела платежного баланса, как на текущий счет, так и на счет движения капитала. В этой связи считаем целесообразным предложение автора рассчитывать индекс реального эффективного курса национальной валюты к иностранным валютам по операциям, связанным с движением капитала, как среднее геометрическое взвешенное индексов реального обменного курса национальной валюты к валютам стран – основных торговых партнеров. В качестве весовых коэффициентов необходимо использовать доли внешнего оборота капитала государства со странами – основными торговыми партнерами в совокупном объеме оборота капитала с ними по формуле [14; 15]:

$$REER = \prod RER(i)^{w(i)}, \quad (4)$$

где REER – индекс реального эффективного обменного курса национальной валюты к иностранным валютам; $W(i)$ – доля страны i в обороте капитала государства; $RER(i)$ – индекс реального обменного курса национальной валюты к валюте страны-партнера i ; $W(i)$ – доля страны-партнера i в обороте капитала с государством.

При расчете индекса реального обменного курса по операциям, связанным с движением капитала, предложено использовать вместо индексов потребительских цен величину ставки рефинансирования. Рассчитываемый в динамике на основе формулы (1) индекс даст возможность определить, как изменение обменного курса национальной валюты влияет на движение капитальных денежных потоков. Так, снижение ин-

декса будет стимулировать отток капитала из страны, повышение – приток капитала.

Литература

1. Parkhimenka, U. Impact of changes in the national currency exchange rate on macroeconomic indicators: assessment based on the «Input – output» methodology [Electronic resource] / U. Parkhimenka, A. Bykau. – 09.10.2020. – DOI-10.46782/1818-4510-2020-3-58-73.
2. Cushman, D.O. Identifying monetary policy in a small open economy under flexible exchange rates / D.O Cushman, T. Zha // Journal of Monetary economics. – 1997. – № 39(3). – P. 433–448.
3. Miksjuk, A. Studying the Relation between Monetary and Exchange Rate Policy: The Case of Belarus / A. Miksjuk // EERC Working Paper. – 2011. – № 11. – P. 16.
4. Сайт Национального банка РК. www.nationalbank.kz.
5. Статистический бюллетень Национального Банка Казахстана за 2021–2022 гг.
6. Kang, J.W. International trade and exchange rates / J.W. Kang, S. Dagli // Journal of Applied Economics. – 2018. – № 21(1). – P. 84–105.
7. Гаврилова, Э.Н. Факторы формирования валютного курса российского рубля / Э.Н. Гаврилова, К.Г. Буневич // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 9. – С. 230–233.
8. Романюк, М.А. Воздействие валютного курса на экономику Республики Беларусь [Электронный ресурс] / М.А. Романюк. – Режим доступа: <https://elib.gsu.by>.
9. Маркусенко, М.В. Стратегия государственной валютной политики Республики Беларусь в условиях глобализации: концептуальные основы и направления / М.В. Маркусенко // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст.: в 2 т. – Минск: Право и экономика, 2021. – Т. 1. – С. 169–174.
10. Торговый Баланс Казахстана 2022–2023 | Take-profit.org.
11. Аналитические и статистические издания НБ РК: Платежный баланс и внешний долг РК за 2021–2022гг.
12. Экспорт товаров и услуг Казахстана, 1990–2021 (be5.biz).
13. Tengrinews.kz. Полный текст Послания Президента РК Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-vyistupil-s-poslaniem-narodu-kazahstana-kak-eto-byilo-509135. – Дата доступа: 05.09.2023.
14. Маркусенко, М.В. Новые инструменты валютной политики: возможности использования в Республике Беларусь / М.В. Маркусенко // Науч. труды Белорус. гос. экон. ун-та / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: В.Н. Шимов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2018. – Вып. 11. – С. 280–287.
15. Маркусенко, М.В. Валютная политика в Республике Беларусь: теоретико-методологические основы, стратегия и инструменты реализации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.10 / М.В. Маркусенко. – Минск, 2022. – 61 с.

Поступила в редакцию 16.10.2023

Тенденции естественного воспроизводства сельского населения Витебской области

Шаматульская Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Специфика и особенности социально-экономического развития регионов вызывает необходимость изучения демографического потенциала в территориальном аспекте. Полноценное и равновекторное развитие сельских территорий белорусского государства является важным фактором для функционирования стабильной и устойчивой экономики на национальном и региональном уровнях.

Цель исследования – проанализировать основные тенденции естественного воспроизводства сельского населения Витебской области.

Материал и методы. Информационной базой исследования послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. В ходе работы были использованы методы сравнительно-географического анализа, графоаналитический, статистический.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрены основные показатели демографического потенциала сельского населения Витебской области: рождаемость и смертность и их специализированные коэффициенты, половая и возрастная структура, сравнение показателей городского и сельского населения, а также демографические показатели административных районов области.

Заключение. Преодоление депопуляции сельского населения возможно при целенаправленной государственной демографической политике: улучшение условий и качества жизни, поддержка семейных ценностей, ликвидация высокой смертности и др.

Ключевые слова: сельское население, Витебская область, естественное воспроизводство.

Trends of Rural Population Natural Reproduction in Vitebsk Region

Shamatulskaya E.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The specifics and features of the social and economic development of regions necessitate studying the demographic potential in the territorial aspect. Full-value and equal vector development of rural territories of the Belarusian state is an important factor for the functioning of a stable and sustainable economy at the national and regional levels.

The purpose of the study was to analyze the main trends of natural reproduction of the rural population of Vitebsk Region.

Material and methods. The information research was data of the National Statistic Committee of the Republic of Belarus. The research methods used were comparative geographic analysis, the graphic analytical and statistical methods.

Findings and their discussion. The main indicators of the demographic potential of the rural population of Vitebsk Region were considered: fertility and mortality and their specialized coefficients, gender and age structure, comparison of indicators of urban and rural population, as well as demographic indicators of administrative districts of the Region.

Conclusion. Overcoming the depopulation of the rural population is possible with a targeted state demographic policy: improving conditions and quality of life, supporting family values, eliminating high mortality, etc.

Key words: rural population, Vitebsk Region, natural reproduction.

В современных условиях формирования национальной стратегии развития белорусского общества в центре особого внимания находится демографическая составляющая. Специфика и особенности социально-экономического развития регионов вызывает необходимость изучения демографического потенциала в территориальном аспекте. Полноценное и равно векторное развитие сельских территорий белорусского государства является важным фактором для функционирования стабильной и устойчивой экономики на национальном и региональном уровнях.

В Беларуси и Витебской области реализованы и реализуются Государственная программа устойчивого развития села на 2011–2015 гг., Развитие села и повышение эффективности аграрной отрасли, Национальная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы, Стратегия устойчивого развития Витебской области на 2016–2025 годы. Данные программы направлены на создание юридических и управленческих основ стабилизации демографической ситуации и создание предпосылок для демографической устойчивости в Республике Беларусь.

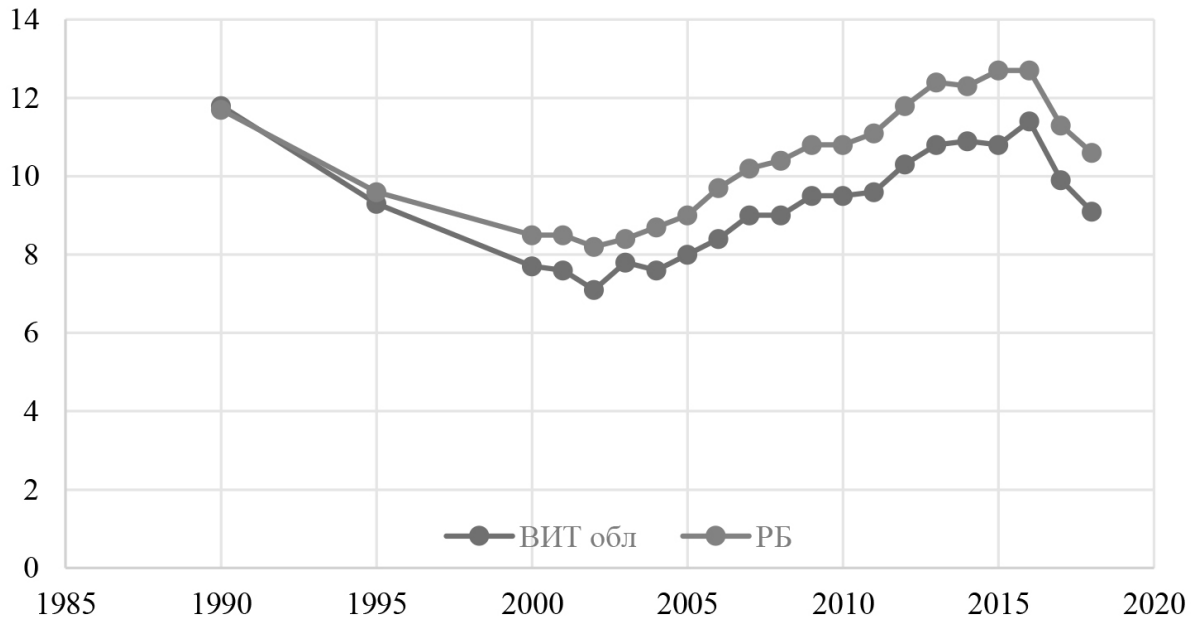

Рисунок 1 – Динамика общего коэффициента рождаемости сельского населения Витебской области и Беларуси за 1990–2019 гг., ‰

Особенности современного демографического развития территории Беларуси можно проследить с позиций здравоохранения, экономики, социологии, экономической и социальной географии и других сфер в публикациях многих белорусских ученых: А.Г. Бобровой, А.Г. Злотникова, А.В. Колмыкова, Л.Е. Тихоновой, Е.Е. Шарилловой, Л.П. Шахотько и др. Демографические особенности сельского населения и сельской местности отражены в работах Е.А. Антиповой, Ю.А. Губаревой, В.О. Левкиной, О.А. Пашкевич, Г.С. Смолякова. Региональные особенности демографической ситуации Витебской области рассматривают Н.Г. Белковская, М.Ю. Бобрик, О.И. Гордиенко. С позиции устойчивости и устойчивого развития региона изучают демографическое развитие, в том числе и сельских территорий, Л.В. Корбут, С.В. Коржаневич, Н.С. Яковчик и др.

Цель исследования – проанализировать основные тенденции естественного воспроизводства сельского населения Витебской области.

Материал и методы. Информационной базой исследования послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [1]. В ходе работы были использованы методы сравнительно-географического анализа, графоаналитический, статистический.

Результаты исследования. Значительными показателями демографического потенциала, как

важной составной частью экономического потенциала любой страны, являются численность и продолжительность жизни населения, рождаемость и смертность, половозрастная и брачная структура, распределение населения на городское и сельское.

В условиях системной парадигмы, рассматривая сельскую местность как сложную территориальную агро-, социохозяйственную экосистему [2], следует особое внимание обратить на сельское население или на демографическую подсистему сельских территорий, обладающую способностью сохранять свою целостность и внутреннюю структуру при значительных изменениях внешних и внутренних факторов. Поэтому важным является исследование ее изменений в пространственно-временном развитии с учетом изменения всех составляющих.

Основное звено демографического развития – это рождаемость, и рост рождаемости должен превышать уровень смертности. При характеристике рождаемости используются ряд коэффициентов: общий (ОКР), специальный (СпКР), суммарный (СКР) и др. [3]. Самым часто используемым и наиболее распространенным является общий коэффициент рождаемости, который в большой степени зависит от среднего количества детей, возрастной и брачной структуры населения.

Уровень рождаемости сельского населения (СН) Витебской области низкий и имеет волно-

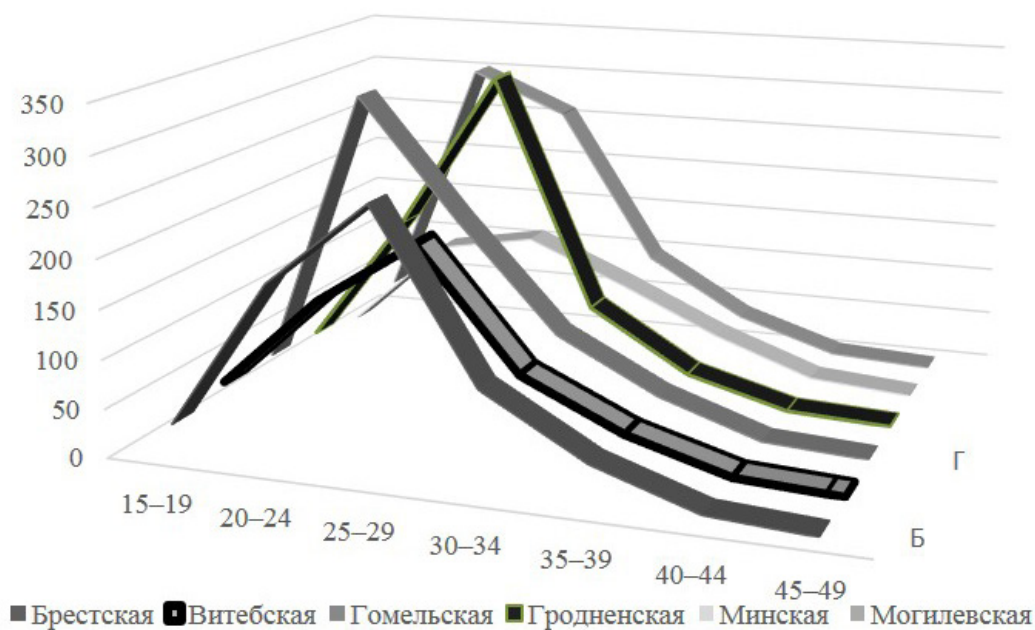

Рисунок 2 – Возрастные коэффициенты рождаемости сельского населения Республики Беларусь, ‰

образный нестабильный характер. Снижение рождаемости в области отмечалось еще в 1970-х гг. Начиная с 2002 г. когда наблюдался минимальный ОКР сельского населения области – 7,1‰, уровень рождаемости увеличился на 1,4 промилльных пункта и по шкале коэффициентов рождаемости сменился с категории «очень низкий» на «низкий». В 2019 г. ОКР сельского населения Витебской области был ниже аналогичного показателя по Республике Беларусь на 15% и составлял 9,1‰ (рисунок 1).

Возрастные коэффициенты рождаемости измеряют интенсивность рождаемости по возрастным группам. Основное количество рождений у сельских женщин Витебщины приходится на возрастные группы 20–24, 25–29 (максимум) и 30–34 года (рисунок 2).

Специальный КР, по сравнению с общим КР, не зависит от структуры населения по полу. По данному показателю область находится на предпоследнем месте, опережает только Минскую (рисунок 2). Специальный КР сельского населения Витебской области – самый низкий среди областей Республики Беларусь (рисунок 3).

Рождаемость – это социальный процесс, который детерминирован социально-экономическими условиями, традициями, религиозной структурой и подчиняется действию социальных факторов и закономерностей, но разворачивается в опре-

деленных, исторически и географически конкретных границах. Обращает внимание тот факт, что пик рождаемости смещается к более зрелым возрастам (25–29 лет), на который приходится каждое третье рождение, т.е. отмечается тенденция поздних рождений, т.е. «по западному образцу» (рисунок 4). Как считает ряд исследователей [4], возрастная модель рождаемости трансформируется в сторону более взрослых возрастов, что подтверждает более осознанный подход к рождению детей.

Самым точным коэффициентом, отражающим интенсивность рождаемости, является суммарный КР (плодовитости). Высокий уровень плодовитости в Витебской области, как и в Беларуси в целом, сохранялся только на протяжении 15-ти послевоенных лет. В дальнейшей эволюции плодовитости М.Ю. Бобрик выделяет: фазу небольшого спада (с 1960 по 1970 г.), фазу стабилизации (с 1970 по 1980 г.), фазу кратковременного подъема (середина 1980-х гг.) и фазу стремительного падения (с начала 1990-х гг.) [5]. В последнее десятилетие можно говорить о второй фазе стабилизации коэффициента плодовитости сельских женщин.

Развитие общества приводит к снижению рождаемости ниже порогового значения 2,15 ребенка на одну женщину фертильного возраста. Это минимальный уровень, который необходим

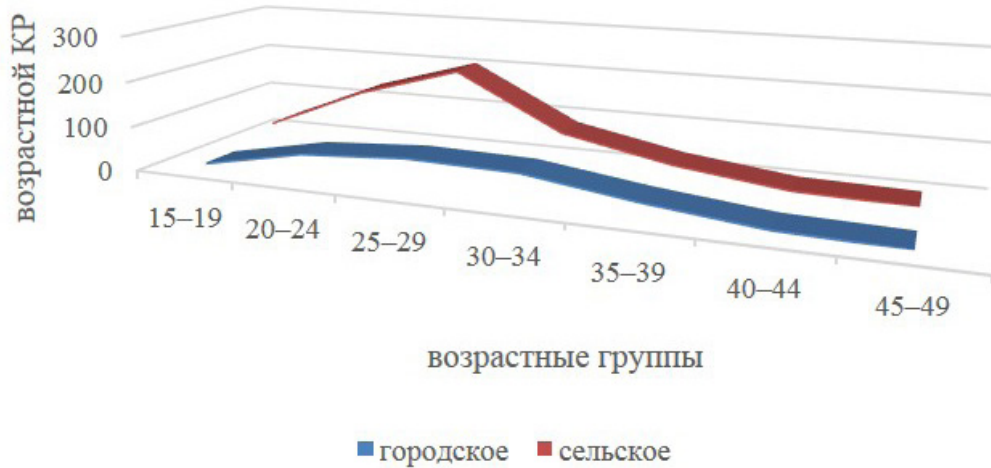

Рисунок 3 – Возрастные коэффициенты рождаемости городского и сельского населения Витебской области, 2019 г., ‰

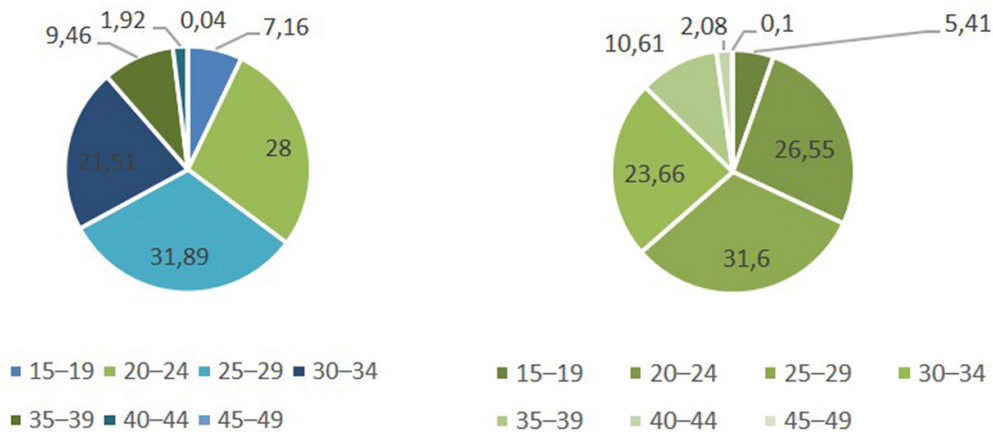

Рисунок 4 – Структура рождаемости сельских женщин Витебской области и Республики Беларусь по возрастным группам, 2019 г., %

для простого воспроизводства населения. И хотя СКР сельского населения Витебской области является одним из самых низких среди аналогичных территорий Беларуси, но он больше и критического, и больше показателя, определенного Национальной программой демографической безопасности Беларуси (1,32–1,46) [6] (таблица 1).

Дополнительную информацию о динамике рождаемости дают дифференцированные СКР по очередности рождения детей у матери. На долю первенцев приходится 38,8% из числа всех родившихся и 42,9% первенцев рождается у мам возрастной группы 20–24 года.

Важным фактором рождаемости является брачное состояние населения. И хотя дети рожда-

ются, как правило, в браке, нельзя игнорировать явление внебрачной рождаемости. Пик внебрачных рождений приходился на начало 2000-х гг., сейчас этот показатель имеет тенденцию к снижению, как среди сельских женщин Витебской области, так и в целом по стране (рисунок 5).

Рождаемость – это наиболее дифференцированный показатель даже на относительно небольшой территории. Повлиять на родителей относительно количества детей очень трудно. Повысить же долю семей, которые смогут полностью реализовать свои репродуктивные планы, – более выполнимая задача. На уровень рождаемости влияет уменьшение численности женщин детородного возраста, повышение возраста рождения

Таблица 1 – Коэффициенты рождаемости городских и сельских женщин по областям и г. Минску, 2019 г.

Регион	Специальный КР		Суммарный КР (плодовитости)	
	город	село	город	село
Брестская	44,7	65,0	1,5	3,00
Витебская	35,2	55,1	1,16	2,54
Гомельская	40,3	65,9	1,35	3,55
Гродненская	42,8	58,7	1,42	3,36
г. Минск	32,5	–	0,97	–
Минская	45,9	56,6	1,6	2,12
Могилевская	39,6	67,0	1,35	3,71
Республика Беларусь	38,8	60,7	1,25	2,72

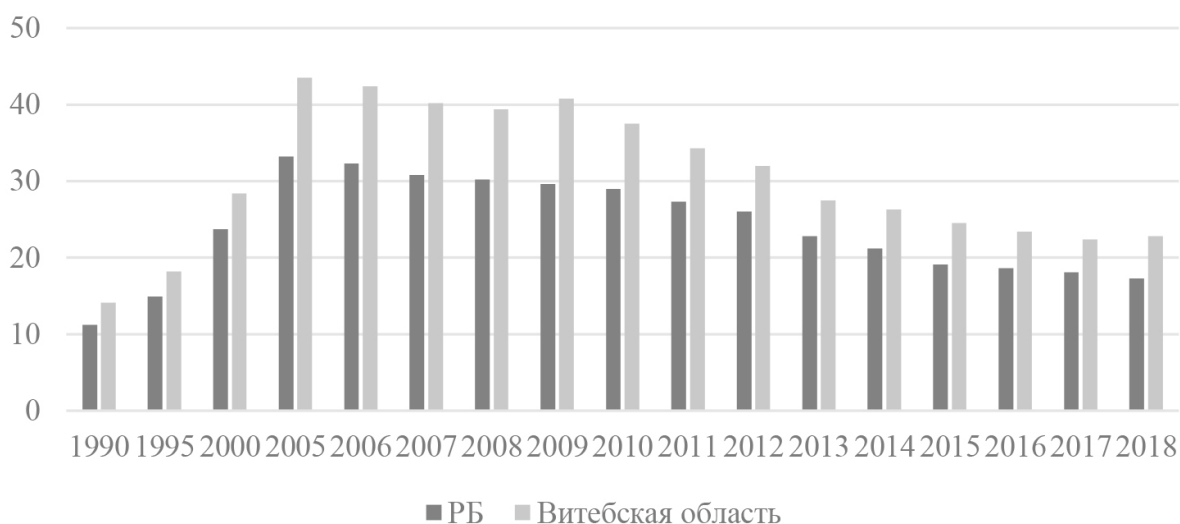

Рисунок 5 – Родившиеся живыми у сельских женщин, не состоявших в зарегистрированном браке в Витебской области и Республики Беларусь, чел., 2019 г.

первого (порой, единственного) ребенка, ориентация на нуклеарную семью, снижение уровня брачности и увеличение разводимости, материальные проблемы молодых семей при покупке своего жилья, экономическая ситуация и изменение дохода семьи, увеличения количества как женщин, так и мужчин с патологиями и бесплодием. Подчеркнем, что ничто так не стимулирует рождаемость, как высокие темпы экономического роста и развития территории, которая привлекательна для жизни населения.

Демографическим процессом, который в большей степени, чем рождаемость формирует воспроизводство населения, является смертность населения. Уровень смертности складывается

из множества смертей, наступающих в разных возрастах. Общий коэффициент смертности (ОКС) сельского населения области и страны в целом за последнее десятилетие имеет умеренную тенденцию к снижению. Увеличение смертности в области началось с конца 1960-х гг. Максимальный ОКС сельского населения области – 27‰ был отмечен в 2010 г. В 2019 г. ОКС сельского населения Витебской области был выше аналогичного показателя по Республике Беларусь на 8,5% и составлял 23,6‰ (рисунок 6).

Младенческая смертность (МС) является одной из важнейших характеристик условий жизни и культурного уровня населения и самым чувствительным индикатором социально-экономическо-

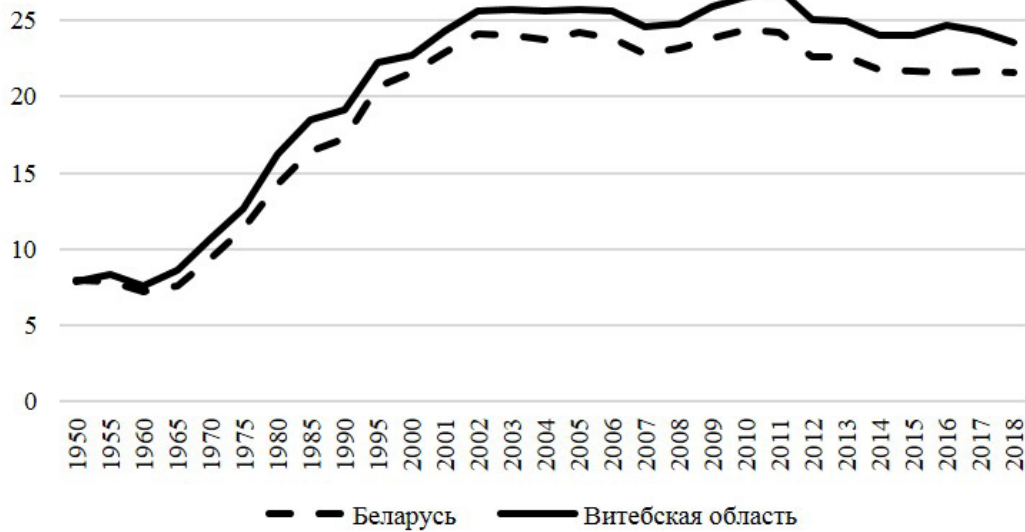

Рисунок 6 – Динамика общего коэффициента смертности сельского населения Витебской области и Республики Беларусь, %

Таблица 2 – Коэффициент младенческой смертности сельского населения Витебской области и Беларуси

Годы	Витебская область	Беларусь	Годы	Витебская область	Беларусь
2009	8,1	6,3	2015	7,2	3,6
2010	4,8	5,8	2016	4,2	3,2
2011	4	5,2	2017	4,5	4,4
2012	5,9	4,1	2018	2,7	2,6
2013	2,9	4,2	2019	3,0	2,8
2014	3,8	4,4	2020	н/д	н/д

го благополучия граждан и развития системы здравоохранения страны. Показатель МС составил 3,0 на 1000 новорожденных. По данному показателю Беларусь находится на уровне европейских стран и опережает страны СНГ. Уровень МС сельского населения области в 2019 г. был ниже целевого показателя, определенного Национальной программой демографической безопасности Беларуси (3,4‰ – плановый, 3,0‰ – фактический) [6], но выше республиканского показателя (таблица 2).

Вероятность наступления смерти, в первую очередь, зависит от возраста и пола и, поэтому при изменении половозрастной структуры значение ОКС будет меняться, в то время как интенсивность смертности в отдельных возрастных группах может оставаться неизменной.

Возрастные коэффициенты смертности формируют возрастной профиль смертности региона (рисунок 7). Для возрастного профиля смертности сель-

ского населения области характерно: смертность мужчин во всех возрастных группах превышает показатели смертности женщин (явление «сверхсмертности» мужчин), выраженная половая диспропорция, большая доля вдов, рост неполных семей.

Основными «традиционными» причинами смертности являются болезни системы кровообращения. К сожалению, доля смертей от этой причины растет (с 1999 г. на 9,5%). Наименьшая смертность населения отмечается от инфекционных и паразитарных болезней и болезней органов пищеварения (рисунок 8).

За последние десятилетия для региона (как и для Беларуси в целом) характерно сокращение разрыва между смертностью и рождаемостью городского и сельского населения. Сокращение разрыва в рождаемости (8,7‰ и 9,1‰ соответственно) связано со схожей мотивацией репродуктивных отношений как городской, так и сельской

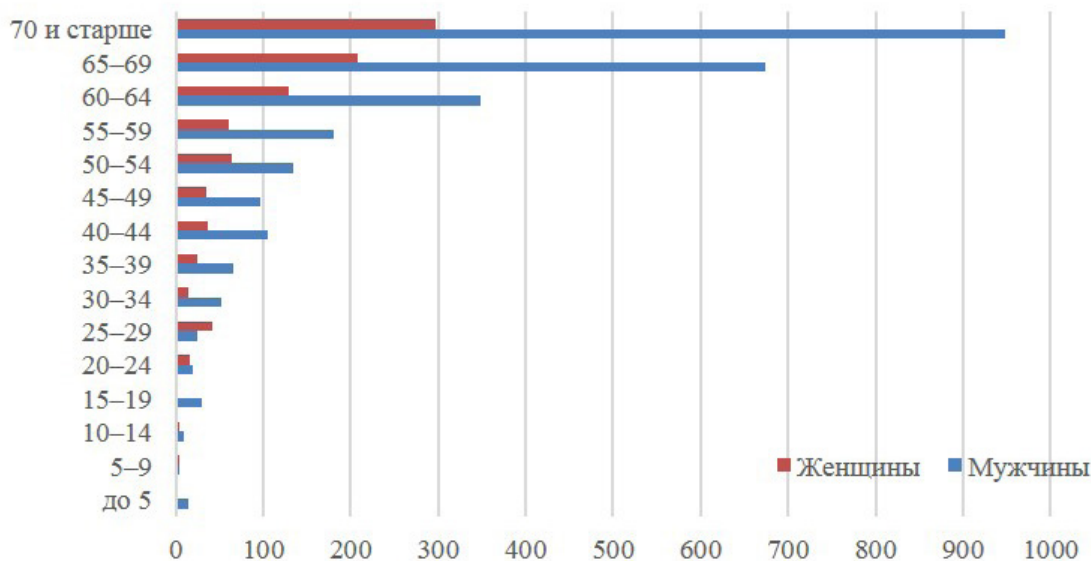

Рисунок 7 – Половозрастные коэффициенты смертности сельского населения Витебской области, 2019 г., ‰

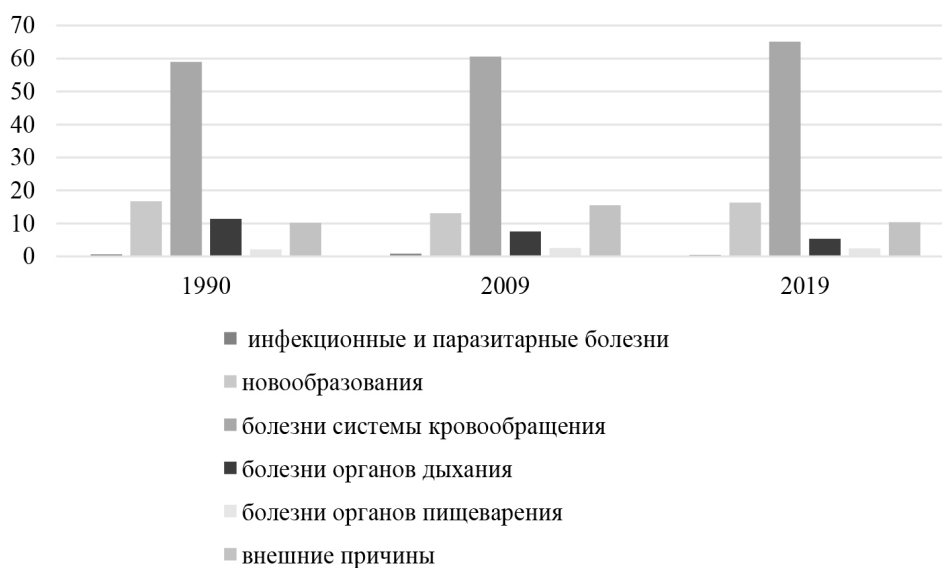

Рисунок 8 – Динамика доли умерших по основным классам причин смерти сельского населения Витебской области, %

женщины. Увеличение разрыва в смертности (12,0‰ и 23,6‰ соответственно) обусловлено в основном интенсивным старением сельского населения и увеличением численности лиц пожилого возраста в его структуре, что объективно сказывается на высоком числе умерших [7].

Сравнивая коэффициенты смертности по причинам смерти городского и сельского населения Витебской области, отмечено превышение данных показателей у сельчан (рисунок 9).

Рассматривая региональные показатели рождаемости сельского населения по административным районам Витебской области, отмечено, что самые высокие показатели рождаемости на 1000 чел. сельского населения характерны для Россонского и Шумилинского районов, 12,8‰ и 13,3‰ соответственно. Самый низкий ОКР характерен для жителей Ушачского района, который имеет наименьшую численность сельского населения репродуктивного возраста среди районов Витебской области,

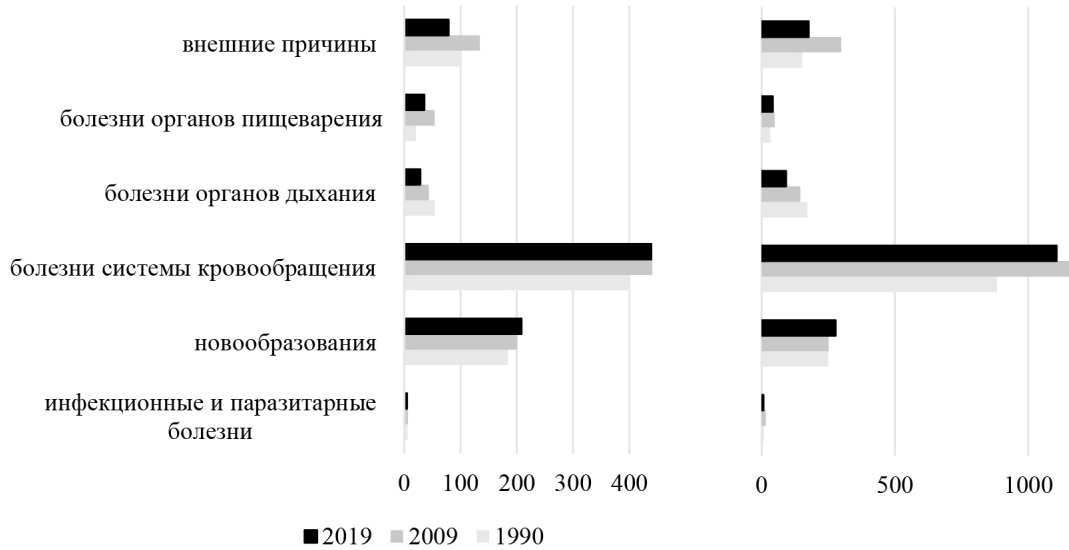

Рисунок 9 – Динамика коэффициентов смертности по причинам смерти городского и сельского населения Витебской области, 1990–2019 гг.

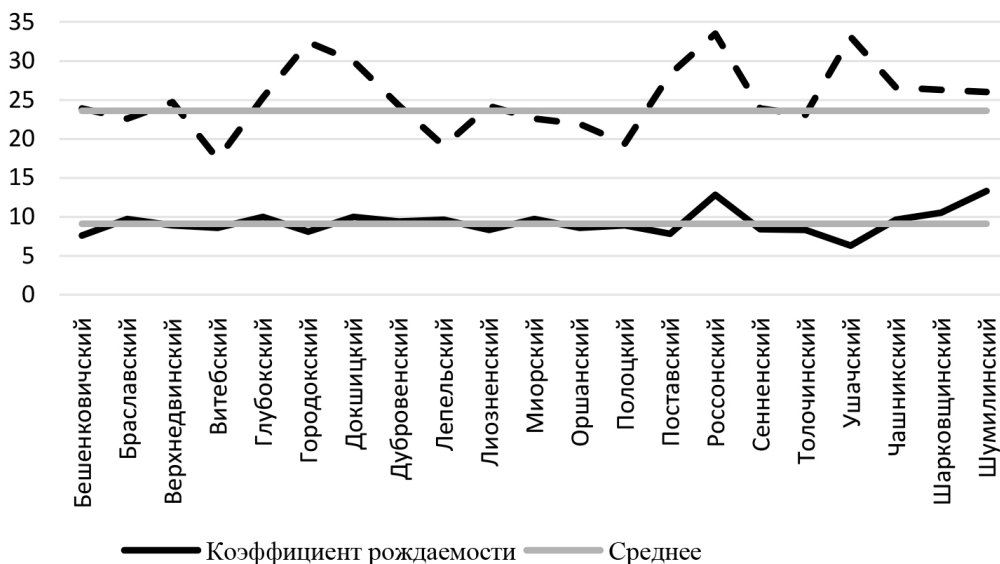

Рисунок 10 – Динамика ОКР и ОКС сельского населения по административным районам Витебской области, 2019 г., ‰

низкие показатели воспроизводства и плотности населения. И если ОКР относительно одинаковые значения имеет, то ОКС сильно варьирует от района к району. Самые высокие показатели смертности отмечены в районах с самой высокой долей лиц пенсионного возраста: Городокском, Россонском и Ушачском районах (32,4‰, 33,5‰ и 33,1‰ соответственно). Самые низкие показатели ОКС отмечены в районах с относительно равномерной возрастной структурой: Витебском, Лепельском и Полоцком

районах (17,4‰, 19,1‰ и 19,4‰ соответственно) (рисунок 10).

Превышение смертности над рождаемостью, возникновение т.н. «демографических ножниц» среди сельского населения Витебской области наблюдалось еще в 1970-х гг. прошлого века (в целом по Беларуси – в 1990-х гг.) (рисунок 11).

Снижение рождаемости до сверхнизкого уровня, низкий коэффициент плодовитости, слабо обеспечивающий простое воспроизведение населения, сверхвысокая смертность СН и старение

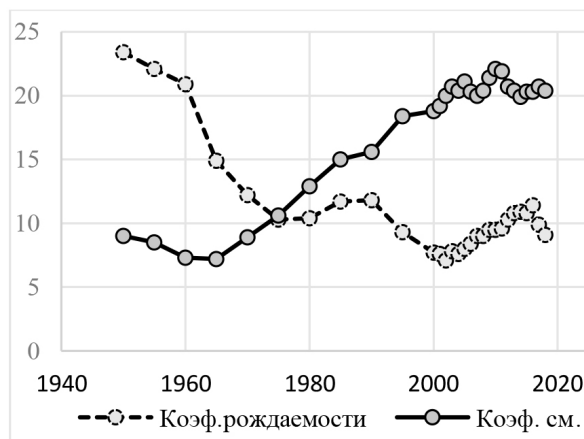
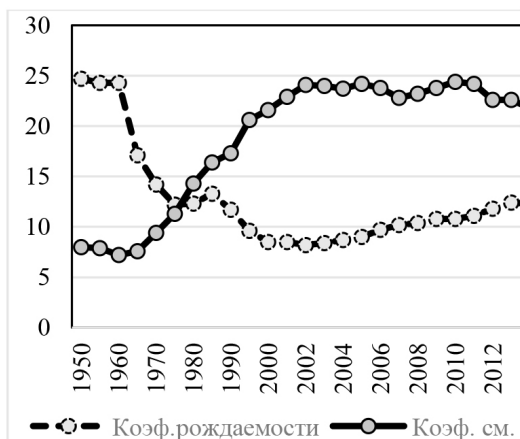

Рисунок 11 – Динамика общего коэффициента рождаемости и общего коэффициента смертности сельского населения Республики Беларусь (1) и Витебской области (2), %

Таблица 3 – Наступление депопуляции в Беларуси

Область	Год наступления	Коэффициент депопуляции	Первоначальное значение естественной убыли
Брестская	1985	1,03	-0,5
Витебская	1975	1,23	-2,4
Гомельская	1985	1,02	-0,3
Гродненская	1975	1,05	-0,6
Минская	1980	1,08	-1,2
Могилевская	1975	1,07	-0,8

населения – все эти процессы способствуют наступлению депопуляции. Депопуляция в сельской местности – европейский феномен, связанный с внедрением и действием науки и техники. Для сельскохозяйственных работ раньше нужно было много рабочей силы, сейчас же все меньшее количество сельских жителей кормит растущее число горожан. В Витебской области депопуляция наступила в Беларуси раньше всех (таблица 3).

На фоне высокой разницы между рождаемостью и смертностью, преодоление депопуляции становится все более усложняющейся задачей. На 2019 г. коэффициент депопуляции СН области составлял 2,24 (рисунок 12).

Перепись населения 1989 г. показала превышение доли сельских женщин над мужским населением в Витебской области: 45,4% мужчин и 54,5% женщин. По переписи 2019 г. женщины составляли 51,2% или на 1000 мужчин приходилось всего 1050 женщин, т.е. можно утверждать, что наблюдается выравнивание половой структуры Витебщины (рисунок 13).

Рассматривая распределение по полу сельского населения в разрезе районов Витебской области в 2019 г., можно отметить, что только в одном районе области (из 21) – Лепельском – мужчин больше, чем женщин (таблица 4). Из остальных двадцати районов Витебской области выделяется группа районов с высокой (52–53%) долей женщин в сельском населении. Самыми «женскими» сельскими районами Витебской области являются Россонский (53,6%), Лиозненский (52,8%) и Глубокский (52,6%) районы [8].

Классический подход изучения демографических процессов основывается на анализе статистических данных, которые проводятся с помощью половозрастных пирамид, наглядно отражающих волнообразную динамику воспроизводства населения. Построенные нами половозрастные пирамиды городского и сельского населения показывают, что население Витебской области относится к регрессивному типу возрастной структуры населения (рисунок 14). Динамика возрастной структуры СН области характеризуется сокращением

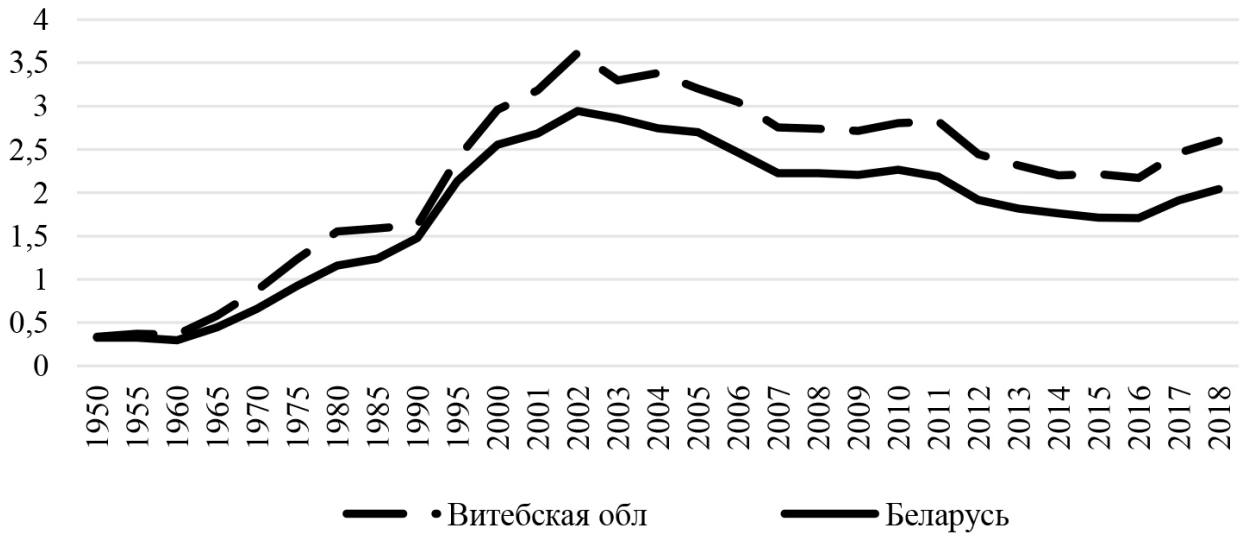

Рисунок 12 – Коэффициент депопуляции сельского населения Витебской области и Беларуси за 1950–2018 гг.

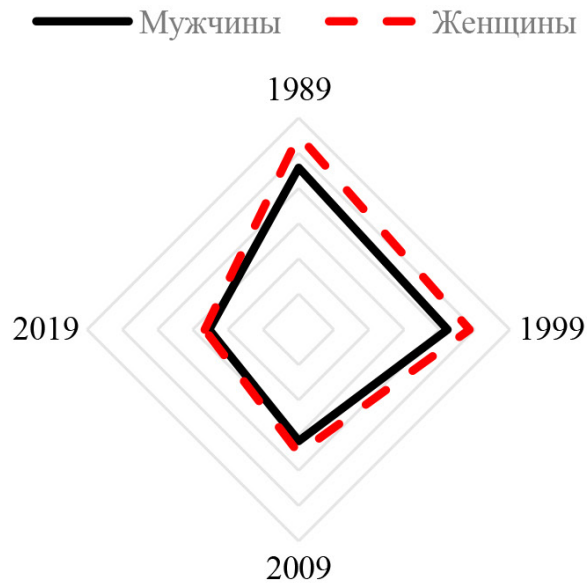

Рисунок 13 – Распределение по полу сельского населения Витебской области в 1989–2019 гг.

численности в молодом возрасте. Основание пирамиды узкое, самая малая когорта характерна для возрастной группы 15–19 лет, т.е. через 5–10 лет самая активная часть репродуктивного возраста будет самой малочисленной. Центральная часть пирамиды расширяется. В 2019 г. пирамида приобретает очертания ядерного взрыва с четко выраженными негативными демографическими последствиями. На пирамиде хорошо видно

«вымывание» молодого трудоспособного населения, большая доля пожилого населения, что существенно снижает показатель доходов населения и увеличивает долю населения, живущего в сложных материальных условиях [9]. Также на пирамиде отражается гендерная диспропорция: до 60 лет видно четкое преобладание мужчин, однако в связи с их высокой смертностью, количество женщин в возрасте 70+ возрастает в 2,5 раза.

Таблица 4 – Распределение районов Витебской области по соотношению мужчин и женщин среди сельского населения, 2019 г.

Сельские районы, где преобладает мужское население	Сельские районы, где преобладает женское население		
	50,0–50,9%	51,0–52,0 %	Более 52,0%
Лепельский	Городокский	Поставский	Россонский
	Полоцкий	Верхнедвинский	Лиозненский
	Браславский	Миорский	Глубокский
	Сенненский	Толочинский	Докшицкий
	Бешенковичский	Ушачский	Дубровенский
		Шумилинский	
		Шарковщинский	
		Оршанский	
		Чашникский	
		Витебский	

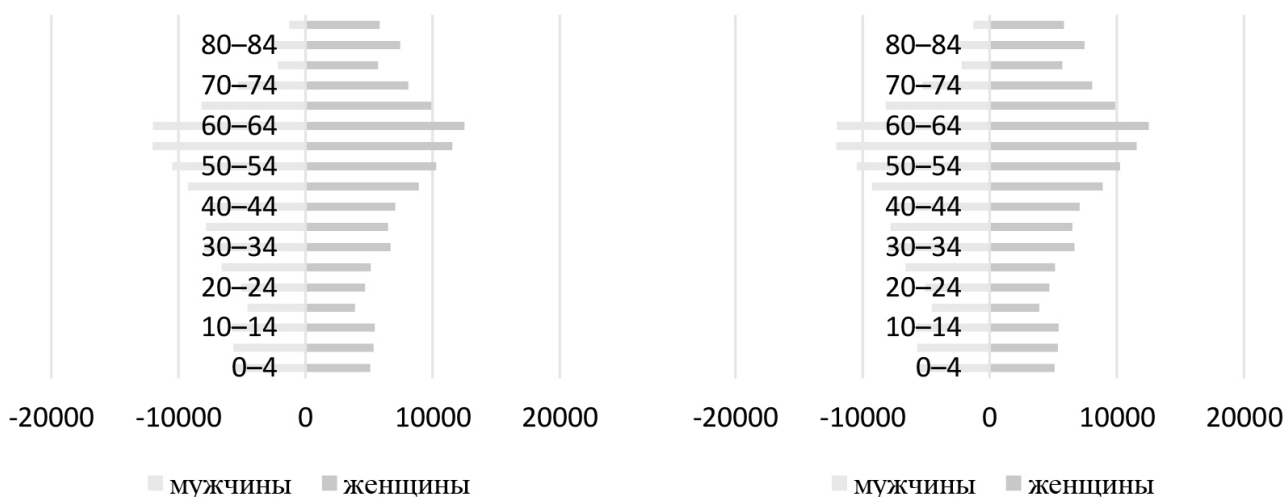

Рисунок 14 – Половозрастные пирамиды городского и сельского населения Витебской области, чел., 2019 г.

Высокие показатели смертности СН обусловлены интенсивным старением и увеличением численности лиц пожилого возраста в его структуре. Так, беспрецедентно высокая доля пенсионеров среди сельчан в Ушачском, Городокском, Россонском, Докшицком и Чашникском районах. Самыми «молодыми» в области являются Оршанский, Лепельский и Витебский районы.

Заключение. Как отмечают многие исследователи, вероятность того, что негативную демографическую ситуацию в большинстве районов удастся развернуть вспять, довольно мала.

Детальное изучение демографической ситуации позволит оптимально образовать устойчивое развитие сельских территорий и решить проблемы народонаселения.

Литература

1. Статистический бюллетень. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 год. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск. – 2020. – 54 с. Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view/> – Дата доступа: 10.10.2023.
2. Шаматульская, Е.В. Теоретико-методологические аспекты оценки сельских территорий (сельской местности) / Е.В. Шаматульская // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2023. – № 1. – С. 65–69. <https://rep.vsu.by/handle/123456789/37227>.
3. Новоселова, С.В. Основы демографии: пособие / С.В. Новоселова, М.Б. Денисенко. – Минск: «Альтиора – живые краски», 2012. – 138 с.
4. Тихонова, Л.Е. Демографический потенциал Республики Беларусь: анализ и перспективы развития / Л.Е. Тихонова, Л.В. Фокеева. – Минск: БГУ, 2015. – 200 с.
5. Бобрик, М.И. Демографическая ситуация в Витебской области. Ч.1. Рождаемость / М.И. Бобрик // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 1997. – № 3. – С. 86–89.
6. Здоровье населения и окружающая среда Витебской области: мониторинг достижения Целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cgevtb.by. – Дата доступа: 15.11.2023.
7. Антипова, Е.А. Демографическое развитие Республики Беларусь в XXI веке: тенденции, региональные различия, проблемы / Е.А. Антипова // Народонаселение. – 2016. – № 1(1). – С. 6–15.
8. Шаматульская, Е.В. Половая принадлежность сельских районов Витебской области / Е.В. Шаматульская // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 73-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11 марта 2021 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 128–129.
9. Боброва, А.Г. Современные демографические тенденции территорий Беларуси, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС / А.Г. Боброва, А.М. Кацер // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст.: в 2 т. / редкол.: В.Л. Гурский [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2021. – Т. 2. – С. 172–180.

Поступила в редакцию 27.12.2023

Математический инструментарий статистических исследований в экономике

Янкевич Е.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Любое статистическое исследование базируется на применении математического инструментария. Однако при обработке экономических показателей несколько иначе выглядит экономическая интерпретация полученных результатов.

Объектом исследования являются экономические показатели макро- и микроуровня.

Цель статьи: используя математический инструментарий, провести анализ состояния и динамики социально-экономических показателей и дать им экономическую интерпретацию.

Материал и методы. Информационно-эмпирическую базу составили научные публикации рецензируемых изданий, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, труды ученых-экономистов, предыдущие исследования автора. Основные методы: экономико-математический, анализ и синтез, статистические.

Результаты и их обсуждение. Проведено исследование показателей социально-экономического развития. Применены методы основ теории статистики на конкретных экономических показателях. Сделан акцент на особенностях этапов статистического исследования. Продемонстрирован алгоритм обработки статистических массивов взаимосвязанных экономических показателей. Дана экономическая интерпретация полученных результатов, используемых при принятии управленческих решений.

Заключение. Важным моментом правильности принятия управленческих решений на уровне организации и в государственном управлении является математический инструментарий, а также возможность увидеть в результате анализа экономические закономерности развития явлений, их взаимосвязь, учитывая механизм взаимодействия взаимосвязанных показателей. Результаты, приведенные в исследовании, могут быть использованы при выполнении экономических исследований показателей социально-экономического развития.

Ключевые слова: математический инструментарий, средние величины, вариация, статистические закономерности, экономическая интерпретация.

Mathematical Toolkit for Statistic Research in Economics

Yankevich E.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Any statistic study is based on the use of mathematical tools. However, when processing economic indicators, the economic interpretation of the results obtained looks somewhat different.

The object of the study is economic indicators at the macro and micro levels.

The purpose of the article is using mathematical tools, to analyze the state and dynamics of social and economic indicators and give them an economic interpretation.

Material and methods. The information and empirical base consisted of scientific publications of peer-reviewed publications, data from the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, works of economists, and previous research by the author. The basic methods used were the economics and mathematic one, analysis and synthesis, the statistic method.

Findings and their discussion. A study of indicators of social and economic development was conducted. The methods of the basics of the theory of statistics were used on specific economic indicators. The emphasis is placed on the features of the stages of statistic research. An algorithm for processing statistical arrays of interrelated economic indicators was demonstrated. An economic interpretation of the obtained results used in making management decisions was given.

Conclusion. When taking management decisions at the company level and in public administration, it is important to correctly apply mathematical tools, as well as to see, as a result of the analysis, the economic patterns of development of phenomena, their relationship, taking into account the mechanism of interaction of interrelated indicators. The findings presented in the study can be used when performing economic studies of social and economic development indicators.

Key words: mathematic tools, average values, variation, statistical patterns, economic interpretation.

Для выбора оптимальных решений на любом уровне менеджмента используются экономико-математические методы управления, основанные на статистических наблюдениях, ограниченные отчетными данными. Так математические

инструменты могут быть применены как для решения задач по оптимизации прибыли, так и по прочим организационным моментам субъекта хозяйствования. Исследователи в данной области позволяют указать на то, что необходимым для

решения экономических задач являются умения переводить поставленные условия в математические операции, обрабатывать алгоритмы математических методов и способов их решения [1]. Однако для применения математических моделей в практике управления организацией необходимы специалисты, умеющие использовать линейные функции и решать задачи линейного программирования, что предполагает отдельную штатную единицу в организации.

Тем не менее обучение высшей математике не на абстрактных примерах, а на практическом материале позволяет увидеть закономерности развития и взаимосвязь показателей. Статистическое исследование состоит из трех этапов: статистического наблюдения, сводки и группировки, анализа и расчета статистических показателей на основе теории статистики и соответственно математического инструментария. Другими словами, данные которые анализируются, не обезличены, а имеют конкретную привязку к показателю.

Нами выявлено, что проблемами исследования взаимосвязи математики с экономикой и выявления зависимостей показателей и поиска оптимальных решений на примерах занимаются такие российские исследователи: О.А. Бредихина, А.А. Головин, С.В. Фильчакова [2], зарубежные: С. Сагер, К.М. Барт, Х. Дидам, М. Энгельхарт, Дж. Функе [3] и др., оптимизируются сложные задачи хозяйственной деятельности, что подчеркивает необходимость установления практической значимости математики в экономических задачах.

Вместе с тем применение математического инструментария следует продемонстрировать на конкретных статистических данных.

Цель статьи: используя математический инструментарий, провести анализ состояния социально-экономических показателей развития и дать им экономическую интерпретацию.

Материал и методы. Информационно-эмпирическую базу составили научные публикации рецензируемых изданий, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, труды ученых-экономистов, предыдущие исследования автора. Основные методы: экономико-математический, анализ и синтез, статистические.

Результаты и их обсуждение. Высокий уровень компетенций каждого специалиста предполагает умение анализировать ситуацию, оценивать экономическую целесообразность, характеризуются умением обобщать статистический материал, применять логику и выявлять взаимосвязь между показателями. Управленческие решения

принимаются и реализуются с учетом полученных результатов динамики показателей развития того или иного явления. Основой моделирования принятия и оценки управленческих решений могут быть три базовых модели: физическая, аналоговая и математическая, благодаря которым строится сценарий их реализации. Причем физическая модель может быть представлена уменьшенным или увеличенным размером, аналоговая модель – когда идет сравнение с объектом-аналогом, а математическая модель использует символы для описания определенных свойств или характеристик объекта или события. Более того, при оценке различных зависимостей и экономических категорий обозначается факториальный x -признак или результирующий (y -результат). На основе трех базовых моделей разработано множество конкретных моделей управления организацией, что в теории и практике имеет названия: модели управления запасами, теория игр, модель теории очередей, модель линейного программирования, для определения оптимального распределения ограниченных ресурсов (оптимизация графика отгрузки, оценка затрат на транспортировку, минимизация издержек) [4, с. 82]. Роль математики как фундаментальной науки для экономических исследований является бесспорной, не теряя своей фундаментальности необходимо делать акцент на практико-ориентированном содержании.

На данном этапе развития экономики любая сфера деятельности оперирует достаточным количеством данных, которые могут быть не структурированы и выражены различными единицами измерения. Развитие информационных технологий способствует появлению новых методов статистических технологий для анализа больших объемов информации [5]. На рынке функционирования средних и малых организаций для принятия управленческого решения достаточно применить: сводку и группировку, средние величины, показатели вариации, динамический метод и оценить взаимосвязь социально-экономических явлений.

Первым этапом любого исследования является статистическое наблюдение, как основа любого исследования, оно представляет собой научно-организованный по единой программе учет фактов, характеризующих явление или процессы и сбор полученных на основе этого учета массовых данных. Следует отметить, что статистическое наблюдение должно быть планомерным, систематическим, массовым, т.к. изучаются статистические закономерности, которые проявляются только в массовом процессе. В практике используются

две организационные формы наблюдения: отчетность и специальное наблюдение (перепись населения); виды наблюдения – сплошное и несплошное; по способу регистрации наблюдение бывает: экспедиционное, анкетное, корреспондентский способ, саморегистрация. Причем часть единиц, отобранных для наблюдения, принято называть выборочной совокупностью (часть организаций отдельной отрасли, численность работников одного отдела), а всю совокупность единиц, из которых производится отбор – генеральной совокупностью (все организации отрасли, все работники организации). Итак, статистическое наблюдение является первой стадией любого исследования, основой и важно учитывать следующие требования: полнота статистических данных, достоверность и точность данных, их единообразие и сопоставимость.

Второй этап статистического исследования: сводка и группировка, в ходе которой систематизируются первичные материалы статистического наблюдения. Группировка – это объединение единиц совокупности в некоторые группы, имеющие свои отличительные черты, сходные размеры изучаемого признака. Результаты группировки оформляются в виде таблиц, содержащих показатели, взаимосвязанные логикой анализа. Группировки по количественному признаку: определяется количество групп и интервалов. Причем интервалы могут быть равными и неравными, открытыми и закрытыми, возрастающими и убывающими. На фактических статистических данных покажем виды группировок: типологическая, структурная, аналитическая, комбинированная (таблицы 1–3).

Таблица 1 – Типологическая группировка организаций в Республике Беларусь по формам собственности за 2022 год

Группы организаций	Число организаций	
	единиц	в % к итогу
Государственная собственность	15755	10,8
Частная собственность	119789	82,0
Иностранная собственность	10603	7,2
Всего:	146147	100

Источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [6].

Данные таблицы 1 указывают, что в Республике Беларусь за 2022 год преобладает число органи-

заций частной формы собственности (82,0%). Для принятия управленческих решений необходимо детализировать показатели деятельности организаций различных форм собственности и рассматривать такие показатели, как численность работников организации, объемы реализованной продукции, объемы изготовленной продукции, стоимость основных средств организации, а также объемы реализации продукции на внешние рынки. Для оценки эффективности деятельности с точки зрения статистического анализа следует применить элементарные методы оценки взаимосвязи социально-экономических явлений такие, как сравнение параллельных рядов, метод аналитических группировок, метод корреляционного поля, метод корреляционной решетки. Корреляционно-регрессионный анализ позволит сделать более детальные выводы о динамике и закономерностях развития показателей.

Таблица 2 – Структурная группировка населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов в III квартале 2023 года (по данным выборочного обследования домашних хозяйств)

Группы населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов, руб./месяц	в % к итогу	
	по Республике Беларусь	по Витебской области
до 300,0	1,1	0,7
300,1–350,0	1,5	1,7
350,1–400,0	2,2	2,6
400,1–500,0	6,6	7,1
500,1–600,0	10,7	9,9
600,1–700,0	11,7	12,6
700,1–800,0	12,9	14,2
800,1–900,0	9,3	8,5
900,1–1 000,0	8,7	9,5
1 000,1–1 100,0	6,8	8,0
1 100,1–1 200,0	6,1	5,9
1 200,1–1 300,0	4,5	6,1
1 300,1–1 400,0	3,4	3,4
1 400,1–1 500,0	2,6	1,9
более 1 500,0	11,9	7,9

Источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

По данным таблицы 2 наблюдаем распределение населения по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов. По Республике Беларусь максимальный удельный вес населения (12,9%)

Таблица 3 – Аналитическая группировка показателей деятельности индивидуальных предпринимателей в Республике Беларусь за 2022 г.

Вид экономической деятельности	Число индивидуальных предприним. на конец года, чел.	Выручка от реализации, продукции, товаров, работ, услуг, млн. руб.	Сумма поступивших платежей в бюджет, млн. руб.	В среднем на 1 предпринимателя, тыс. руб.	
				выручка	платежи в бюджет
Промышленность	15096	885,5	67,1	58,66	4,45
Строительство	23212	722,1	54,6	31,10	2,35
Информация и связь	15087	706,7	53,4	46,80	3,54
Всего:	262798	14796,8	1017,9	56,30	3,87

Источник: составлено автором на основе статистических данных [6].

получает среднедушевые ресурсы в размере 700–800 руб., а по Витебской области этот показатель выше (14,2%) по сравнению с третьим кварталом 2023 года. Следует отметить, что в Республике 11,9% населения получают ресурсы в среднем на душу свыше 1500 руб./месяц. Если же просуммировать удельный вес по показателям до 300 руб. и до размера максимального процента по удельному весу, то получаем следующие результаты: по Республике Беларусь располагаемые среднедушевые ресурсы до 800 руб./месяц у 46,7% населения (и 11,9% более 1500 руб.), а в Витебской области 48,8%.

Пример аналитической группировки с элементами комбинированной покажем в таблице 3, где представлены показатели деятельности индивидуальных предпринимателей (по некоторым видам экономической деятельности).

Приведенная группировка в таблице 3 раскрывает взаимосвязи между изучаемыми явлениями и признаками (факторными и результативными), относится к комбинированной группировке, т.к. образована по двум и более признакам. Нами выявлены виды экономической деятельности по наибольшему числу индивидуальных предпринимателей, рассчитаны показатели размера выручки и платежей в бюджет на 1 предпринимателя в среднем. Максимальное число предпринимателей по виду деятельности «оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов», где задействованы (на конец 2022 г.) по стране – 87761 чел. Следует отметить высокий объем выручки от реализации и суммы платежей в бюджет в среднем на 1 предпринимателя в промышленности, несмотря на достаточную численность, что составляет 58,7 и 4,45 тыс. руб. соответственно, что выше среднего показателя по всем видам экономической деятельности в стране (56,3 и 3,87 тыс. руб. соответственно).

Третий этап статистического исследования: когда материал представлен в виде таблиц, применяют аналитические методы выявления закономерностей и ни одно экономическое исследование не обходится без расчета показателей средней величины.

Средние величины являются наиболее частым показателем в экономическом анализе и дают общую количественную характеристику элементов массового процесса. Средние величины – это такие показатели, которые выражают типичные черты и дают обобщающую характеристику уровня по однородным экономическим явлениям. И для того чтобы средняя отвечала предъявляемым требованиям, правильно отражала действительность и являлась типизирующим показателем, необходимо соблюдать такие требования, как при сборе и обобщении информации следует обеспечить качественно-однородную совокупность; обеспечить достаточный объем единиц наблюдения; правильно выбрать вид средней величины. При оценке взаимосвязанных показателей сбалансированной системы также применялась средняя величина, с помощью которой был определен уровень развития туристической дестинации по блокам: социально-экономическое развитие, туристическо-рекреационный комплекс, человеческий капитал по туристическим дестинациям Витебской области [7]. Иначе исследователь рискует получить фиктивную среднюю, которая не будет отражать действительность, что очень важно для принятия управленческих решений и особенно актуально в Год качества.

В экономических исследованиях применяют несколько видов средних величин: средняя арифметическая простая, средняя арифметическая взвешенная, средняя гармоническая, средняя прогрессивная величина и структурные средние – мода и

Таблица 4 – Формулы для расчета средних величин

$\bar{x} = \frac{x_1 + x_2 + x_3 + \dots + x_n}{n} = \frac{\sum x}{n}$	$\bar{x} = \frac{\sum x * f}{\sum f}$	$\bar{x} = \frac{\sum W}{\sum \frac{W}{X}}$	$\bar{x} = \sqrt[n]{x_1 * x_2 * \dots * x_n}$
где, n – количество признаков	где, f – частота встречаемости признака	где, W – скрытая частота в другом признаке	для исчисления средней из относительных показателей с большим разбросом
средняя арифметическая простая	средняя взвешенная	средняя гармоническая	средняя геометрическая
<i>Мода для интервального ряда</i>		<i>Медиана для интервального ряда</i>	
$Mo = x_{Mo} + i_{Mo} \frac{f_{Mo} - f_{Mo-1}}{(f_{Mo} - f_{Mo-1}) + (f_{Mo} - f_{Mo+1})}$ <p>где x_{Mo} – начальная граница модального интервала (интервал с наибольшей частотой), i_{Mo} – ширина модального интервала, f_{Mo} – частота модального интервала, f_{Mo-1}, f_{Mo+1} – частота интервала соответственно предшествующего модальному и следующего за модальным</p>		$Me = X_{Me} + i_{Me} \frac{0,5 \sum f - S_{Me-1}}{f_{me}}$ <p>где X_{Me} – начальная граница медианного интервала, (медианный интервал определяется по сумме накопленных частот), i_{Me} – ширина медианного интервала, f_{Me} – частота медианного интервала, S_{Me-1} – сумма накопленных частот интервала, предшествующего медианному, $\sum f$ – сумма всех частот ряда</p>	

медиана. Для определения данных средних строятся различные ряды распределения: вариационный (ранжированный), дискретный, интервальный.

Вариационным рядом называется последовательность различных вариантов, записанных в возрастающем порядке вместе с соответствующими частотами. В зависимости от типа признака различают дискретные и интервальные вариационные ряды. Для получения интервального ряда весь диапазон значений признака [Xmin, Xmax] разбивают на k интервалов одинаковой длины по формуле 1:

$$h = (X_{max} - X_{min}) / k, \quad (1)$$

где h – ширина интервала, Xmin, Xmax – минимальная, максимальная величина признака, k – количество групп (по формуле Стерджесса $n = 1 + 3,322 \times \lg(N)$, в знаменателе, где n – число групп, N – число единиц совокупности, для наглядности исследования принимают равным 4).

Формулы для средних величин представлены в таблице 4.

Расчет средней покажем на конкретном примере по данным одного из структурных подразделений организации. Например, X-признак, возраст работников, лет: 39, 28, 33, 53, 56, 70, 70, 24, 24, 23, 26, 59, 44, 58, 48. Средняя арифметическая простая определяется простым суммированием и делением на количество признаков ($X=43,6$ лет). Для исчисления моды и медианы в вариационном

ряду выстроим X-признаки в порядке возрастания или убывания – ранжированный ряд распределения X: 23, 24, 24, 26, 28, 33, 39, 44, 48, 53, 56, 58, 59, 70, 70. Медианное значение (показатель, находящийся в середине ранжированного ряда) – 44 года, а моды – нет, ряд бимодальный, так как отсутствует наиболее часто встречающийся X-признак в вариационном ряду.

В интервальном ряду мода и медиана определяется по формулам (M_o), (M_e). Если построить интервальный ряд с определением ширины интервала по формуле 1, состоящий из 15 признаков, то получим следующие данные: $h=70-23/4=11,75$ (округлим до 12). Интервальный ряд для определения моды и медианы покажем в таблице 5.

Таблица 5 – Алгоритм расчета моды и медианы по X-признаку – возраст работников структурного подразделения.

Группировка по возрасту, x, лет	f – частота встречаемости	f_{Me}
23–35	6	6
35–47	2	8
47–59	5	
59–70	2	
Итого	$\sum f = 15$	

Данные интервального ряда таблицы 5 показывают, что наибольшее количество работников

Таблица 6 – Расчет средней прогрессивной величины

Процент выполнения норм выработки, х	Количество работников, f	Середина интервала, х'	x`f	по передовой группе		
				x	f	x*f
до 100	2	98	196			
100–104	18	102	1836			
104–108	12	106	1272	106	12	1272
108 и более	8	110	880	110	8	880
Итого	$\sum f=40$		$\sum x'f=4184$		$\sum f=20$	$\sum x'f=2152$

Источник: данные организации.

по возрасту попадают в первую группу (6 человек) и в третью (5 человек), поэтому необходимо пополнять отдел работниками в возрасте от 35 до 47 лет, хотя самый продуктивный возраст до 35 лет в данном примере говорит о возможности построения карьеры. Руководству необходимо согласовать план карьерного роста и повышения компетенций, своевременно применить стимулирующие инструменты. Определим моду и медиану в интервальном ряду по формулам из таблицы 4.

$$M_o = 23 + 12 \cdot (6 - 0) / (6 - 0) + (6 - 2) = 28,1 \text{ лет};$$

$$M_e = 35 + 12 \cdot (0,5 \cdot 15 - 6/2) = 44 \text{ года}.$$

Таким образом, в анализируемом структурном подразделении модальный возраст составляет 28 лет, а медианный – 44 года. Однако, чтобы убедиться в однородности средней величины, для данной совокупности определяют показатели вариации, исчисление которых подтверждает достоверность исчисленной средней величины и исключает ошибки при подсчетах. Если коэффициент вариации получен в пределах 30%, то средняя для данной совокупности типична (формула 2). Коэффициент вариации по размаху:

$$V_R = \frac{R}{\bar{x}} \cdot 100\% \quad (2)$$

В нашем примере коэффициент вариации равен 106%, что говорит о не типичности средней величины, присутствует разброс уровня показателей возраста работников. Размах вариации равен $70 - 23 = 47$ лет, что говорит о достаточном возрастном разрыве между работниками в структурном подразделении. Среднее линейное отклонение (каждый работник отличается по возрасту от средней возрастной величины в среднем) составляет 18,8 лет.

Следует подчеркнуть особенность применения в экономических исследованиях средней прогрессивной величины, которую определяют

на практике для исследования степени выполнения плана по нормам выработки рабочего, данный алгоритм отсутствует в математической статистике. Алгоритм применения состоит в следующем: вначале по формуле средней арифметической рассчитывают средний процент выполнения норм выработки всеми рабочими, затем определяют передовую группу рабочих, у которых процент выполнения норм выработки выше среднего уровня. Далее по передовой группе рассчитывается средний процент выполнения норм выработки, который и является средним прогрессивным. Более того, если этот процент составляет 30% и более от всего числа рабочих $\sum f$, то среднепрогрессивный процент выработки может быть принят в качестве планового задания на будущий год, что важно в управленческих решениях и в конечном счете положительно отразится на эффективности деятельности организации.

Приведем пример расчета средней прогрессивной величины. Например, определим средний прогрессивный процент выполнения норм выработки рабочими, данные расчетов отразим в таблице 6.

В таблице 6 определен средний процент выполнения норм выработки по формуле средней арифметической взвешенной интервального ряда: $4184/40 = 104,6\%$; Причем данный интервальный ряд открытый (не очерчены границы), возрастающий, с равными по ширине интервалами (4%). По передовой группе средняя прогрессивная величина равняется 107,6% ($2152/20$). Поскольку в состав передовой группы вошли 20 работников, а это больше 30%, то норма выработки в следующем отчетном периоде может быть приподнята до 107,6%.

Следует отметить, что достаточно широкое использование получили методы оценки в экономических исследованиях показателей рядов динамики

ки и индексный метод (индивидуальные, общий и факторные индексы), которые несколько иначе интерпретируются с точки зрения экономики по отношению к теории математической статистики, что будет продолжено в следующих исследованиях. Более того, ряд экономических процессов в своей динамике развиваются равноускоренно либо равнозамедленно, поэтому выравнивание ряда динамики производится по уравнению прямой, а не гиперболы или параболы как в математике. Экономическая интерпретация полученного уравнения прямой (тренда) описывается с учетом полученных результатов как средний показатель уровня ряда и средний прирост или падение показателя за исследуемое количество лет с применением метода наименьших квадратов и в зависимости от количества лет исследования (четный, нечетный ряд).

Заключение. Таким образом, математический инструментарий дает возможность использования различных моделей в исследованиях динамики развития показателей. Корреляционно-регрессионный анализ как универсальный математический метод может быть использован при анализе конкурентоспособности и моделировании объемов производства организаций. Моделирование результатов экономической деятельности посредством современных программных средств и широкого математического инструментария позволяют находить и применять нужные методы, строить модели, взаимосвязанные определенными параметрами или процессами. Однако в исследовании показателей социально-экономического развития делается акцент на особенностях экономической интерпретации полученных результатов с учетом отраслевой статистики: теории статистики, статистики предприятия, финансово-банковской статистики, статистики труда, статистики заработной

платы и т.д., что показано в практике применения данных материалов исследования. Предложенный инструментарий позволяет говорить о специфике изучения именно экономической статистики для компетенций экономических специальностей.

Литература

1. Бредихина, О.А. Экономико-математические методы и инструменты в решении задачи оптимизации [Электронный ресурс] / О.А. Бредихина, А.А. Головин, А.О. Спицына // *Фундаментальные исследования*. – 2021. – № 9. – С. 5–11. – Режим доступа: URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43086> – Дата доступа: 19.01.2024.
2. Бредихина, О.А. Использование математических способов и методов при решении задач в области экономики [Электронный ресурс] / О.А. Бредихина, С.В. Фильчакова, А.А. Головин // *Вестн. Евраз. науки*. – 2019. – Т. 11, № 5. – Режим доступа: URL: <https://esj.today/PDF/56ECVN519.pdf>. – Дата доступа: 19.01.2024.
3. Sager, S. Optimization as an analysis tool for human complex problem solving [Electronic Resource] / S. Sager [et al.] // *Siam journal on optimization*. – 2021. – № 21(3). – P. 936–959. – Mode of access: DOI: 10.1137/11082018X. – Date of access: 02.02.2023.
4. Петрович, М.В. Управление организацией: учебник / М.В. Петрович. – 3-е изд. стер. – Минск: Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 479 с.
5. Игнатенко, А.М. Математический инструментарий в управлении конкурентоспособностью региональных туристских продуктов посредством современных технологических платформ [Электронный ресурс] / А.М. Игнатенко // *Вестн. Акад. знаний*. – 2021. – № 47(6). – С. 171–176. – DOI 10.24412/2304-6139-2021-6-171-176. – EDN JDWPSV. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48029354_20752541.pdf. – Дата доступа: 06.01.2024.
6. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/0a7/lk1zigmat2zbcwvo3ljrfm1tow2f5zd2.pdf>. – Дата доступа: 13.01.2024.
7. Янкевич, Е.М. Методика оценки социально-экономических эффектов туристической региональной дестинации / Е.М. Янкевич // *Вестн. БГУЭУ*. – 2021. – № 4. – С. 40–49.

Поступила в редакцию 22.01.2024

УДК: 316.652.3:004.77

Связь частоты поиска информации в Интернете и социального доверия в сравнительной кросс-культурной перспективе

Фабрикант М.С.
Белорусский государственный университет

В статье представлены результаты эмпирического исследования связи частоты обращения к Интернету как источнику информации и генерализованного социального доверия в различных странах.

Цель работы – выявить связь частоты использования Интернета как источника информации с генерализованным социальным доверием.

***Материал и методы.** В исследовании были использованы данные седьмой волны Всемирного исследования ценностей. Для обработки данных использовался метод многоуровневого бинарного логистического регрессионного анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Было выявлено, что частота обращения к различным интернет-источникам (электронной почте, интернет-сайтам и социальным сетям) положительно связана с генерализованным социальным доверием. В кросс-культурной перспективе положительная связь ежедневного использования Интернета как источника информации с генерализованным социальным доверием тем сильнее, чем выше уровень экономического благосостояния страны.*

***Заключение.** Полученные результаты указывают на то, что более частое использование Интернета в качестве источника информации не способствует большей осторожности, а, напротив, связана с более высоким уровнем генерализованного социального доверия. В практическом плане это означает, что в зоне риска стать жертвой кибермошенничества находятся более опытные интернет-пользователи.*

***Ключевые слова:** доверие, социальное доверие, генерализованное социальное доверие, Интернет, интернет-поиск, интернет-пользователь, социальные сети.*

Relationship between Internet Search Frequency and Social Trust in Comparative Cross-Cultural Perspective

Fabrykant M.S.
Belarusian State University

The article presents the findings of an empirical study of the relationship between the frequency of access to the Internet as a source of information and generalized social trust in various countries.

The purpose of the work is to reveal the relationship between the frequency of using the Internet as a source of information and generalized social trust.

Material and methods. The study is based on the data from the seventh wave of the World Values Survey. For data analysis, the method of multilevel binary logistic regression analysis was used.

Findings and their discussion. The frequency of access to various Internet sources (e-mail, Internet sites and social networks) was found to be positively associated with generalized social trust. In cross-cultural perspective, the positive relationship between daily use of the Internet as a source of information and generalized social trust is stronger; the higher the level of a country's economic well-being.

Conclusion. The findings indicate that more frequent use of the Internet as a source of information does not contribute to greater caution, but, on the contrary, is associated with a higher level of generalized social trust. In practical terms, this means that more experienced Internet users are at risk of becoming victims of cyber fraud.

Key words: trust, social trust, generalized social trust, the Internet, Internet user, social networks.

Доверие в самом общем виде можно определить как убежденность в подлинности чего- или кого-либо, иными словами в том, что объект доверия представляет собой то, чем кажется. Применительно к человеку доверие означает убежденность в надежности человека – добро-совестности его намерений и достаточной компетентности, чтобы эти намерения реализовать. Доверие к информации означает представление о том, что эта информация истинна, а также, что подлинная цель ее распространения не отличается от декларируемой или подразумеваемой. Поскольку большая часть информации выходит за пределы экспертного знания каждого отдельно взятого человека, доверие к информации означает доверие к ее источнику. Иначе говоря, речь идет о доверии к людям вообще – генерализованном социальном доверии.

Генерализованное доверие – феномен, которому в психологии и других социальных науках отводится важная роль в развитии и поддержании стабильного функционирования человека и общества. Так, в теории Э. Эриксона базальное доверие является первым из всех возрастных новообразований, от которого зависит характер преодоления последующих возрастных кризисов [1].

В социальном взаимодействии генерализованное доверие определяет, будет ли человек задействовать все доступные контакты или же будет организовывать совместную деятельность только с представителями своей социальной группы, которые могут не обладать необходимыми навыками или материальными ресурсами, либо выстраивать дополнительные механизмы контроля за недостаточно надежными, по его мнению, партнерами, что существенно, иногда в разы, повышает затраты и, соответственно, снижает эффективность за счет так называемых трансактных издержек. Этим, в частности, объясняется более высокий уровень генерализован-

ного доверия в странах с высоким уровнем экономического благосостояния [2].

Вместе с тем в последние годы преимущественно положительное отношение к генерализованному доверию в социальных науках начинает претерпевать перемены. Это объясняется растущим осознанием рисков, связанных с легким доступом к получению и распространению огромного объема постоянно обновляющейся информации благодаря распространению Интернета. Феномены кибермошенничества и других видов киберпреступности, массового тиражирования недостоверной информации указывают на опасность генерализованного доверия там, где оно не является обоснованным [3]. Выработка дифференцированного доверия особенно важна для тех, кто часто и активно использует Интернет как источник информации. Возникает вопрос, что является стартовой позицией для выработки дифференцированного доверия – более высокий или более низкий уровень генерализованного доверия.

Цель данного исследования – выявить связь частоты использования Интернета как источника информации с генерализованным социальным доверием. Учитывая выраженные межстрановые различия в уровне как интернетизации, так и генерализованного доверия, а также многократно эмпирически доказанную важность кросс-культурной валидации результатов психологических исследований, мы рассматриваем интересующий нас феномен в сравнительной кросс-культурной перспективе.

При выдвижении гипотез исходим из того, что высокий уровень генерализованного доверия выглядит предпочтительнее в краткосрочной перспективе, без учета долгосрочных последствий. Исследования последних лет показали, что люди, обладающие более высоким уровнем генерализованного социального доверия, склонны с большей готовностью предпринимать

определенные действия даже в кризисной ситуации, испытывая при этом существенно меньше негативных эмоций [4]. Генерализованное доверие позволяет действовать без необходимости дополнительной проверки, что способствует снижению когнитивной нагрузки. Потребность в снижении когнитивной нагрузки должна быть тем выше, чем больше объем поступающей информации. Поскольку Интернет обеспечивает доступ к огромному количеству информации из разнообразнейших источников, мы выдвигаем следующую гипотезу.

Гипотеза 1. Частота использования Интернета как источника информации положительно связана с уровнем генерализованного социального доверия.

Учитывая связь социального доверия с уровнем экономического благосостояния страны, целесообразно задать вопрос, не опосредует ли уровень экономического развития интересующую нас связь между использованием Интернета и доверием. В предположении о наличии и характере этого опосредующего эффекта мы опираемся на объяснение положительной связи между уровнем экономического благосостояния и доверием, отличное от рассмотренного выше влияния доверия на экономический рост. Более высокий уровень доверия не только способствует экономическому росту, но и сам является его следствием, поскольку большее количество располагаемых ресурсов означает, что базовых ресурсов, необходимых для выживания и стабильного существования, хватит на всех. Как следствие, конкуренция становится в большей степени средством самовыражения, чем борьбой за выживание. По мнению ряда исследователей, например, автора влиятельнейшей теории модернизации Р. Инглхарта, это означает, что по мере роста экономического благополучия снижаются стимулы к недобросовестному поведению и, следовательно, повышаются основания для доверия [5]. Однако, на наш взгляд, рост экономического благополучия может приводить к повышению уровня притязаний, так что самореализация, как прежде выживание, может побуждать к злоупотреблению доверием. Вместе с тем в условиях большего количества ресурсов последствия необоснованного доверия легче преодолеть. На этом основании мы формулируем следующую гипотезу.

Гипотеза 2. Положительная связь между частотой использования Интернета как источника информации и генерализованным социальным

доверием сильнее в странах с более высоким уровнем экономического благосостояния.

Материал и методы. Для проверки гипотез были использованы данные Всемирного исследования ценностей – крупнейшего проекта по сбору данных для сравнительных кросс-культурных исследований. Для нашего исследования мы взяли наиболее актуальную на данный момент седьмую волну Всемирного исследования ценностей, сбор данных которой проводился в 63 странах в 2017–2022 гг. [6].

Генерализованное социальное доверие представлено во Всемирном исследовании ценностей следующим вопросом: «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?» с двумя вариантами ответа – «большинству можно доверять» и «нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми». Для операционализации частоты использования Интернета как источника информации были применены три переменные, данные по которым были получены при помощи следующего вопроса: «Люди узнают о происходящем в стране и в мире из разных источников. По каждому из следующих источников скажите, пользуетесь Вы им каждый день, каждую неделю, каждый месяц, реже, чем раз в месяц, или никогда?» Далее предлагался список источников, в числе которых были «новости по электронной почте», «новости через Интернет» и «новости через социальные сети». Частоту обращения к каждому из этих источников информации предлагалось оценить по отдельности, выбрав один из следующих вариантов ответа: «каждый день», «каждую неделю», «каждый месяц», «реже, чем раз в месяц», «никогда».

В качестве контрольных были использованы следующие переменные: возраст (полных лет), пол, образование (шкала была перекодирована в дихотомию – наличие либо отсутствие высшего образования), самооценка уровня дохода (низкий, средний, высокий). На страновом уровне использовался ВВП на душу населения по паритету покупательной способности.

Для проверки первой гипотезы были построены три многоуровневые бинарные логистические регрессионные модели, что позволило включить в модель предикторы индивидуального и странового уровня и учесть тот факт, что зависимая переменная является дихотомической. Для построения моделей использовался язык программирования R. Зависимой

переменной в каждом случае выступало генерализованное социальное доверие, а в качестве независимых поочередно (из-за высокой корреляции между ними) включались частота использования в качестве источников информации электронной почты, интернет-сайтов и социальных сетей. Кроме того, в каждую из трех моделей были включены контрольные переменные – возраст, пол, образование, самооценка уровня дохода и ВВП на душу населения. Для проверки второй гипотезы в каждую из получившихся моделей были добавлены кросс-уровневые эффекты интеракции – для ВВП на душу населения как стандартного индикатора уровня экономического благосостояния страны с каждым из значений независимой переменной кроме опорного.

Результаты и их обсуждение. Получившиеся регрессионные модели представлены в таблице. Как видно из положительных статистически значимых значений коэффициентов, первая гипотеза подтвердилась для всех трех независимых переменных. Те, кто использует электронную почту, интернет-сайты и социальные медиа в качестве источника информации, склонны в целом доверять людям чаще, чем те, кто не обращается за информацией к интернет-источникам. Интересно, что это справедливо для любой частоты обращения к интернет-источникам – проявляется как у тех, кто обращается к ним ежедневно, так и у тех, кто делает это реже одного раза в месяц, – причем значения коэффициентов близки друг к другу, а не возрастают вместе с частотой обращения к интернет-источникам. То есть основной эффект дает сам факт использования Интернета как источника информации, а не частота этого использования. Важно, что этот эффект нельзя связать с тем, что к Интернету чаще обращаются люди более образованные, с более высоким доходом или проживающие в более богатых странах с лучшим доступом к Интернету – и они же в большей степени склонны доверять людям в целом, – поскольку все эти эффекты учтены посредством включения в модель соответствующих контрольных переменных, и их влияние отражено в соответствующих коэффициентах, которые также оказались статистически значимыми.

Вторая гипотеза нашла свое частичное подтверждение. Эффекты интеракции независимых переменных с ВВП на душу населения оказались статистически значимыми во всех моделях только для ежедневного использования интернет-источ-

ников информации (в модели с использованием интернет-сайтов в качестве независимой переменной статистически значимым также оказался эффект интеракции для обращения к этому источнику информации каждую неделю). Это означает, что положительная связь между ежедневным использованием интернет-источников информации сильнее в странах с более высоким ВВП на душу населения. Интересно, что в отличие от основного эффекта, здесь имеет значение не то, обращается ли человек вообще к Интернету в поисках информации, а то, делает ли он это ежедневно, то есть, является ли активный поиск или пассивное получение информации посредством Интернета частью его повседневной жизни.

Рассмотрим также эффекты контрольных переменных. Все они являются статистически значимыми. Более высокий уровень генерализованного социального доверия на страновом уровне, как и предполагалось на основании ранее проведенных исследований, наблюдается в странах с большим ВВП на душу населения, а на индивидуальном уровне – у людей более старшего возраста, у мужчин, у людей с высшим образованием и у тех, кто оценивает свой уровень дохода как средний или высокий, а не низкий. В совокупности эти эффекты подтверждают наше исходное положение, на основании которого была сформулирована вторая гипотеза: на уровень генерализованного социального доверия существенно влияет объем располагаемых ресурсов: оно тем выше, чем больше возможностей компенсировать негативные последствия в тех случаях, когда доверие оказывается необоснованным.

Заключение. Проведенное исследование позволило проверить обе гипотезы, и обе они нашли свое подтверждение. Как и предполагалось, частота использования Интернета как источника информации положительно связана с генерализованным социальным доверием, и эта связь тем сильнее, чем выше уровень экономического благосостояния страны. Казалось бы, для тех, кто чаще пользуется интернет-источниками, информация о связанных с этим рисках доступнее и актуальнее. Однако, как показывают полученные результаты, запрос на генерализованное доверие, перевешивает эти обстоятельства. Необходимость подвергать сомнению множество источников, доступ к которым открывается в Интернете, создает огромную когнитивную нагрузку, наиболее легко доступный способ справиться с которой – генерализованное доверие, что исключает необходимость тщательной проверки.

Таблица – Бинарные логические регрессионные модели эффектов использования различных интернет-источников информации на генерализованное социальное доверие

	Источник информации – электронная почта		Источник информации – интернет-сайты		Источник информации – социальные медиа	
Константа	-8,252***	-8,113***	-8,312***	-7,215***	-8,131***	-7,763***
Источник информации: (опорное значение – никогда)						
каждый день	0,153***	-0,546*	0,090***	-2,196***	0,020	-0,939***
каждую неделю	0,255***	-0,124	0,230***	-0,804*	0,191***	-0,288
каждый месяц	0,305***	0,181	0,275***	-0,353	0,261***	0,769
реже, чем раз в месяц	0,151***	0,430	0,234***	0,043	0,214***	0,607
Кросс-уровневые эффекты интеракции						
каждый день * ВВП на душу населения		0,068*		0,299***		0,095***
каждую неделю * ВВП на душу населения		0,034		0,107**		0,048
каждый месяц * ВВП на душу населения		0,012		0,066		-0,050
реже, чем раз в месяц * ВВП на душу населения		-0,027		0,033		-0,038
Возраст	0,005***	0,005***	0,005***	0,006***	0,005***	0,005***
Пол – женский (опорное значение – мужской)	-0,085***	-0,086***	-0,089***	-0,089***	-0,091***	-0,094***
Образование – высшее (опорное значение – без высшего образования)	0,352***	0,352***	0,369***	0,366***	0,362***	0,365***
Уровень дохода (опорное значение – низкий)						
средний	0,283***	0,283***	0,290***	0,289***	0,290***	0,291***
высокий	0,576***	0,576***	0,588***	0,586***	0,587***	0,589***
ВВП на душу населения (натуральный логарифм)	0,621***	0,607***	0,626***	0,513***	0,614***	0,577***
2 log Likelihood	-40220,4	-40216,8	-40361,3	-40326	-39169,6	-39159,4
AIC	80464,8	80465,6	80746,6	80684	78363,2	78350,8
BIC	80577,3	80615,6	80859,1	80834	78475,4	78500,4
N1	86650	86650	86889	86889	85035	85035
N2	63	63	63	63	62	62

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

В этом смысле генерализованное социальное доверие в эпоху Интернета представляет собой не просто одну из когнитивных эвристик [7], но эвристику метауровня, поскольку позволяет не упростить решение проблемы, а исключить осознание самой проблемы и необходимость использования других эвристик. Причем к использованию этой эвристики метауровня, опять-таки в отличие от обычных эвристик, склонны все

не те, кто обладает ограниченным опытом и когнитивными и иными ресурсами, а, как показывают результаты нашего исследования, напротив, те, кто, больше всего нуждаясь в использовании этой эвристики, может себе это позволить с наименьшими относительными издержками.

Из этого следует важный практический вывод: сам по себе большой опыт использования Интернета как источника информации совсем

не обязательно способствует большей осторожности в обращении с информацией.

Напротив, именно те, кто чаще обращаются к интернет-источникам, в большей степени склонны к безусловному доверию к информации. Поэтому в группе риска стать жертвой кибермошенничества являются не те, кто менее искушен в использовании интернет-ресурсов, а, напротив, наиболее опытные пользователи, для которых Интернет стал частью повседневной рутины.

Литература

1. Купрейченко, А.Б. Доверие и недоверие – общие и специфические психологические характеристики / А.Б. Купрейченко // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. – 2008. – № 2. – С. 46–53.
2. Татарко, А.Н. Межличностное доверие как фактор социально-экономического развития / А.Н. Татарко //

Социальная психология и общество. – 2014. – Т. 5(3). – С. 28–41.

3. Norris, P. In praise of skepticism: Trust but verify / P. Norris. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 320 p.

4. Jovančević, A. Optimism–pessimism, conspiracy theories and general trust as factors contributing to COVID–19 related behavior – A cross–cultural study / A. Jovančević, N. Milićević // Personality and individual differences. – 2020. – No. 167. – P. 1–6.

5. Inglehart, R.F. Cultural evolution: People’s motivations are changing, and reshaping the world / R.F. Inglehart. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 288 p.

6. Haerpfer, C. World Values Survey: Round Seven–Country–Pooled Datafile Version 5.0. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat / C. Haerpfer [et al.]; B. Puranen (eds.). – 2022. – DOI:10.14281/18241.20.

7. Sintov, N.D. Experimental support for a trust heuristic / N.D. Sintov, K.F. Hurst // Journal of Risk Research. – 2023. – Vol. 26(1). – P. 37–63.

Поступила в редакцию 12.07.2023

Временная перспектива как феномен психологического исследования

Климкович М.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена теоретическому изучению временной перспективы в различных подходах.

Цель работы – проанализировать и обобщить данные теоретических и эмпирических исследований, посвященных феномену временной перспективы.

Материал и методы. *Материал исследования составили концепции и данные теоретических и эмпирических выводов, полученных в ходе изучения указанной проблемы. Решение теоретических задач исследования осуществлялось путем логико-теоретического анализа и обобщения литературы, имеющей отношение к изучаемой теме.*

Результаты и их обсуждение. *В статье представлен анализ основных понятий и различных точек зрения в изучении временной перспективы. Однако до сих пор неоднозначным остается интерпретация данного феномена, так как его содержание зависит от точки зрения автора, который занимается его изучением. По мнению одних авторов, все темпоральные зоны включены во временную перспективу, другие же акцентируют внимание на познании прошлого, настоящего или будущего. Одни полагают, что временная перспектива – это бессознательный и индивидуальный процесс, иные считают, что временная перспектива – когнитивный процесс, который является не только индивидуальным, но и социальным.*

Заключение. *В ходе анализа было установлено, что наиболее полно разработал конструкт временной перспективы Ф. Зимбардо, который в своих исследованиях объединил противоречивые и неоднозначные взгляды различных ученых.*

Ключевые слова: *временная перспектива, темпоральные зоны, психологическое время, психологическое поле, аспект, профиль.*

Time Perspective as a Phenomenon of Psychological Research

Klimkovich M.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article deals with the theoretical study of the time perspective in various approaches. The main goal is to analyze and summarize the data of theoretical and empirical studies on the phenomenon of time perspective.

Material and methods. *The research material used was concepts, data from theoretical and empirical conclusions obtained during the study of the stated problem. The solution of the theoretical problems of the study was carried out through logical and theoretical analysis and generalization of psychological literature related to the subject of the study.*

Findings and their discussion. *The article presents an analysis of the basic concepts and different points of view in the study of time perspective. However, this concept is still ambiguous, since its content has different interpretations depending on the view of the authors dealing with this problem. Thus, some believe that the time perspective includes all time zones, while others focus on the knowledge of the past, present or future. Some believe that a temporary perspective is an unconscious and individual process, others believe that a temporary perspective is a cognitive process that is not only individual, but also social.*

Conclusion. *During the analysis, it was found out that F. Zimbardo developed the time perspective construct most fully; he combined the contradictory and ambiguous views of various scientists in his research.*

Key words: *time perspective, temporal zones, psychological time, psychological field, aspect, profile.*

Анализ литературы указывает на многообразие определений конструкта «временная перспектива», что не позволяет ее операционализировать – и это вызывает неподдельный интерес к изучению данной проблемы до сих пор. Несмотря на многообразие определений, можно выделить общее в понимании данного феномена в различных подходах. Исследование данного феномена также важно еще и потому, что временная перспектива – это одна из ключевых составляющих идентичности, которая достигается за счет понимания психологического времени индивидом во взаимосвязи с социальным и эпохальным временем, что формирует концепцию

времени, которая присуща личности [1]. Тем самым осознание временной перспективы напрямую связано с пониманием своего места в мире и осознанием смысла жизни.

Материал и методы. Материал исследования составили концепции и данные теоретических и эмпирических выводов, полученных в ходе изучения указанной проблемы. Решение теоретических задач осуществлялось путем логико-теоретического анализа и обобщения литературы, имеющей отношение к изучаемой теме.

Результаты и их обсуждение. Темпоральные представления являются ведущими во временной

перспективе. В научной литературе категория темпоральности обозначается различными понятиями: это и временная перспектива личности, и концепция времени личности в масштабах ее жизни, и временной кругозор и др. Однако «временная перспектива личности» и множество ее определений является наиболее употребляемой дефиницией, связанной с понятием «психологическое время личности» [2]. Психологическое время К. Левин [3] определяется как границы «психологического поля в данный момент». Эти границы включают в себя не только настоящее, но и мысли о прошлом и будущем, выраженные в желаниях, мечтах, планах и надеждах. Все части поля, несмотря на нехронологическую природу, одновременно переживаются индивидом как «здесь и сейчас» и в равной степени определяют его мысли и действия. Данная точка зрения заложила основу исследования временной перспективы личности. К. Левин [4] обозначает временную перспективу как феномен, основанный на ключевом понятии его теории – «жизненное пространство»: психологическое прошлое и будущее, которые находятся на реальном или ирреальном уровнях, жизненно важные события прошлого и будущего в психологическом пространстве индивида в данный момент – все это входит во временную перспективу. Кроме того, К. Левин [3] определяет временную перспективу как восприятие индивидом будущего и прошлого в данный момент времени как единого целого. Когда временная перспектива ограничена или отсутствует, индивид неизбежно становится пассивным, неорганизованным и неэффективным.

Л. Франкл [5] рассматривал временную перспективу, когда описывал жизненное пространство человека, характеризуя взаимосвязи и детерминации, происходящие в сознании человека при анализе своих темпоральных зон. С помощью мыслей, памяти и воображения время в сознании индивида может быть повернуто вспять, позволяя ему путешествовать в прошлое и заново переживать его, а с помощью интроспекции индивид способен представить себе будущее или сосредоточиться на настоящем.

Перспектива – это «точка», в которой человек оценивает всю свою жизнь через призму прошлого, настоящего и будущего. Психически здоровой личности присуща целостная структура психологического времени, с помощью которой индивид в своем сознании может воспроизводить любую темпоральную зону. Наиболее оптимальным развитием личности считается сохранение возрастных особенностей ранних этапов жизни даже в зрелом возрасте. Эти особенности удерживаются в созна-

нии индивида с помощью интроспекции, в результате чего сохраняется то, что наиболее благоприятно сказывается и необходимо для дальнейшего развития, и в то же время упраздняется то, что неприемлемо или не приносит пользы [6].

Л. Карстенсен и ее коллеги [7] предположили, что важную роль в выборе и реализации социальных целей играет восприятие времени, которое влияет на когнитивную, эмоциональную и мотивационные сферы индивида. Временная перспектива в большинстве случаев – результат бессознательного процесса, на основе которого личный и социальный опыт вплетается в темпоральные рамки, тем самым, упорядочивая события, делая их последовательными и имеющими значение. Данные темпоральные рамки могут передавать циклические или линейные события в жизни индивида. В первом случае речь идет о периодически повторяющихся событиях, во втором – о единичных. Рамки используются для кодирования и восстановления воспоминаний о пережитых событиях, постановки целей, создания неожиданных обстоятельств и фантазийных сценариев. На границе между абстрактными и психологическими образами прошлых и грядущих событий лежит реальное представление о настоящем.

Временную перспективу Дж. Бойд с коллегами [8] исследует как фундаментальный и неосознаваемый процесс, с помощью которого общественный и индивидуальный опыт соотносится с временными категориями, что позволяет придать смысл и связанность прожитому опыту. Таким образом, обращаясь к себе в прошлое, настоящее и будущее, индивид сублимирует имеющиеся знания и опыт – и находит смысл своего существования. Кроме того, авторы предполагают: несмотря на то, что временная перспектива может зависеть от ситуативных факторов, ее также можно считать относительно стабильной диспозиционной чертой личности.

К. Леннинг [9] под временной перспективой понимает когнитивную операцию, включающую в себя эмоциональный отклик на созданные в сознании темпоральные зоны (прошлого, настоящего и будущего), а также предпочтение сосредотачиваться на определенной временной зоне. По мнению автора, временная перспектива включает 3 специфических профиля – атомистический, гештальтпрофиль и профиль актуализатора.

Функция атомистического (гедонистического) профиля заключается в ориентации на настоящее или ближайшее будущее, при этом не происходит объединения прошлого и будущего. В большинстве случаев, индивиды с данным профилем не откладывают удовлетворение своих потребностей. В основе

гештальтпрофиля лежит патологическая реакция на время у индивидов, переживающих длительные кризисные ситуации. Данный профиль характеризуется негативной оценкой своего прошлого. Характерной особенностью индивидуумов с профилем актуализатора является позитивная установка на время. Также они обладают развитым чувством темпоральной структуры, контролем над импульсивным поведением, развитыми психологическими защитами, имеют более протяженную перспективу будущего [10].

Ж. Нюттен [11] рассматривал временную перспективу через призму трех аспектов психологического времени, а именно, непосредственно самой временной перспективы, временной установки и временной ориентации. Феномен временной перспективы автор анализирует по аналогии с пространственной перспективой. Когнитивные представления временной перспективы, по мнению Ж. Нюттена, такие же, как зрительное восприятие для пространственной, следовательно, временная перспектива обладает следующими свойствами: протяженность, глубина, насыщенность, структурированность и реалистичность. Под временной установкой автор понимал позитивную или негативную позицию индивида в отношении прошлого, настоящего и будущего. Временную ориентацию анализировал как доминирующую направленность поведения по отношению к объекту или событию во всех временных зонах.

Ф. Зимбардо [12] рассматривал временную перспективу как предпочтение определенной временной зоны, которое впоследствии становится личностным качеством. Как правило, каждый индивид акцентирует свое внимание и ориентирован на определенную темпоральную зону. Если формируется темпоральное «предпочтение» или «предубеждение», которое становится хроническим, то оно превращается в личностную диспозицию (то есть временная перспектива в данном случае понимается как черта личности). Чрезмерная концентрация на одном из времен определяется такими факторами, как культура, образование, религия, принадлежность к социальному классу и др.

Таким образом, общим точек зрения К. Левина и Л. Франкла является то, что временная перспектива – это процесс интроспекции и оценки индивидуумом своего жизненного пространства, в результате которых он осознает в «здесь-и-сейчас» свое прошлое, настоящее и будущее, тем самым получая опыт, необходимый ему в данный момент для дальнейшего развития.

В научном подходе Л. Карстенсен временная перспектива рассматривается как результат бес-

сознательного процесса приобретения не только индивидуального, но и социального опыта эмпирическим путем в настоящем, который распределяется по темпоральным зонам для придания событиям порядок, последовательность и значение. Данная точка зрения расширяет представления о временной перспективе, заявленной К. Левином, так как несет идею о том, что временная перспектива это не только индивидуальный, а еще и социальный процесс.

Дж. Бойд как и Л. Карстенсен изучает временную перспективу как бессознательный индивидуальный, так и социальный процесс, с помощью которого опыт приобретает связность и смысл. Однако Дж. Бойд полагает, что во временной перспективе кроется еще и ключ к осознанию индивидуумом смысла своего бытия. Также автор приводит интересное сравнение временной перспективы с личностной характеристикой, что позволяет рассматривать временную перспективу не как абстрактную, а как конкретную психологическую единицу.

К. Леннингс рассматривает временную перспективу не как бессознательную единицу, а как когнитивную операцию, включающую эмоциональное отношение и предпочтение определенной темпоральной зоны. Выбор временной зоны закладывает основу восприятия и чувства времени индивидуумом, а также его установку к своему прошлому, настоящему или будущему, в результате чего формируются определенные модели поведения и отношение к жизни.

Ж. Нюттен представляет временную перспективу как единство трех различных аспектов: временная перспектива аналогичная пространственной, временная установка и временная ориентация. Данная идея шире идеи К. Леннингса, в основе которой лежат три профиля, однако данные две идеи можно объединить, распределив специфические профили К. Леннингса между аспектами психологического времени Ж. Нюттена (таблица).

Таким образом, видно, что специфические профили распределяются по всем аспектам временной перспективы, охватывая все темпоральные зоны. Негативную настроенность в отношении темпоральных зон имеет лишь гештальтпрофиль, ориентированный на прошлое и обладающий патологической реакцией на время. Из этого можно заключить, что изучение аспектов временной перспективы имеют важное значение, так как в них кроется причинно-следственная основа поведения индивидуума.

Взгляды Ф. Зимбардо на временную перспективу объединяют взгляды ученых, приведенных выше: Дж. Бойда, который рассматривал временную

Таблица – Распределение специфических профилей К. Леннинга между аспектами психологического времени Ж. Нюттена

Аспекты временной перспективы	Специфический профиль		
	Атомистический (гедонистический) профиль	Гештальтпрофиль	Профиль актуализатора
Временная перспектива = пространственная перспектива	Протяженность, глубина, насыщенность, структурированность, реалистичность		
	Отсутствие интеграции прошлого и будущего	Патологическая реакция на время	Развитое чувство темпоральной структуры
Временная установка	Позитивная или негативная настроенность индивида в отношении темпоральных зон		
	Позитивная	Негативная	Позитивная
Временная ориентация	Доминирующая направленность поведения на объекты и события во всех темпоральных зонах		
	На настоящее или ближайшее будущее	На прошлое	На протяженную перспективу будущего

перспективу как личностную характеристику; Дж. Бойда и Л. Карстенсен, по мнению которых временная перспектива – это приобретение не только индивидуального, но и социального опыта; К. Леннинга, выделившего специфические профили на основании отдаваемого предпочтения определенной темпоральной зоне; Ж. Нюттена, который рассматривал временную перспективу в аспектах временных установки и ориентации. Итак, можно полагать, что Ф. Зимбардо разработал наиболее полно конструкт временной перспективы.

Заключение. Таким образом, понятие «временная перспектива» было введено при описании «жизненного пространства» человека, которое включает три темпоральные зоны: прошлое, настоящее и будущее. Однако до сих пор неоднозначным остается интерпретация данного феномена, так как его содержание зависит от точки зрения автора, который занимается его изучением. По мнению одних авторов, все темпоральные зоны включены во временную перспективу, другие же акцентируют внимание на познании прошлого, настоящего или будущего. Одни полагают, что временная перспектива – это бессознательный и индивидуальный процесс, иные считают, что временная перспектива – когнитивный процесс, который является не только индивидуальным, но и социальным. Но наиболее полно разработал конструкт временной перспективы Ф. Зимбардо, который в своих исследованиях объединил противоречивые и неоднозначные взгляды различных ученых. Наше пилотажное исследование показало, что противоречивые взгляды относительно временной перспективы требуют дальнейшего изучения.

Литература

1. Андреева, Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г.М. Андреева. – Москва, 2000. – 288 с.
2. Акименко, А.К. Представления о прошлом, настоящем и будущем в системе социально-психологической адаптации личности / А.К. Акименко // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. – 2014. – Вып. 2. – Т. 3, № 10. – С. 131–142.
3. Левин, К. Определение понятия «поле в данный момент» / К. Левин. – Екатеринбург: История психологии, 1999. – 532 с.
4. Левин, К. Теория поля в социальных науках: [пер. с англ.] / К. Левин. – СПб.: Речь, 2000. – 364 с.
5. Ахременко, И.И. История психологии / И.И. Ахременко, И.И. Заяц, Р.В. Петрунникова. – Минск: Изд-во МИУ, 2009. – 236 с.
6. Логинова, Н.А. Психобиографический метод исследований и коррекции личности: учеб. пособие / Н.А. Логинова. – Алматы: Казак университеті, 2001. – 172 с.
7. Carstensen, L.L. Taking time seriously. A theory of socioemotional selectivity / L.L. Carstensen, D.M. Isaacowitz, S.T. Charles // American Psychologist. – 1999. – № 54(3). – P. 165–181.
8. Бойд, Дж. Феномен временной перспективы в разных культурах (по материалам исследований с помощью методики ZPTI) / Дж. Бойд [и др.] // Культурно-историческая психология. – 2007. – Т. 3, № 4. – С. 19–31.
9. Lennings, C.J. Self-efficacy and temporal orientation as predictors of treatment outcome in severely dependent alcoholics / C.J. Lennings // Alcoholism treatment quarterly. – 1996. – № 14. – P. 71–79.
10. Lennings, Ch.J. Profiles of Time Perspective and Personality: Developmental Considerations / Ch.J. Lennings, A.M. Burns // Journal of Psychology Interdisciplinary & Applied. – 1998. – Vol. 132, iss. 6. – P. 629–641.
11. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен; под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва, 2004. – 599 с.
12. Zimbardo, Ph.G. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric / Ph.G. Zimbardo, J.N. Boyd // Journal of Personality and Psychology. – 1999. – Vol. 77, № 6. – P. 1271–1288.

Поступила в редакцию 18.12.2023

Влияние открытости информации о деятельности на ее безопасность

Яцкевич А.Ю.

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

Анализ статистических показателей производственного травматизма свидетельствует о необходимости поиска средств повышения безопасности труда. Решение этой задачи невозможно без участия специалистов в области «человеческого фактора» – психологов. В настоящее время одной из ключевых тенденций психологии безопасности является переход от анализа индивидуально-психологических характеристик и деятельности отдельных работников к изучению социально-психологических факторов и производственных социальных групп.

Цель нашего исследования – изучение влияния открытости информации о процессе выполнения и результатах деятельности на ее безопасность. Мы полагаем, что открытость для членов группы информации о выполнении деятельности приводит к повышению безопасности деятельности.

Материал и методы. Для экспериментальной проверки гипотезы применялась разработанная нами компьютерная система, позволяющая моделировать деятельность в условиях риска. Испытуемые следили за перемещением объекта на мониторе компьютера, их задача состояла в управлении движением объекта в зоне перцептивной неопределенности. В случае неудачи происходила реализация физической опасности: через наушники передавался очень громкий неприятный звуковой сигнал. Наличие вознаграждения за достижение наилучших результатов создавало предпосылки для внешне мотивированного риска. Были проведены две серии опытов: в условиях секретности и в условиях открытости информации о выполнении деятельности испытуемыми.

Результаты и их обсуждение. Результаты эксперимента подтверждают гипотезу: открытость информации о деятельности приводит к повышению ее безопасности. Изменения значений показателей безопасности при переходе от секретности к открытости являются статистически значимыми (вероятность ошибки $p \leq 0,02$). Мы полагаем, что повышение показателей безопасности деятельности в условиях открытости обусловлено ростом социального риска – получения негативной обратной связи от членов группы, снижения уровня авторитета и т.п.

Заключение. Оптимизация социально-психологических факторов является перспективным направлением работы по повышению уровня безопасности деятельности.

Ключевые слова: безопасность деятельности, психология безопасности, открытость информации, трудовая деятельность в условиях риска.

The Impact of the Publicity of Information about the Activity on its Safety

Yatskevich A.Yu.

Belarusian State University of Information Science and Radio Electronics

The analysis of occupational injury statistics points out the need to search for means of occupational safety enhancement. The solution of this problem is impossible without the participation of “human factor” specialists – psychologists. Nowadays one of the key trends of safety psychology is the transition from the analysis of individual psychological characteristics and activity of individual employees to studying social and psychological factors and company social groups.

The topic of our research was to study the impact of the publicity of information about the process and results of activity on its safety. We believe that the publicity of information group about the activity performance leads to an increase in the activity safety.

Material and methods. For the experimental verification of the hypothesis the author developed a computer system, which enables to simulate activity in risk conditions. The test subjects monitored the movement of an object on the computer screen, their task was to control the movement of the object in the perceptual uncertainty zone. In case of failure, physical danger occurred: a very loud unpleasant sound signal was transmitted through the headphones. The presence of a reward for achieving the best results created prerequisites for externally motivated risk. Two series of experiments were conducted: in conditions of secrecy and in conditions of publicity of information about the test subjects' activity performance.

Findings and their discussion. The experiment findings confirm the hypothesis: the publicity of information about the activity leads to an increase in its safety. Changes in the values of safety indicators during the transition from secrecy to publicity are statistically significant (error probability $p \leq 0.02$). We believe that the growth of the safety indicators of activity in the conditions of publicity occurs due to an increase in social risk – receiving negative feedback from group members, a decrease in the level of authority, etc.

Conclusion. Optimization of social and psychological factors is a promising area of work to improve the level of activity safety.

Key words: activity safety, safety psychology, publicity of information, job activity in risk conditions.

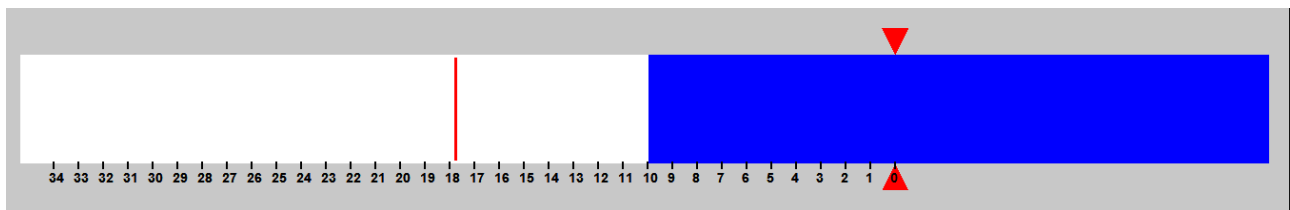

Рисунок – Стимульный материал компьютерной системы изучения поведения человека в ситуации опасности [8]

Несмотря на значительное внимание, которое уделяется в Республике Беларусь вопросам безопасности труда, проблема производственного травматизма еще не решена, нулевой уровень травматизма не достигнут. Так, в последние 5 лет в Беларуси ежегодно около двух тысяч работников получали травмы в процессе выполнения трудовой деятельности (среднее число пострадавших в 2018–2022 гг. – 1942,6), средний коэффициент частоты травматизма составлял 49 человек на 100 тысяч работников, 7,1% производственных несчастных случаев заканчивались смертью пострадавшего [1–3]. Это свидетельствует о необходимости совершенствования системы охраны труда на предприятиях, снижения количества профессионально обусловленных нарушений здоровья.

Повышение безопасности трудовой деятельности невозможно осуществить только на основе инженерных решений, без психологического исследования причин, механизмов и факторов травматизма [4]. В последние десятилетия специалисты по психологии безопасности все больше внимания уделяют социально-психологическим характеристикам деятельности, т.к. предшествующий опыт анализа индивидуально-психологических особенностей (темперамента, черт характера, способностей и т.п.) работников, получавших травмы на производстве, показал ограниченность такого подхода [5; 6]. К настоящему времени накоплено достаточно информации о климате и культуре безопасности, роли поведения и отношения к безопасности лидеров и руководителей производственных подразделений в формировании риска травматизма. Целью нашего исследования выступало изучение влияния открытости информации о деятельности работников на ее безопасность. Ранее влияние открытости информации на деятельность исследовалось не в полной мере.

Материал и методы. Нами был проведен эксперимент по изучению влияния открытости информации о процессе и результатах деятельности на ее безопасность. Для проведения исследования

применялась разработанная нами оригинальная компьютерная система, позволяющая моделировать трудовую деятельность в условиях риска [7; 8]. Методологической основой моделирования выступали экспериментальные исследования надситуативной активности В.А. Петровского [9] и склонности к риску М.А. Котика [4].

В процессе эксперимента испытуемому на экране монитора предьявлялась «беговая дорожка» в форме прямоугольника, по которой с постоянной скоростью слева направо перемещался бегунок в виде красной вертикальной черты. Беговая дорожка разделена двумя красными треугольниками на две зоны: разрешенную (слева от треугольников) и запретную (справа). Задача испытуемого состояла в том, чтобы не допустить пересечения бегунком границы запретной зоны (ГЗЗ). Для этого ему нужно нажать на клавишу «пробел» до того, как бегунок пересечет ГЗЗ. Испытуемый выполнял задание в условиях частичной перцептивной неопределенности: часть беговой дорожки, примыкающая к ГЗЗ, была скрыта (закрашена синим цветом) и он не мог наблюдать за передвижением бегунка в этой части дорожки (рисунок) [7; 8]. Отсутствие у испытуемого информации о передвижении бегунка в скрытой части беговой дорожки увеличивало неопределенность, уровень риска.

После того как участник эксперимента нажал на клавишу «пробел», скорость передвижения бегунка уменьшалась в 4 раза, он медленно доходил до ГЗЗ, автоматически перезапускался и опять с первоначальной (большой) скоростью перемещался слева направо по беговой дорожке. Если испытуемый не успевал нажать на клавишу «пробел» (т.е. бегунок пересекал ГЗЗ), происходила реализация физической опасности (аналог получения травмы): тестируемому через наушники предьявлялся громкий неприятный звуковой сигнал [7; 8].

В качестве критерия эффективности деятельности выступал суммарный пробег – расстояние, которое бегунок прошел за время эксперимента.

Известно, что расстояние зависит от скорости и времени движения. При фиксированной продолжительности эксперимента (каждый опыт длился 1 минуту) единственным фактором, определяющим пройденное бегунком расстояние, выступала скорость движения бегунка. В свою очередь скорость бегунка зависела от действий испытуемого (нажатия им клавиши «пробел»): чем раньше испытуемый нажимал на клавишу «пробел», тем меньше было пройденное расстояние. Подобно тому как в реальной трудовой деятельности нарушение требований техники безопасности может способствовать увеличению производительности труда, так и в нашем эксперименте выбор испытуемым более рискованной стратегии (как можно позже нажать на клавишу «пробел») мог привести к повышению эффективности деятельности, т.к. увеличивалось пройденное расстояние, но одновременно возрастала и вероятность реализации опасности [8]. Нами было введено поощрение за достижение максимальной эффективности деятельности – подарочный сертификат на аренду дорожки в боулинг-клубе. Данный приз был выбран по результатам проведенного ранее анонимного закрытого анкетирования. Такая организация эксперимента способствовала созданию у испытуемых внешней мотивации рискованного поведения. Испытуемым не сообщалась истинная цель исследования, эксперимент проводился под видом оценки зрительно-моторной координации.

Были проведены 2 серии эксперимента с интервалом в 3 недели, в обеих сериях испытуемому предоставлялось по 6 попыток. Каждая попытка длилась 1 минуту, за это время происходило несколько запусков бегунка. В первой серии эксперимента каждый испытуемый знал только свой собственный результат (т.е. опыты проводились в условиях секретности). Вторая серия эксперимента проходила в условиях открытости информации о процессе и результатах деятельности: первичные эмпирические данные были в открытом доступе, и каждый участник эксперимента мог с ними ознакомиться. Независимой переменной была секретность/открытость информации о деятельности испытуемого. Зависимой – уровень безопасности деятельности.

Следует отметить, что в условиях открытости результатов эксперимента наряду с риском физического вреда (неприятный громкий звуковой сигнал) возникал и социальный риск, определяемый реакцией других испытуемых на информацию о ходе эксперимента (неодобрение, насмешки, зависть и т.п.).

Показателями безопасности деятельности испытуемого в проведенном эксперименте выступали:

- количество пересечений бегунком ГЗЗ;
- расстояние от места, где бегунок получил сигнал о торможении, до границы запретной зоны (расстояние МТ);
- маркер планируемого места торможения (маркер ПМТ) – точка на беговой дорожке, где испытуемый планировал затормозить бегунок. Маркер ПМТ определялся методом опроса после выполнения испытуемым пробной попытки.

Количество пересечений бегунком ГЗЗ показывает, сколько раз деятельность испытуемого приводила к реализации опасности, т.е. этот параметр можно рассматривать как аналог количества полученных работником производственных травм.

Расстояние МТ отражает вероятность того, что в результате деятельности испытуемого возникнет опасная ситуация – «ситуация, которая может привести к нежелательным неблагоприятным последствиям: к несчастному случаю или к аварии» [10, с. 9].

Маркер ПМТ показывает, на каком расстоянии до ГЗЗ испытуемый планировал затормозить бегунок. В.А. Петровский рассматривал маркер ПМТ как показатель стремления к риску [9]. Мы полагаем, что этот параметр позволяет судить о силе мотивации к безопасности на этапе планирования деятельности.

Результаты и их обсуждение. В эксперименте приняли участие студенты 1 и 3 курсов. В каждой серии эксперимента было получено по 570 реализаций переменных. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программ MSExcel 2007 и IBM SPSS Statistics 20.

Первым этапом статистической обработки был анализ средних значений показателей безопасности и эффективности деятельности испытуемых (таблица 1).

Сравнение данных, полученных в 1-й и во 2-й сериях эксперимента, позволяет предположить, что в условиях открытости испытуемые действовали более безопасно: имели меньшее количество пересечений бегунком ГЗЗ, тормозили бегунок на большем расстоянии от ГЗЗ, на этапе планирования выбирали более удаленный от ГЗЗ маркер ПМТ. При этом эффективность деятельности (суммарный пробег) также возрастала. Для проверки гипотезы о сдвиге значений зависимых переменных под влиянием независимой мы использовали критерий ранговых знаков Вилкоксона для связанных выборок (таблица 2) [11].

Таблица 1 – Средние значения показателей безопасности и эффективности деятельности участников эксперимента

Серия эксперимента	Количество пересечений бегунком ГЗЗ	Расстояние МТ	Маркер ПМТ	Суммарный пробег
1-я (секретность)	0,49	46,05	9,96	2817, 78
2-я (открытость)	0,22	50,66	14,43	2964,68

Таблица 2 – Статистики критерия ранговых знаков Вилкоксона показателей безопасности и эффективности деятельности испытуемых

Статистики критерия Вилкоксона	Количество пересечений бегунком ГЗЗ	Расстояние МТ	Маркер ПМТ	Суммарный пробег
Z	-7, 32	-4,380	-5, 92	-0,51
Какие ранги используются	положительные	отрицательные	отрицательные	положительные
Вероятность ошибки	<0,01	<0,01	<0,01	>0,10

Таблица 3 – Средние значения показателей безопасности и эффективности деятельности юношей и девушек

Серия эксперимента	Количество пересечений ГЗЗ		Расстояние МТ		Маркер ПМТ		Суммарный пробег	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1-я (секретность)	0,50	0,48	45,22	48,49	9,47	11,53	2818,13	2816,62
2-я (открытость)	0,19	0,31	49,73	53,52	14,88	13,08	2837,83	2825,11

Примечание: ♂ – юноши; ♀ – девушки.

Таблица 4 – Статистики критерия ранговых знаков Вилкоксона показателей безопасности и эффективности деятельности юношей и девушек

Статистики критерия Вилкоксона	Количество пересечений бегунком ГЗЗ		Расстояние МТ		Маркер ПМТ		Суммарный пробег	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
Z	-7,16	-2,29	-3,63	-2,32	-4,70	-3,97	-0,54	-0,10
Какие ранги используются	положительные		отрицательные		отрицательные		положительные	
Вероятность ошибки	<0,01	0,02	<0,01	0,02	<0,01	<0,01	>0,10	>0,10

Примечание: ♂ – юноши; ♀ – девушки.

Результаты статистической обработки показывают, что сдвиги количества пересечений бегунком ГЗЗ, расстояния МТ, маркера ПМТ являются статистически значимыми (вероятность ошибки $p < 0,01$). Иными словами, в условиях открытости испытуемые реже допускали пересечение бегунком ГЗЗ, с меньшей вероятностью создавали опасные ситуации, демонстрировали большую мотивацию к безопасности на этапе планирования деятельности. При этом эффективность деятельности была одинаковой в 1-й и во 2-й сериях эксперимента: сдвиг значений суммарного пробега не является статистически значимым. Таким образом, можно сделать вывод, что открытость информации о выполнении деятельности приводит к увеличению безопасности и не оказывает влияния на продуктивность деятельности.

Чтобы определить, связаны ли наблюдаемые изменения уровня безопасности деятельности с гендерной принадлежностью испытуемых, мы проанализировали сдвиги значений рассматриваемых переменных отдельно у юношей и у девушек. Рассмотрим средние значения показателей безопасности и эффективности деятельности в 1-й и во 2-й сериях эксперимента испытуемых с разной гендерной принадлежностью (таблица 3).

В соответствии с полученными данными можно предположить, что как у юношей, так и у девушек в условиях открытости наблюдается меньшее среднее количество пересечений бегунком ГЗЗ, большее расстояние МТ и большие значения маркера ПМТ, а суммарный пробег примерно одинаков в обеих сериях эксперимента. Оценим статистическую значимость сдвигов значений анализируемых переменных с помощью критерия ранговых знаков Вилкоксона (таблица 4).

На основе результатов статистической обработки можно сделать вывод, что, как у юношей, так и у девушек изменения показателей безопасности деятельности во 2-й серии эксперимента являются статистически значимыми (вероятность ошибки не превышает 0,02). При этом эффективность деятельности не изменяется. Следовательно, открытость информации о выполнении деятельности приводит к увеличению ее безопасности независимо от гендерной принадлежности испытуемых.

Наблюдаемые изменения показателей безопасности нельзя объяснить влиянием эффекта социальной фасилитации. Во-первых, менялись только показатели безопасности деятельности, а производительность в обеих сериях экспери-

мента оставалась на одном уровне. Во-вторых, социальная фасилитация предполагает наличие наблюдателей и/или присутствие других людей в процессе выполнения деятельности. В нашем эксперименте наблюдателей не было, экран монитора с экспериментальной установкой видел только испытуемый, экспериментатор же присутствовал в аудитории, где проводились опыты, в обеих сериях эксперимента. Во второй серии информирование членов группы о выполнении задания другими участниками и достигнутых ими результатах осуществлялось постфактум (после завершения выполнения задания всеми испытуемыми). При этом предоставлялась сводная таблица средних значений показателей безопасности и эффективности деятельности в каждой из шести попыток. Видео- или аудиозапись не производилась, протоколы эксперимента с информацией об особенностях поведения испытуемых при выполнении опытов были доступны только экспериментатору.

Мы полагаем, что увеличение показателей безопасности деятельности было связано с ростом социального риска – снижения авторитета, получения неодобрения со стороны других участников эксперимента. Социально-психологические факторы влияют на деятельность, даже если, как в нашем эксперименте, ее результаты учитываются индивидуально и не влияют напрямую на других членов группы. Так, в нашем эксперименте реализация испытуемым более опасной стратегии увеличивала только индивидуальный риск и не оказывала влияния на уровень риска других испытуемых. Тем не менее открытость информации о выполнении деятельности приводила к увеличению ее безопасности.

Заключение. На протяжении многих лет специалисты по охране труда ведут поиск путей повышения безопасности деятельности. Для этого используются как инженерные решения (модификация оборудования, улучшение условий труда), так и методы психологического воздействия. Традиционно самыми распространенными и широко используемыми методами воздействия на работников являются различные варианты наказаний за совершение опасных действий, нарушение требований охраны труда. Однако использование наказаний за рискованное поведение не позволяет существенно и на длительный срок повысить безопасность деятельности [4; 12].

Мы полагаем, что обращение к социально-психологическим факторам является перспективным направлением работы по совершенствованию

системы охраны труда на предприятиях. Безопасность неотделима от социального взаимодействия [13], что предоставляет возможность оказывать влияние не на отдельных работников, а на производственное подразделение. Как показал проведенный нами эксперимент, открытость – «подход к организации и проведению работ в какой-либо области деятельности на основе свободного доступа пользователей к информации» [14, с. 37] – позволяет повысить безопасность деятельности. Доступность информации об организации и протекании деятельности, успехах, достижениях, неудачах и ошибках членов коллектива (наряду с созданием культуры безопасности) не требует значительных материальных затрат, но может принести значительный эффект в результате снижения производственного травматизма.

Литература

1. Ситько, А.Н. Травматизм в Беларуси 2019 [Электронный ресурс] / А.Н. Ситько. – Режим доступа: <https://otb.by/news/4377-travmatizm-v-belarus-2019>. – Дата доступа: 11.05.2022.
2. Состояние производственного травматизма [Электронный ресурс]: информационно-аналитические материалы Мин-ва труда и социальной защиты Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.by/ru/sostoyanie-proizvodstvenogo-travmatizma-ru>. – Дата доступа: 11.05.2022.
3. Ситько, А.Н. Травматизм 2022. Предварительные итоги [Электронный ресурс] / А.Н. Ситько. – Режим доступа: <https://otb.by/news/4767-travmatizm-2022-predvaritelnye-itogi>. – Дата доступа: 12.01.2023.
4. Котик, М.А. Психология и безопасность / М.А. Котик. – 3-е изд., испр. и доп. – Таллинн: Валгус, 1989. – 447 с.
5. Robertson, K. Human and organisational factors in major accident prevention [Electronic resource] / K. Robertson, J. Black. – Mode of access: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1500/RR1512/RAND_RR1512.pdf. – Date of access: 25.05.2022.
6. Models of causation: safety [Electronic resource] – Tullamarine: The Safety Institute of Australia, 2012. – Mode of access: <http://www.ohsbok.org.au/wp-content/uploads/2013/12/32-Models-of-causation-Safety.pdf>. – Date of access: 25.05.2022.
7. Яцкевич, А.Ю. Программно-аппаратный комплекс для исследования поведения человека в условиях опасности / А.Ю. Яцкевич, И.Г. Шупейко // Доклады БГУИР. – 2015. – № 7(93). – С. 65–70.
8. Яцкевич, А.Ю. Компьютерная система проведения профотбора для работы в условиях риска / А.Ю. Яцкевич // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова. Навук.-метад. часопіс. Сер. С. Псіхалага-педагагічныя навукі (педагогіка, псіхалогія, методыка). – 2021. – № 1(57). – С. 91–97.
9. Петровский, В.А. Психология надситуативной активности / В.А. Петровский. – М.: ТОО «Горбунок», 1992. – 224 с.
10. ГОСТ 12.0.002-2014. Система стандартов безопасности труда. Термины и определения. – Москва: Стандартинформ, 2019. – 32 с.
11. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2010. – 350 с.
12. Хайруллина, Л.И. Модификация поведения работников для повышения уровня безопасности труда на рабочем месте [Электронный ресурс] / Л.И. Хайруллина, В.С. Гасилов // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10 (часть 8). – С. 1713–1717. – Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32649>. – Дата доступа: 15.09.2022.
13. Sarkus, D.J. Safety and psychology: where do we go from here? [Electronic resource] / D.J. Sarkus // Professional safety. – Vol. 46, iss. 1. – P. 18–25. – Mode of access: http://explore.bl.uk/primo_library/libweb/action/display.do?tabs=detailsTab&gathStatTab=true&ct=display&fn=search&doc=ETOC RN090333770&indx=1&recIds=ETOCRN090333770. – Date of access: 14.01.2003.
14. ГОСТ 1.1-2002. Межгосударственная система стандартизации. Термины и определения. – М.: Стандартинформ, 2003. – 44 с.

Поступила в редакцию 13.02.2023

Содержательные характеристики оценки психического здоровья китайских и белорусских студентов: сравнительно-сопоставительный анализ

Лауткина С.В., Семёнова Н.С., Богомаз С.Л., Цзин Сяоцин

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена изучению и анализу содержательных характеристик оценки психического здоровья китайских и белорусских студентов. Приведены результаты эмпирического исследования таких характеристик психического здоровья, как самочувствие, активность, настроение, самооценка здоровья (душевное равновесие).

Цель статьи: изучение различий в психическом здоровье китайских и белорусских студентов.

Материал и методы. Выборку исследования составили 100 испытуемых (50 студентов Технологического университета Чэнду, Китай и 50 студентов 3–4 курсов ВГУ имени П.М. Машерова, Беларусь). Для измерения психического здоровья студентов использовались методики: «Душевное равновесие» С. Степанова; «САН» (самочувствие, активность, настроение) В.А. Доскина, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарай, М.П. Мирошникова.

Результаты и их обсуждение. В результате исследования выяснилось, что большая часть студентов обладает средним уровнем душевного равновесия (80,85%). Китайские студенты имеют более низкий показатель душевного здоровья по сравнению с белорусскими студентами, но различия между ними незначительные. Средний показатель самочувствия у белорусских студентов составляет 54,77%, у китайских – 48,43%; активности – у белорусских студентов – 42,47%, у китайских – 39,53%; настроения – у белорусских студентов – 58,83%, у китайских – 50,81%. В целом средний балл по методике «САН» у белорусских студентов по всем трем показателям выше, чем у китайских студентов.

Заключение. Психическое здоровье является важным индикатором личного и социального благополучия личности. Дифференциальная самооценка функционального состояния (самоощущение, душевное состояние и степень энергичности) по шкалам опросника «САН» показала более высокие показатели в группе белорусских студентов по сравнению с китайскими студентами. Такие характеристики, как душевное равновесие, самочувствие, активность, настроение позволяют определить уровень психического здоровья личности и на этом основании разработать программы сохранения и улучшения психического здоровья.

Ключевые слова: психическое здоровье студентов, показатели и критерии психического здоровья, психическое благополучие, душевное равновесие, самочувствие, активность, настроение, программы сохранения и улучшения психического здоровья.

Content Characteristics of Chinese and Belarusian Students' Mental Health Assessment: A Comparative Analysis

Lautkina S.V., Semionova N.S., Bogomaz S.L., Jing Xiaoqing

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article is devoted to the research and analysis of the content characteristics of assessing the mental health of Chinese and Belarusian students. The results of an empirical study of such characteristics of mental health as well-being, activity, mood, self-esteem of health (mental balance) are presented.

The purpose of the article is to study differences in the mental health of Chinese and Belarusian students.

Material and methods. The study sample consisted of 100 subjects (50 students of Chengdu University of Technology, China and 50 3rd–4th year students of Vitebsk State P.M. Masherov University, Belarus). To measure the mental health of students, the following methods were used: "Mental Balance" by S. Stepanov "SAN" (well-being, activity, mood), developed by V.A. Doskin, N.A. Lavrentieva, V.B. Sharai, M.P. Miroshnikov.

Findings and their discussion. The research revealed that most students have an average level of mental balance (80,85%). Chinese students have a lower score of mental balance compared to Belarusian students, but the differences between them are insignificant. The average indicator for Belarusian students regarding well-being is 54,77%, for Chinese students – 48,43%; activity – for Belarusian students 42,47%, for Chinese students – 39,53%; mood – for Belarusian students – 58,83%, for Chinese students – 50,81%. In general, the average score of Belarusian students in all three indicators is higher than that of Chinese students.

Conclusion. Mental health is an important indicator of individual's personal and social well-being. Differential self-assessment of the functional state (self-perception, state of mind and degree of energy) according to the scales of the SAN questionnaire showed higher rates of Belarusian students compared to Chinese students. Such characteristics as mental balance, well-being, activity, and mood make it possible to determine the level of mental health of an individual and, on this basis, to develop programs for preserving and improving mental health.

Key words: mental health of students, indicators and criteria of mental health, mental well-being, peace of mind, well-being, activity, mood, programs for maintaining and improving mental health.

The modern stage of development of the national education system is characterized by increased attention to a person as a special holistic system, which should be characterized not only by physical and mental health, but also well-being in the cognitive, personal, social spheres of life.

In psychology and related sciences that study humans, two terms are used – “mental health” and “psychological health”. The term “mental health” was introduced by the World Health Organization in 1979. In the USA and the UK, (and in general in English-language publications), the phrase “mental health” denotes the successful performance of mental functions resulting in productive activity, establishing relationships with other people and the ability to adapt to changes and cope with troubles. The term “mental health” is ambiguous, it connects two relatively independent fields of knowledge – psychology and medicine, and this connection is based on the understanding that any somatic disorder is always connected with changes in a person’s mental state.

In a number of psychological works, mental health is correlated with the experience of psychological comfort and psychological discomfort. Psychological discomfort arises as a result of frustration of human needs, leading to deprivation [1]. Frustration of one or more needs can lead to the appearance of a number of diseases of psychosomatic genesis (bronchial asthma, vomiting attacks, headaches, etc.). Summarizing the views of many authors on the problem of mental health, we can say that it is an integral characteristic of personal well-being, which includes several components: social, emotional and intellectual aspects of personality development [2–4]. When assessing the level of mental health of a person, various criteria are used. The most informative, from the positions of many authors, are the following:

- the correspondence of subjective images with the reflected objects of reality and the nature of reactions – an external stimulus, the meaning of life events;
- the age-appropriate level of maturity of the personality of the spheres, emotional – volitional and cognitive;
- adaptability in micro social relations.

The problem of studying the mental health of students has a pronounced complex character, is relevant and very timely in psychology. The possibility of studying mental health on a sample of students from the Republic of Belarus and the People’s Republic of China will demonstrate mental, cultural, personal, emotional and other features of students from two countries.

There are many approaches to study mental health in psychological research, such as scale test,

questionnaire survey, interview, observation, clinical symptom diagnosis, etc. Scale test and questionnaire survey are often used, such as SCL-90 (Symptom Check list 90), SAS (Self-Rating Anxiety Scale), SDS (Self-Rating Depression Scale), the technique of “Mental balance” (S. Stepanov), the questionnaire for “assessing acute mental fatigue” (A. Leonova and N. Savicheva), the text of “well-being, activity, mood” (V. Doskin, N. Lavrentieva, V. Sharai, M. Miroshnikov).

As a special group, students’ mental health has been widely concerned and has become the focus of research. Students are in the stage of the transition between school and society, their cognition is not fully mature, and their social experience is insufficient. They are not only facing the pressure of study, but also facing the pressure of dealing with various interpersonal relationships. There are many approaches to the study students’ of mental health, the most frequently used is mental health measurement scales, including life events scale, subjective well-being scale, self-esteem scale and so on [5, p. 947–950]. The main manifestations of students’ mental health problems are anxiety, depression, phobia, schizophrenia. Anxiety is an unpleasant emotional state of fear and restlessness, often accompanied by physical activation, and contains efforts to avoid threats and a sense of powerlessness to such threats [6, p. 11–12]. Unlike fear, anxiety is the unpleasant experience of a potential or future threat. Although anxiety is a common psychological state, there are significant differences in the types, degrees and orientations of anxiety among individuals of different ages and stages of development. Anxiety is also one of the main psychological problems among college students. China’s relevant investigation shows that as high as 20,3% of students have serious psychological problems such as anxiety [7, p. 648–658]. WHO’s 11th revision of its International Classification of Diseases and Related Health Problems (ICD-11) conceptualizes depression as a syndrome (i.e., a clinically recognizable set of reported experiences (symptoms) and observed behaviors (signs) associated with distress and interference with personal functions. For a diagnosis of depression, at least five of a list of ten symptoms or signs have to be present most of the day, nearly every day, for at least 2 weeks. In 2020, a study in China found that up to 31,38% of college students suffer from depressive symptoms, what is largely devoted with COVID-19 epidemic [8].

There are main factors affecting students’ mental health.

1. *Students’ pressure and challenges.* From middle school students to college students, they face a series

of changes and pressures, including living environment, social pattern, study pressure and other aspects, which are factors affecting students' mental health.

2. *The change of living environment.* College students have to leave the environment they grew up familiar with and come to a new place or city or even a new country. They leave their parents, siblings, friends, their familiar living environment, and everything becomes strange. In the new place, maybe the food is not delicious, the dormitory is not spacious and clean, travel is crowded, inconvenient and so on, all aspects of life have changed. As a result, students will feel maladjusted, lonely, anxious and so on [9].

3. *The change of the social model.* On the one hand, social demands and pressure increase. Before going to college, study takes up most of students' time, students' social life is relatively simple, and interpersonal relationships are mainly with familiar people, such as parents. However, after entering college, students' social life becomes relatively diverse and complex, and they need to deal with a variety of interpersonal relationships, including classmates from different cultural backgrounds, roommates with different personalities and preferences, and associations. On the other hand, lack of social experience. Students in this period do not have much social experience, and it is difficult to deal with complex interpersonal relationships. As a result, students will have low self-esteem, self-doubt, anxiety and so on.

4. *The change of learning pressure.* On the one hand, middle school is dominated by comprehensive courses with relatively simple content, while university is dominated by professional courses with relatively complex and profound content. On the other hand, compared with middle school, college has less restraint on students, teachers will not be with students every day, and parents are not around. Based on these factors, college students need more independent learning, independent thinking and strong self-control. Facing these changes, students are prone to psychological problems such as anxiety [10].

5. *Lack of mental health education and guidance.* Especially in China, psychology is still in development and not yet mature. Mental health education resources are limited. In schools, mental health education is only an elective course, not universal to every student. There is also not much professional mental health knowledge available on television and other public communication platforms. As a result, students receive limited mental health education, and they do not know what is wrong with them, where these problems come from, and how to solve them [11].

6. *Students' stigma.* Because of their stigma, students are unwilling to admit their mental health problems and seek help and treatment, which leads to the persistence of students' mental health problems.

Fewer than half of college students who had mental health problems for more than two years received mental health treatment during that time. Other studies have also shown very low treatment rates among college students. For example, in a national survey of adults, including 2,188 college students, only 18% of students diagnosed with a mental health problem in the past year had received treatment in the previous year. Specifically, 34% of students diagnosed with mood disorders, 15% of students diagnosed with anxiety disorders, and only 5% of students with alcohol or drug disorders received treatment. Similarly, a large online survey of college mental health found that only 36% of students who screened positive for mental health problems, including depression, panic attacks, suicidal ideation or self-harm, had received treatment in the previous year.

Material and methods. The study sample consisted of 100 subjects (50 students of Chengdu University of Technology, China and 50 3rd–4th year students of VSU named after P.M. Masherov, Belarus; they are all non-psychological specialties, and they are all about 20 years old.). To measure the mental health of students, the following methods were used: “Mental Balance” by S. Stepanov; “SAN” (well-being, activity, mood), developed by V.A. Doskin, N.A. Lavrentieva, V.B. Sharai, M.P. Miroshnikov, methods of statistical data processing.

The first stage is the preparation. The main task of this stage is to develop research strategies, including collecting and analyzing literatures related to the research topic, screening and determining research methods and techniques, and determining research samples.

In the preparatory work, a large number of literatures about mental health was collected, the research results were analyzed and summarized. These literatures provided data sources for the definition and standard of students' mental health, the main manifestations of students' mental health problems, factors affecting students' mental health and strategies for the preservation and maintenance of students' mental health. After collecting and sorting out, six standards of students' mental health are clarified: correct self-awareness, positive and stable mood, reasonable and moderate behavior, complete personality (sound personality), harmonious interpersonal relationship, good adaptability. There are four main manifestations of students' mental health

problems: anxiety, depression, phobia, schizophrenia. There are three main factors affecting students' psychological problems: the pressure and challenges (including living environment, social pattern, study pressure and other aspects), lack of mental health education and guidance and the stigma [12].

After filtering, two diagnostic tools were determined to be used: the text of "Mental balance" (S. Stepanov) and the text of "well-being, activity, mood" (V.A. Doskin, N.A. Lavrentieva, V.B. Sharai, M.P. Miroshnikov). The samples of research were determined as 50 students from Belarusian and 50 students from China.

The second stage is the research. The main task is formal research. We sent 50 texts to Belarusian students and collected 47 valid texts; 50 texts to Chinese students and collected 47 valid texts. According to the results of the study, the strategies for the preservation and maintenance of students' mental health are established, including: therapeutic lifestyle changes (TLCs), to establish mental health support system, rational use of artificial intelligence (AI).

The first method for research in the field of mental health was "Mental balance". The participants are asked to answer 7 questions and choose the answer that best suits their feelings and behavior. Each question has three choices, different choice has different score. According to the total score of 7 questions, we can diagnostic the mental balance of the participant.

If the point is 0–17, we can say the person is very calm, balanced and have an inner harmony that other people strive for all their adult life. This person just needs to keep in mind that doesn't lose good mental and physical condition, continuing to pay enough attention to the body. If the point is 18–35, we can say something is imperceptibly undermining the person' mental well-being. Although the people still maintain a mental balance, still try to figure out what is depressing the soul. Only then will find inner harmony. If the point is 36–50, the person is like a fire-breathing volcano about to open up. A well-thought-out program of improving the body, its physical and mental state is of particular importance to you. The person gets angry over nothing, taking to heart all the unpleasant moments of stressful everyday life. Do not miss the opportunity to put the nervous system in order, otherwise it may be too late.

The second method for research in the field of mental health was "SAN" (well-being, activity, mood), developed by V.A. Doskin, N.A. Lavrentieva, V.B. Sharai, M.P. Miroshnikov. The participants are asked to answer questions and correlate the current state with the signs listed in the map. These questions

are about well-being, activity and mood, and there are 10 questions in each category, 30 questions in total. Each question has 7 choices, different choice has different score. When calculating, the extreme severity of the negative pole of the pair is estimated at 1 point, and the extreme severity of the positive pole of the pair is estimated at 7 points. At the same time, it should be borne in mind that the poles of the scales are constantly changing, but positive states always get high scores, and negative ones – low. The points received are grouped according to the key into three categories, and the number of points for each of them is calculated. The average score of every scale is 4. Scores exceeding 4 points indicate a favorable condition of the subject, below 4 points indicate an unfavorable condition. Normal assessments of the condition are in the range of 5.0–5.5 points. It should be noted that when analyzing the functional state, not only the values of individual indicators are important, but also their ratio.

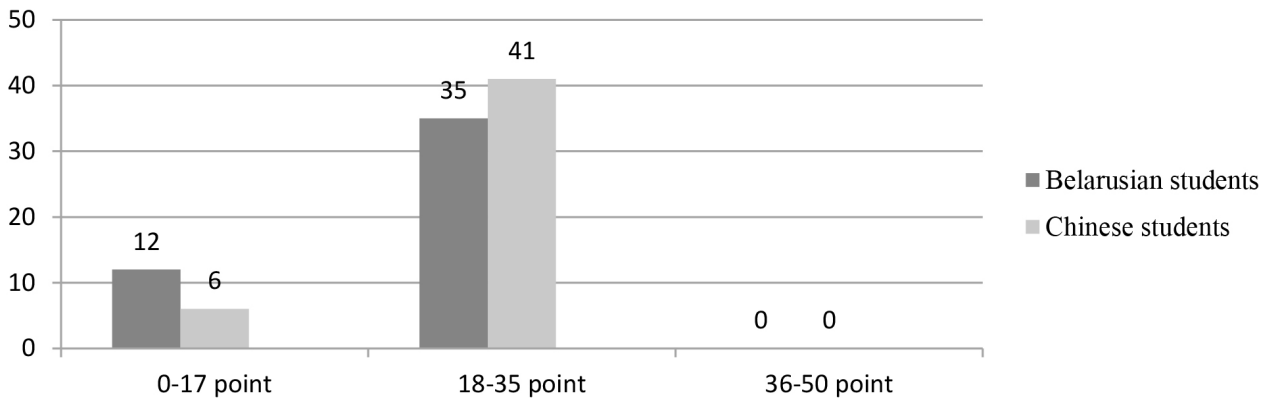
Among the 94 students who were tested, 18 students got 0–17 point, accounting for 19,15%, 76 students got 18–35 point, accounting for 80,85% and 0 students got 36–50 point. This means that only a very small number of students have a good mental balance. On the other hand, although no one is at the worst level of mental balance but 80,85% of the students have some problems in mental balance. It is worth mentioning that among the 18 students who got 0–17 point, only one student got 8, while the other 17 students got close to 17 point. This means that a significant number of students are still at risk of mental balance problems.

Comparison of Belarusian students and Chinese students. Through independent sample test in SPSS 11.0 (table 1), it can be seen that the sig (bilateral) is 0,015. It is lower than 0,05 which indicate that there is no significant difference in mental balance between Belarusian and Chinese students. The mean is the most commonly used statistic in statistics. It is used to reflect the general level of the population, or the central tendency of data. As can be seen from the Table 2.6, the sample included 47 Belarusian students and 47 Chinese students. The mean for Belarusian students is 20,98 while The mean for Chinese students is 23,47.

It can be seen from Picture 1, the number of Chinese students in metal imbalance is higher. Many studies have shown that this is related to the COVID-19 epidemic. In China, due to the impact of COVID-19, students are unable to attend classes and have to watch videos in their dormitories, their communication with teachers and classmates has greatly decreased, which is an important cause of mental imbalance [13]. The Belarusian students

Table 1 – The Group Statistics of “mental balance”

Group Statistics					
Country	N	Mean	Std. Deviation	Std. Error Mean	p-level
Belarusian	47	20,98	4,311	0,629	0,015
Chinese	47	23,47	5,381	0,785	0,015

Picture 1 – The comparison of Belarusian and Chinese students about “mental balance”

did not have this problem, they can go to the classroom and communicate with their teachers and classmates as usual. Anyway, although there are some differences between the two countries, but as a whole a significant proportion of Belarusian and Chinese students have some problems with mental balance.

Summary of students’ well-being, activity, mood. This text is divided in to three categories, including well-being, activity and mood. 0–40 point in each category indicates this person is in unfavorable condition. About well-being, among the 94 students who were tested, 17 students got 0–40 point, accounting for 18,09%. About activity, 43 students got 0–40 point, accounting for 45,74%. About mood, 13 students got 0–40 point, accounting for 13,83%. It can be seen that students have the most prominent problems in activity. Nearly half of the students are in a bad state in terms of activity. According to research, this is due to a variety of reasons, including academic pressure, Internet addiction and so on. In addition, bad mood can affect activity too, and unfavorable condition on activity can lead to more bad mood. They affects each other in a vicious circle.

Through independent samples test in SPSS 11,0, it can be seen that the sig (bilateral) of well-being is 0,08, the sig(bilateral) of activity is 0,39, the sig(bilateral) of mood is 0.001. The sig(bilateral) of activity is higher than 0,05 which indicate that there is not a significant difference in it between Belarusian and Chinese students. There is difference only in mood between students (table 2).

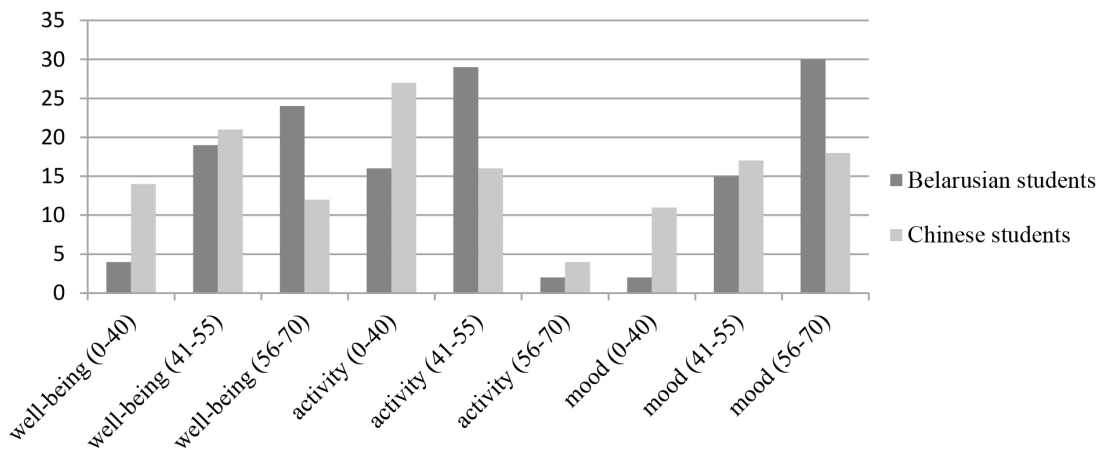
The sample included 47 Belarusian students and 47 Chinese students. About well-being, the mean for Belarusian students is 54,77 while Chinese students is 48,43. About activity, the average for Belarusian students is 42,47 while Chinese students is 39,53. About mood, the average for Belarusian students is 58,83 while Chinese students is 50,81. In general, the average score of Belarusian students in all three indicators is higher than that of Chinese students, indicating that Belarusian students are in a better state than Chinese students.

It can be seen from picture 2, the number of Chinese students who got 0–40 point is higher than Belarusian students, especially when it comes to activity. About activity, 16 Belarusian students got 0–40 point, accounting for 34,04%. While 27 Chinese students got 0–40 point, accounting for 57,45%. As mentioned above, due to the different COVID-19 response policies of the two countries, China calls on its citizens to minimize going out, and students are forbidden to go out on campus, which seriously affects the conditions of activity. Belarusian students are able to go out and participate in activities as usual.

According to investigating the peculiarities of students’ mental health, the following conclusions are drawn: among 94 students who are texted, only 19,15% of the students have a good mental balance. Although no one is at the worst level of mental balance but 80,85% of the students have some problems in mental balance. It is worth mentioning that among 19,15% students who have a good mental balance,

Table 2 – The Group Statistics of “well-being, activity, mood”

Group Statistics						
characteristics	Country	N	Mean	Std. Deviation	Std. Error Mean	p-level
well-being	Belarusian	47	54,77	9,279	1,353	0,08
	Chinese	47	48,43	9,454	1,379	
activity	Belarusian	47	42,47	7,068	1,031	0,39
	Chinese	47	39,53	10,854	1,583	
mood	Belarusian	47	58,83	8,552	1,248	0,001
	Chinese	47	50,81	11,033	1,609	

Picture 2 – The comparison of Belarusian and Chinese students about “well-being, activity, mood

94,44% of them scored close to the next level. This means that a significant number of students are still at risk of mental balance problems. 18,09% of the students are in unfavorable condition with well-being. 45,74% of the students are in unfavorable condition with activity. 13,83% of the students are in unfavorable condition with mood. It can be seen that students have the most prominent problems in activity. Nearly half of the students are in a bad state in terms of activity. According to research, this is due to a variety of reasons, including academic pressure, Internet addiction and so on. In a word, there are certain problems and risks in students’ mental health, which cannot be ignored. It is necessary to provide strategies for the preservation and maintenance of mental health of students.

Conclusion. The modern stage of development of the national education system is characterized by increased attention to a person as a special holistic system, which should be characterized not only by physical and mental health, but also well-being in the cognitive, personal, social spheres of life.

At present, there are many researches on students’ mental health, but the definition of the standard for

students’ mental health is different. On the other hand, there are many researches on problems and performance of students’ mental health, but few researches on maintenance strategies. Based on the research of Chinese and Belarusian students, through qualitative and quantitative methods, this article identified the standard for students’ mental health, and provide strategies for the preservation and maintenance of students’ mental health.

As a special group, students’ mental health has been widely concerned and has become the focus of research. By studying the concept and standards of students’ mental health, analyze the main manifestations of students’ mental health problems, the factors affecting students’ mental health, strategies for the preservation and maintenance of students’ mental health can be made.

First, therapeutic lifestyle changes (TLC). Although there is substantial evidence that therapeutic lifestyle change (TLC) is very effective in maintaining mental health, its utilization remains low. TLC is sometimes as effective as psychotherapy or medication and can provide significant therapeutic advantages. Important ways of TLC include healthy diet, exercise, good

relationships, meditation, and Altruism. TLC has few negatives. Unlike psychotherapy and medication, they have no stigma and can even bring social benefits and respect. Second, good mental health support system. The school can take several steps to improve services and establish a good mental health support system for students. In addition to schools, the government should also be involved in the maintenance of students' mental health, including ensuring policy and financial support for students' mental health services, establishing community mental health service centers, and establishing volunteer support groups. Parents should also be involved. If possible, parents should also understand the general knowledge of mental health, timely identify students' risk of psychological problems, and actively cooperate with schools or treatment institutions as needed. Third, rational use of Internet technology and artificial intelligence (AI). In the Internet age, AI has brought great changes and convenience to human life. AI is being used in the development of prediction, detection and treatment solutions for mental health care too. In addition to predicting mental health problems, AI can also be used in psychotherapy to some extent. A chatbot is a computer program that mimics conversation with users via a chat interface, either text or voice based. They can be available at any time to communicate, can be used by individuals who experience stigma or discomfort with seeing a therapist, and can be accessed by those with limited access to traditional mental health services [14; 15].

Among 94 students who are texted, only 19,15% of the students have a good mental balance. Although no one is at the worst level of mental balance but 80,85% of the students have some problems in mental balance. It is worth mentioning that among 19,15% students who have a good mental balance, 94,44% of them scored close to the next level. This means that a significant number of students are still at risk of mental balance problems. 18,09% of the students are in unfavorable condition with well-being. 45,74% of the students are in unfavorable condition with activity. 13,83% of the students are in unfavorable condition with mood. It can be seen that students have the most prominent problems in activity. Nearly half of the students are in a bad state in terms of activity. According to research, this is due to a variety of reasons, including academic pressure, Internet addiction and so on. In a word, there are certain problems and risks in students' mental health, which cannot be ignored. It is necessary to provide strategies for the preservation and maintenance of mental health of students.

The results of the research can be used to create practical and methodological recommendations for educational psychologists, class teachers, group supervisors and for the students themselves, aimed at improving mental health.

Literature

1. Су Тао. Влияние показателей социокультурной адаптации, социальной поддержки и стратегий совладающего поведения на состояние психического здоровья китайских студентов / Су Тао, И.А. Фурманов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2023. – № 2 – С. 108–118.
2. Сахаров, А.В. Психическое здоровье студентов: монография / А.В. Сахаров, О.А. Тимкина, Н.В. Говорин. – Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2018. – 100 с.
3. Проблемы психологического здоровья личности: коллективная монография. – Уфа: АЭТЕРНА, 2018. – 244 с.
4. Жигинас, Н.В. Психическое здоровье студентов: монография / Н.В. Жигинас, В. Я. Семке; Том. гос. пед. ун-т; ГУ НИИ психич. здоровья ТНЦ СО РАМН. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000489767>
5. Qi Shuangyi. A review of Chinese mental health research / Qi Shuangyi, Xi Yingjun, Ma Xin // China Journal of Health Psychology. – 2019. – Vol. 27, № 6. – P. 947–950.
6. Jing Qicheng. Encyclopedia of Psychology / Jing Qicheng // Changsha: Hunan Education Press, 1991. – P. 11–12.
7. Xin Ziqiang. The Change of College Students' Anxiety from 1993 to 2009: A Cross-Historical Study / Xin Ziqiang, Xin Sufei, Zhang Mei // Psychological development and education. – 2011. – Vol. 27. – P. 648–653.
8. Пандемия COVID-19 и психическое здоровье: монография / отв. ред. А.М. Селедцов, Г.В. Акименко, Ю.Ю. Кирина. – Кемерово, 2020. – 208 с.
9. Li Xinying. How can college students overcome social phobia / Li Xinying // People's Forum. – 2018. – Dec.12. – P. 108.
10. Xu Yinghua. Survey on mental health among college students / Xu Yinghua // China Journal of Health Psychology. – 2019. – Vol. 27, № 6. – P. 952–954.
11. Ван, С. Личностные адаптационные ресурсы китайских студентов-первокурсников / С. Ван, Е.И. Петанова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. – 2016. Вып. 3. – С. 75–85. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.307.
12. Психология здоровья: учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2006. – 607 с.: ил. – (Сер. «Учебник для вузов»).
13. Xu Yinghua. Survey on mental health among college students / Xu Yinghua // China Journal of Health Psychology. – 2019. – Vol. 27, № 6. – P. 952–954.
14. Liu Peihua. Research on Youth Mental Health Education in the Network Environment / Liu Peihua // China Journal of Health Psychology. – 2017. – Vol. 25, № 2. – P. 1328–1331.
15. Graham Sarah. Artificial Intelligence for Mental Health and Mental Illnesses: an Overview / Sarah Graham, Colin Depp, Ellen E. Lee // American Psychologist. – 2011. – Oct. 4. – Vol. 66, № 7. – P. 1–3.

Поступила в редакцию 24.01.2024

Сравнительный анализ академической прокрастинации и фрустрации у студентов и выпускников общеобразовательной школы

Лауткина С.В.¹, Радашкевич А.А.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Белорусский государственный университет

Статья посвящена изучению феноменов академической прокрастинации и фрустрации. Приведены результаты эмпирического исследования проявлений академической прокрастинации и фрустрации у студентов вуза и выпускников общеобразовательной школы.

Цель статьи: изучение различий в академической прокрастинации и фрустрации у студентов вуза и выпускников общеобразовательной школы.

Материал и методы. Выборку исследования составили 60 испытуемых (30 студентов 1 курса университета и 30 выпускников общеобразовательной школы). Уровень фрустрации измерялся с помощью методики «Диагностика уровня социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана в адаптации В.В. Бойко; уровень прокрастинации определялся посредством методик: «Шкала общей прокрастинации» Б. Такмана в адаптации Т.Л. Крюковой; «Шкала иррациональной прокрастинации» П. Стила.

Результаты и их обсуждение. В результате исследования выяснилось, что студенты имеют высокий уровень академической прокрастинации (54% общей выборки) и фрустрации (53%), в то время как выпускники школы демонстрируют низкий уровень академической прокрастинации (50%), но значительно высокий, по сравнению со студентами, показатель фрустрированности (77%).

Заключение. Студенты вуза откладывают выполнение важных дел на неопределенный срок, немотивированно уклоняются от выполнения порученных дел, склонны к пустому времяпрепровождению; у них отсутствует желание делать что-либо, требующее волевого усилия. Фрустрирующими факторами для студентов 1 курса выступают: адаптация к условиям вуза, академической группе, необходимость сдачи зимней и летней сессии (зачетов, экзаменов).

Выпускники школы осознанно преодолевают прокрастинацию в процессе подготовки домашних заданий и самостоятельных работ, проявляют волевое усилие при выполнении разнообразных заданий, демонстрируют заинтересованность в высоких учебных результатах. Для выпускников школ высокая фрустрированность может быть вызвана большой учебной нагрузкой, в связи с подготовкой к выпускным экзаменам и необходимостью последующего профессионального самоопределения.

Ключевые слова: прокрастинация, академическая прокрастинация, фрустрация, фрустрационное состояние, сравнительный анализ, студент, выпускник, поведение.

A Comparative Analysis of Academic Procrastination and Frustration among Students and School Graduates

Lautkina S.V.¹, Radashkevich A.A.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Belarusian State University

The article is concerned with the research of the phenomena of academic procrastination and frustration. The results of an empirical research of the manifestations of academic procrastination and frustration among university students and graduates of secondary schools are presented.

The purpose of the article is to study the differences in academic procrastination and frustration among university students and graduates of secondary schools.

Material and methods. The study sample consisted of 60 subjects (30 1st year university students and 30 graduates of schools). The level of frustration was measured using the methodology "Diagnosis of the level of social frustration" by L.I. Wasserman in the adaptation of V.V. Boyko; the level of procrastination was identified by the methods: "Scale of general procrastination" by B. Takman in the adaptation of T.L. Kryukova; "Scale of Irrational Procrastination" by P. Steele.

Findings and their discussion. As a result of the study, it turned out that students have a high level of academic procrastination (54% of the total sample) and frustration (53%), while school graduates demonstrate a low level of academic procrastination (50%), but a significantly high level of frustration (77%) compared to students.

Conclusion. *University students postpone the performance of important tasks indefinitely, in an unmotivated way evade the performance of assigned tasks, are prone to empty pastime; they have no desire to do anything that requires volitional effort. Frustrating factors for 1st year students are: adaptation to university conditions, academic group, the need to pass winter and summer sessions (tests, exams). Graduates of the school consciously overcome procrastination in the process of doing homework and independent work, show strong-willed effort when performing various tasks, and demonstrate interest in high academic results. For school graduates, high frustration can be caused by a heavy academic load, due to reading up for final exams and the need for subsequent professional self-determination.*

Key words: *procrastination, academic procrastination, frustration, frustrated state, comparative analysis, student, graduate, behavior.*

Феномен прокрастинации характерен для одной пятой части взрослого населения и одной второй студенчества. **Прокрастинацией** является *добровольное затягивание предполагаемого курса действий индивида, несмотря на то, что в результате этой задержки положение его ухудшается*. Прокрастинация оказывает негативное влияние на производительность индивида и связана с ухудшением его психического здоровья. Стресс, беспокойство и чувство вины распространены даже среди тех, кто прокрастинирует время от времени. Прокрастинацию можно объяснить, опираясь на различные теории: мотивационные; обучения; самоэффективности; предубеждения и эвристики. Так, темпоральная мотивационная теория дает комплексное объяснение прокрастинации, исходя из взаимодействия и влияния четырех переменных: ожидаемой, стоимостной, импульсивности и времени. Общим следствием влияния перечисленных переменных является то, что прокрастинацию следует рассматривать как своеобразную поведенческую проблему, которая требует когнитивной концептуализации случая или функционального анализа, чтобы направлять специалистов в их работе по преодолению прокрастинации.

Другим явлением, которое характеризуется чувством лишения положительного подкрепления, является **фрустрация**, возникающая при не награждаемых пробах. Фрустрация задерживает выработку рефлекса в начальных пробах, но в последующих – усиливает реакции и увеличивает их стойкость к угасанию. Согласно теории двух факторов С. Халла, более быстрое угасание регулярно подкрепляемых реакций объясняется тем, что при угасании организм впервые сталкивается с интерференционным действием фрустрации [1].

Прокрастинация особенно проявляется в период студенчества. Студенты склонны постоянно откладывать различные дела, в частности, выполнение учебных заданий и самостоятельной работы, подготовку к зачетам и экзаменам и др. Академическая прокрастинация является наиболее распространенной и типичной формой прокрастинации [2; 3].

Среди наиболее значимых работ в этом направлении являются исследования: Я.И. Варваричевой [4], работавшей над адаптацией методики измерения общей и академической прокрастинации; Н.Г. Гаранян [5], использовавшей показатель прокрастинации в изучении психологических факторов этиологии, патогенеза и динамики депрессивных состояний и тревожных расстройств; А.А. Горбуновой [6], показавшей отрицательную связь прокрастинации и способности к произвольному управлению эмоциями и др.

В целом российские и белорусские исследования прокрастинации ведутся относительно недавно, и они не так многочисленны, как зарубежные. Так, С. Шер и Дж. Феррари [7] изучали разновидности заданий (академические или неакадемические), которые чаще всего откладываются на потом людьми, склонными к прокрастинации. К. Лэй [8] проводил исследования о связи прокрастинации с интеллектом, тревожностью и другими личностными характеристиками.

Очевидно, что в процессе адаптации в учебном заведении студенты первого курса и выпускники общеобразовательной школы сталкиваются не только с проблемой прокрастинации, но и с состоянием фрустрации. Дезорганизующий характер фрустрации оказывает пагубное влияние на продуктивность деятельности, в том числе учебной.

В общем виде под **фрустрацией** (от лат. *frustratio* – обман, тщетное ожидание) понимается *психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания*. Чем выше у учащихся уровень фрустрации, тем выше тревожность, напряженность, агрессивность и ригидность, и ниже средний балл эмоциональной стабильности и успеваемости. Уровень фрустрации у неуспевающих учащихся выше, чем у успевающих.

О.А. Бокова [9] считает, что фрустрацию у учащихся можно предупредить и возможно ее регулировать, а также воспитывать выносливость у обучающихся и развивать правильное понимание проблемы у них. Полностью избежать фрустрации невозможно, да и не нужно.

Столкнувшись с фрустрацией, учащийся начинает осознавать себя в различных ситуациях, учится преодолеть различные трудности. Таким образом, стереотипные поведенческие стратегии и негибкое эмоциональное реагирование закрепляют состояние фрустрации, а неадекватность эмоционального реагирования на психотравмирующее влияние приводит к нарушению соотношения между психическими и физиологическими процессами адаптации.

Для студентов на каждом году обучения есть два трудных периода, связанных с перепадами эмоционального состояния – это зимняя и летняя сессия. С.Ш. Казданян и С.М. Джаладян [10] считают, что экзамен является одним из самых тяжелых испытаний в учебном году. Экзаменационный процесс сопровождается психоэмоциональными и энергетическими затратами, способствует резкому уставанию студентов, и даже у выносливых студентов в период сессии появляется постоянное желание отдохнуть. К перечисленным проблемам добавляются раздражительность, злость на близких и окружающих, справиться с которыми студенты не могут.

По мнению А.В. Арефьевой и др. [2], эмоциональное напряжение студент испытывает не только во время сессии, но и в период всего процесса обучения. Превалирование зачетов, экзаменов, большой объем усваиваемой информации, дефицит времени на ее переработку и др. порождает застойные отрицательные эмоции, которые оказывают влияние на психическое состояние студента, а при его ухудшении вызывают предстартовое волнение и напряжение, что приводит к трудностям воспроизведения усвоенного материала, а иногда и к безразличию ко всему происходящему, не желанию решать возникающие проблемы.

В период ранней юности на общем фоне высокой агрессивности агрессия кажется наиболее типичной реакцией в ситуациях фрустрации. Агрессию обычно определяют ведущей в стенических проявлениях фрустрации. Агрессия может иметь физическую форму проявления – прямую или косвенную, а также вербальную. Так, Е.П. Ильин [11] полагает, что внешним стимулом агрессивного поведения является фрустрирующая ситуация. Стратегия избегания фрустрирующей ситуации может выражаться в реальных поведенческих актах у обучающихся: пропуск занятий, опоздания, активное участие в «более значимой» деятельности, протестном поведении. А также проявляться в психологической форме: забывание о задании,

отвлечение внимания, интеллектуальный «ступор», обесценивание деятельности, отрицание неудачи, видение значимости в безрезультатных действиях, приписывание умысла и предвзятости оценивающим, то есть выход из ситуации обеспечивается внесением в нее иного содержания.

Таким образом, анализ исследований в области прокрастинации и фрустрации показывает актуальность и социальную значимость изучения данных феноменов на группе обучающихся.

Материал и методы. Эмпирическое исследование проявления академической прокрастинации и фрустрации проводилось на факультете социальной педагогики и психологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» и в ГУО «Средняя школа № 17 г. Витебска имени И.Р. Бумагина». В исследовании приняли участие 60 испытуемых (30 студентов 1 курса специальностей «Психология» и «Социальная работа» и 30 выпускников общеобразовательной школы). Возрастной диапазон испытуемых от 16 до 19 лет.

В качестве диагностического инструментария использованы методики: «Шкала общей прокрастинации» Б. Такмана (Tuckman General Procrastination Scale, TGPS) в адаптации Т.Л. Крюковой; Шкала Иррациональной прокрастинации П. Стила (Irrational Procrastination scale (IPS), 2010)) в адаптации Я. Исайкина; диагностика уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана (1995) в адаптации В.В. Бойко. Форма предъявления методик – групповая.

С целью изучения статистических различий явлений между выборками использован t-критерий Стьюдента; для изучения статистического равенства явлений между выборками – критерий коэффициент корреляции Пирсона; для проверки гипотезы о принадлежности выборки некоторому закону распределения – критерий однородности Колмогорова–Смирнова.

Результаты и обсуждение. Процентное соотношение уровней прокрастинации (низкий, средний, высокий) по результатам выполнения методики «Шкала общей прокрастинации» Б. Такмана в адаптации Т.Л. Крюковой представлено на рисунке 1.

Так, было установлено, что повседневным состоянием для 14 студентов (47%) и 4 выпускников (13%) является высокий уровень прокрастинации (ВУП). Для них каждое дело откладывается «на завтра» или выполняется в максимально короткий промежуток времени, что ухудшает итоговое качество работы. Они чаще выбирают

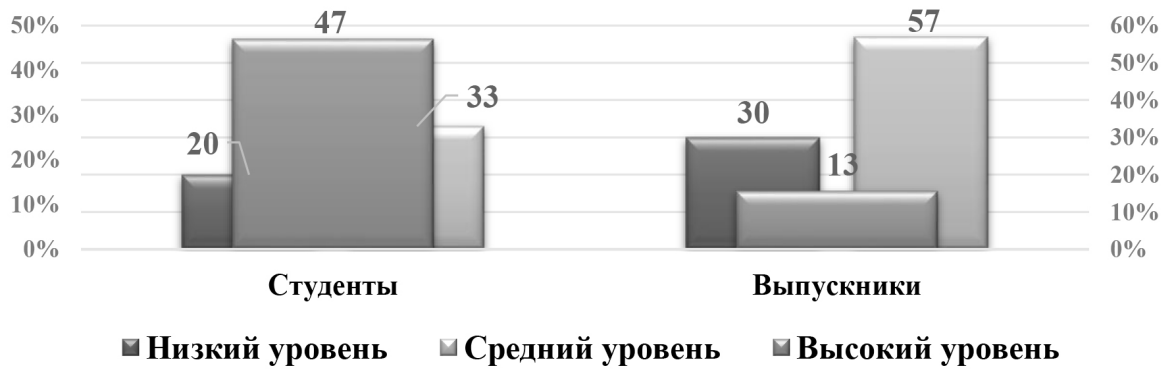

Рисунок 1 – Результаты выполнения методики «Шкала общей прокрастинации» Б. Такмена в адаптации Т.Л. Крюковой (%)

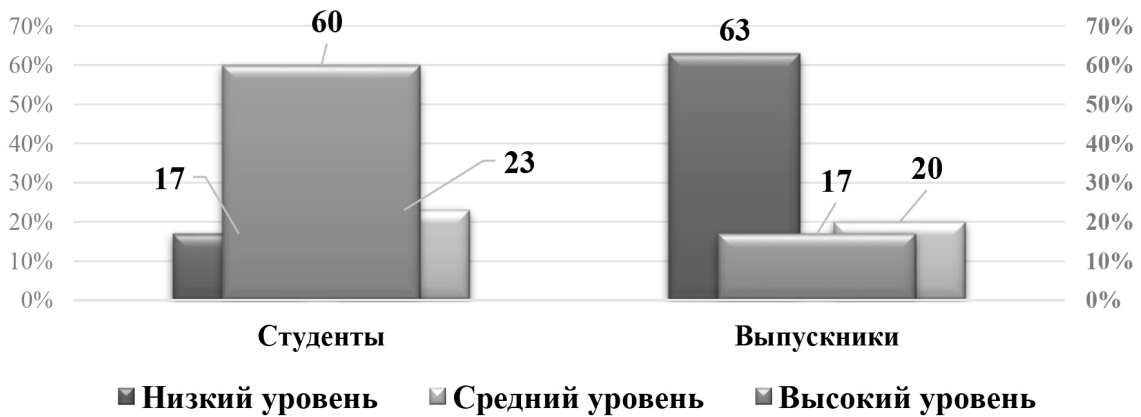

Рисунок 2 – Результаты диагностики по шкале иррациональной прокрастинации П. Стила в адаптации Я. Исайкина (%)

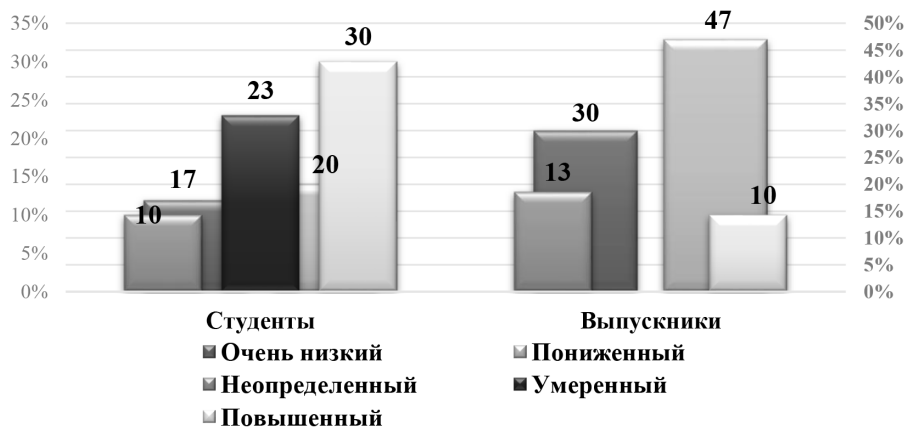

Рисунок 3 – Результаты диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана в адаптации В.В. Бойко

избегание и поиск социальной поддержки. У 11 студентов (33%) и 9 выпускников (57%) – средний уровень прокрастинации (СУП). Испытуемые выполняют не очень важные дела, другие – могут откладывать на потом, в результате чего получение результата работы незначительно задерживается, но качество не ухудшается.

Легкий уровень прокрастинации (ЛУП) свойственен 5 студентам (20%) и 17 школьникам (30%). Такие обучающиеся выполняют поставленные задачи и достигают целей вовремя, следуют намеченному плану, опозданий не допускают. Для них характерна высокая осмысленность жизни, простроенность будущего, эмоциональная удовлетворенность прошедшим периодом. Также было выявлено среднее значение прокрастинации (студенты – 117 баллов, выпускники – 101 балл, что находится в диапазоне средних значений проявления прокрастинации).

Для более глубоко изучения феномена академической прокрастинации была проведена диагностика по шкале иррациональной прокрастинации П. Стила в адаптации Я. Исайкина (рисунок 2).

Результаты испытуемых по данной шкале показали, что для 18 студентов (60%) и 5 выпускников (17%) характерен ВУП. Им свойственно лениться, откладывать завершение дел на неопределенный срок, низкая вовлеченность в работу, общая незаинтересованность в учебной деятельности. СУП выявлен у 7 студентов (23%) и 6 выпускников (20%). Для них характерно периодическое откладывание дел на потом, но все-таки в итоге они завершают свои дела, хотя и делают это без особого желания. ЛУП продемонстрировали 5 студентов (17%) и 19 выпускников (63%). Они активны, доводят свои дела до конца, не откладывая их на потом, характеризуются высокой работоспособностью и увлеченностью делом. Среднее значение прокрастинации составило: для студентов – 30 баллов (ВУП); выпускников – 24 (СУП).

Анализ литературы и результаты диагностики позволили выделить факторы риска проявления прокрастинации у испытуемых. Так, *психологическими факторами* являются: неспособность принимать решения, трудности адаптации, недостаточная саморегуляция деятельности, импульсивность, страх свободы и ответственности, эмоциональный дискомфорт. К *социальным факторам* риска относятся: особенности современных средств коммуникации и цифровых технологий (возможность дистанционного и опосредованного общения и получения информации,

мгновенного обмена информационными сообщениями, анонимного общения с необязательной ответственностью), приоритет материальных ценностей в современном обществе и др.

Для выявления особенностей фрустрированности у испытуемых использована диагностика уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана адаптации В.В. Бойко (рисунок 3).

Очень низкий уровень социальной фрустрированности (ОНУСФ) показали 5 студентов (17%) и 9 выпускников (30%). Для них характерна низкая степень стрессовой нагрузки, снижение активности и эффективности деятельности. Пониженный уровень социальной фрустрированности (ПонУСФ) выявлен у 6 студентов (20%) и 14 выпускников (47%); такие респонденты безразличны к происходящему вокруг себя, вяло реагируют на что-либо. Неопределенный уровень социальной фрустрированности (НУСФ) – у 3 студентов (10%) и 4 выпускников (13%); для них характерно проявление агрессии разной направленности. Умеренный уровень социальной фрустрированности (УУСФ) выявлен у 7 студентов (23%), которые в целом склонны откладывать дела на потом, однако не делают этого на постоянной основе. УУСФ у выпускников не выявлен. Повышенный уровень социальной фрустрированности (ПовУСФ) показали 9 студентов (30%) и 3 выпускника (10%). Они склонны к постоянному откладыванию важных и срочных дел, что впоследствии может привести к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам. ПовУСФ и УУСФ могут снижать жизнестойкость организма и выступать угрозой психологической безопасности личности. Выявлено среднее значение социальной фрустрированности (студенты – 2,3 балла (НУСФ); выпускники – 1,7 баллов (ПонУСФ)).

Таким образом, были определены факторы риска проявления фрустрации у студентов и выпускников общеобразовательной школы. Состояние фрустрации зависит от силы желания и значимости цели, ожидаемости и предсказуемости результата и возникает под влиянием различных сочетаний ситуативных факторов, экстремальных условий, зачастую случайных, которые вызваны учебной деятельностью.

Заключение. Академическая прокрастинация предполагает задержку выполнения учебных задач и связана с несформированностью учебных навыков, неорганизованностью, забывчивостью и общей поведенческой ригидностью. Следствием такого поведения в большинстве случаев стано-

вится снижение успеваемости и результативности обучения. Поэтому важным является изучение специфики промедления у хорошо успевающих и слабо успевающих учащихся и студентов, что позволяет сделать акцент на исследовании различий в механизмах возникновения прокрастинации.

Фрустрация может оказать различное влияние на деятельность индивида. В одних случаях она мобилизует его для достижения отдаленной по времени цели, повышает силу мотива. Однако при этом формы поведения могут носить импульсивный и иррациональный характер, используются защитные механизмы. Человек либо стремится путем замещающих действий уйти от конфликтной ситуации (запрещенная или недостижимая цель выполняется мысленно или только частично, или решается другая похожая задача), либо вообще отказывается от деятельности.

В ходе исследования выявлены различия в проявлении академической прокрастинации и фрустрации у студентов и выпускников школы в связи с изменением привычных факторов внешней среды, когда происходят изменения деятельности индивида. Данные изменения сопровождаются трансформациями в его социальном окружении. Было установлено, что у выпускников школы с низким уровнем фрустрированности в меньшей степени выражена прокрастинация, чем у выпускников с высокой фрустрированностью. Фрустрированность повышает либо понижает уровень прокрастинации, такую же обратную связь может дать и прокрастинация, которая также оказывает влияние на уровень фрустрированности, так как в ситуации откладывания дел «на потом» индивид испытывает широкий спектр отрицательных эмоций и, соответственно, является очень чувствительным к внешним раздражителям.

Полученные результаты исследования могут быть использованы для создания практических

и методических рекомендаций для педагогов-психологов, классных руководителей, кураторов групп и для самих обучающихся, направленных на снижение уровня прокрастинации.

Литература

1. Майер, Н. Фрустрация: поведение без цели / Н. Майер. – М., 2005. – 256 с.
2. Арефьева, А.В. Адаптация студентов к учебному стрессу [Электронный ресурс] / А.В. Арефьева [и др.] // Здоровье и образование в 21 веке – 2012. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-studentov-k-uchebnomu-stressu>. – Дата доступа: 08.07.2023.
3. Богомаз, С.Л. Психологические особенности студентов, склонных к прокрастинации / С.Л. Богомаз, Н.И. Циркунова, Е.А. Гущина // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 3(27). – С. 89–95.
4. Варваричева, Я.И. Исследование связи прокрастинации, тревожности и IQ у школьников / Я.И. Варваричева // Здоровье нации – основа процветания России, 2013. – Т. 2. – С. 147–149.
5. Гараян, Н.Г. Психологические модели перфекционизма / Н.Г. Гараян // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С. 74–83.
6. Горбунова, М.Ю. Социальная психология / М.Ю. Горбунова. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. – 223 с.
7. Ferrari, J.R. Assessment of academic and everyday procrastination / J.R. Ferrari, J.L. Johnson, W.G. McCown // Procrastination and task avoidance. – 1995. – № 17. – P. 47–70.
8. Lay, C.H. Explaining lower-order traits through higher order factors: the case of trait procrastination, conscientiousness, and the specificity dilemma / C.H. Lay // European Journal of Personality. – 1997. – Vol. 11. – P. 267–278.
9. Бокова, О.А. Теоретические основы изучения личностной ригидности как показателя открытости психологической системы [Электронный ресурс] / О.А. Бокова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_22483090_28063943.pdf. – Дата доступа: 08.07.2023.
10. Казданян, С.Ш. О проявлении агрессии и конфликтности у студентов в период экзаменационной сессии / С.Ш. Казданян, С.М. Джаладян // Бюллетень науки и практики. – 2017. – № 5. – С. 271–279.
11. Ильин, Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень / Е.П. Ильин. – Москва: Питер, 2011. – 224 с.

Поступила в редакцию 28. 12.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышев Владимир Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Бекбаева Меруерт Канатовна – старший преподаватель, магистр экономических наук Университета имени Д.А. Кунаева.

Бекиш Евгений Иванович – доцент кафедры экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат сельскохозяйственных наук, доцент.

Богомаз Сергей Леонидович – заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Калиева Гульбахыт Тулпарбековна – доктор экономических наук, профессор Университета имени Д.А. Кунаева.

Климкович Майя Викторовна – аспирант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Курлович Руслан Васильевич – начальник отдела Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, адъюнкт ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь».

Лауткина Светлана Владимировна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Мантур Елена Евгеньевна – доцент УО «Белорусский национальный технический университет», кандидат филологических наук, доцент.

Мороз Наталия Олеговна – доцент кафедры международного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Радашкевич Анастасия Александровна – магистрантка факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Сапаргалиев Хаиржан Умирбекович – кандидат экономических наук, доцент, ТОО СП «Тюмень-НефтеПродукт».

Семёнова Наталья Сергеевна – старший преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Фабрикант Маргарита Сауловна – доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

Цзин Сяоцин – магистрант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Чубов Александр Николаевич – адъюнкт ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь».

Шаматульская Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры экологии и географии ВГУ имени П.М. Машерова.

Янкевич Елена Михайловна – доцент кафедры информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук.

Яцкевич Алина Юрьевна – старший преподаватель кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Baryshev Vladimir Alekseyevich – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law.

Bekbayeva Meruyert Kanatovna – Senior Lecturer, Master of Economics of D.A. Kunayev University.

Bekish Evgueni Ivanovich – Assistant Professor of Vitebsk Branch of International University MITSO Department of Economics and Information Technologies, PhD (Agricultural Sciences), Assistant Professor.

Bogomaz Sergei Leonidovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Kaliyeva Gulbakhyt Tulparbekovna – Doctor of Economics, Professor of D.A. Kunayev University.

Klimkovich Maya Viktorovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology Postgraduate.

Kurlovich Ruslan Vasilyevich – Department Head of State Border Committee of the Republic of Belarus, Institute of Border Service of the Republic of Belarus Adjunct.

Lautkina Svetlana Vladimirovna – Associate Professor Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Associate Professor.

Mantur Elena Evgenyevna – Assistant Professor of Belarusian National Technical University, PhD (Philology), Assistant Professor.

Maroz Nataliya Olegovna – Assistant Professor of Belarusian State University Department of International Law, PhD (Law), Assistant Professor.

Radashkevich Anastasiya Aleksandrovna – master student of Belarusian State University Faculty of Philosophy and Social Sciences.

Sapargaliyev Khairzhan Umirbekovich – PhD (Economics), Assistant Professor, JV “TiumenNefteProdukt”.

Semenova Natalia Sergeevna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Fabrykant Margaryta Saulovna – Assistant Professor of Belarusian State University Department of Social and Organization Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Jing Xiaoqing – master student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Chubov Aleksandr Nikolayevich – Institute of Border Service of the Republic of Belarus Adjunct.

Shamatulskaya Elena Vladimirovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Ecology and Geography.

Yankevich Elena Mikhailovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, PhD (Economics).

Yatskevich Alina Yuryevna – Senior Lecturer of Belarusian State University of Information Science and Radio Electronics Department of Engineer Psychology and Ergonomics.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется

в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 07.03.2024. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 9,72. Тираж 65 экз. Заказ 34.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.